

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег ТАРУГИН

КОМДИВ

Ключи от ворот Ленинграда

Annotation

Новый ураганный боевик от автора бестселлеров «Комбат» и «Комбриг»!

Третий раз отправляясь в далекое прошлое, слушатель Высшей Академии Сухопутных Войск Земной Федерации Сергей Кобрин точно знает, на что идет. Больше никакого «тумана войны» – полученный приказ прост и понятен: любой ценой не допустить блокады Ленинграда!

Его бойцам предстоит столкнуться не только с диверсантами из отряда «Бранденбург-800» и штурмовой кампфгруппой полковника Рауса, но и с танками 4-й танковой армии генерал-полковника Гёпнера!

И не выполнить приказ русский офицер из будущего просто не имеет права – слишком многое поставлено на кон! Ведь недаром стратегический мост через Лугу и плацдарм у села Ивановского были названы «ключами от ворот Ленинграда», откуда открывалась прямая дорога к городу на Неве...

- [Олег Таругин](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- 1

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Олег Таругин

Комдив. Ключи от ворот Ленинграда

© Таругин О. В., 2017

© ООО «Издательство «Яуз», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные воинственные операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru). Спасибо большое, друзья!

Пролог

Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин, конец августа 1941 года

...— так что отдохнуть, как видишь, не удастся, лейтенант, — завершив фразу, Лаврентий Павлович испытующе взглянул на Зыкина. — Сам ведь на фронт недавно просился? Впрочем, ты, полагаю, не против?

— Никак нет, товарищ народный комиссар! — вскинулся Виктор, все еще не привыкший к общению с руководством ТАКОГО уровня. — Какое там отдыхать?! Готов немедленно приступить к выполнению задания!

— Вот и хорошо, — усмехнулся самым краешком узких губ всесильный нарком, сверкнув стеклами неизменного пенсне. — Я так и думал. Отправляйся под Смоленск и аккуратно выясни подробности того, о чем я тебе только что рассказал. *Любые подробности*, даже самые, казалось бы, незначительные. Но самое главное — аккуратно, это ясно? Вполне возможно, простое совпадение. А вот если нет, то действуй согласно нашему плану. Но тоже крайне аккуратно. Документ у тебя имеется, серьезный документ. Но особенно на него не надейся и лишний раз не используй — порой такая бумага только во вред. Мы поняли друг друга?

— Так точно, товарищ народный комиссар!

— В случае получения интересующих меня сведений, так или иначе касающихся нашего *фигуранта*, радиовать немедленно, я получу сообщение максимум в течение получаса. На этом все, свободен. Машина внизу, самолет ждет на Центральном. Если имеешь вопросы, задавай сейчас.

— Всего один, товарищ нарком. Вы говорили, что я буду работать с группой...

Берия легонько прихлопнул ладонью по столешнице. Улыбнулся:

— Разумеется, будешь. Когда людей подберешь и группу создашь. А пока сам. Я ответил?

— Так точно. Разрешите идти?

На сей раз наркомвнудел даже не стал ничего говорить, лишь кивнул и легонько махнул рукой: «свободен, мол». Протопав строевым шагом положенные метры до двери, Зыкин торопливо покинул высокий кабинет, расслабленно выдохнув лишь в гулком пустом коридоре. Уф, аж взмок весь! Все никак не привыкнет, что вот так запросто говорит с САМИ! С одной стороны, уж в третий раз за эту сумасшедшую неделю его к Берии

вызывают, а с другой – как тут привыкнешь? Кто он и кто Лаврентий Павлович? Ох, высоко-высокоонько ты, Виктор Тимофеич, взлетел... как бы падать больно не оказалось.

Одернув гимнастерку и поправив портупею (пустая кобура немного раздражала, на фронте успел привыкнуть к оружию, но пистолет вернут только при выходе из здания), Зыкин надел фуражку и коротко дернул щекой: а вот хрен, прорвемся! Авось и не жахнемся об землю-матушку, что тот Икарушка из древней легенды. Степаныч, хоть и общались недолго, многое в нем изменил и многому научил. Так что справится. И задание выполнит. Которое, так уж выходит, как раз Степаныча и касается. Ну, в смысле, капитана Кобрина, Сергея Викторовича. Ха, кстати, смешно, но это запавшее в память словечко «прорвемся» – как раз одно из тех, которые он подслушал у комбата! Все, прочь несвоевременные мысли – автомобиль ждет. Насчет всего остального после мозгами пораскинем, время у него в полете будет. А подумать после того, о чем ему товарищ Берия рассказал, есть о чем...

Под крыльями военно-транспортного «Дугласа» – нет, не того самого, что вез его в Москву, другого – промелькнули разрисованные деревьями и кустами бетонные плиты взлетно-посадочной полосы Ходынского аэродрома, стремительно унеслись назад бутафорские сельские хатки с не менее бутафорскими огородами и колодцами. Моторы изменили тональность, вытаскивая самолет на положенную высоту, загудели ровно, басовито. Все, порядок, взлетели. По сторонам пристроилась пара истребителей ИАП особого назначения, которые будут прикрывать самолет во время полета.

Отвернувшись от иллюминатора, за толстым выпуклым стеклом которого маячил остроносый краснозвездный фюзеляж, Зыкин хмыкнул: однако! С почетным эскортом летит, словно представитель Ставки! С другой стороны, чему, собственно, удивляться? К его рассказу товарищ Берия отнесся со всем возможным вниманием, хоть поначалу вроде бы и не поверил. Даже угрожал, было такое дело, было. Но то поначалу, пока не изучил вдумчиво полтора десятка исписанных убористым зыкинским почерком писчих листов. А уж как прочитал...

На следующее утро невыспавшийся лейтенант снова предстал перед начальственны очи. И добрых три – если не больше – часа отвечал на всякие уточняющие вопросы, порой повторявшиеся по несколько раз в разных формулировках, а порой вовсе не имеющие к изложенному ни малейшего отношения. Вымотался – мама не горюй, словно еще раз пережил тот бесконечный день двадцать второго июня. Okajisъ под рукой

медицинские напольные весы – ничуть бы не удивился, узнав, что пару килограммов сбросил, то ли с потом, то ли «от нервов»... А уж КОМУ товарищ народный комиссар его рассказ после передал – и подумать страшно! Нет, КОМУ – это-то как раз понятно, но именно потому и страшно. Товарищ Берия – недосягаемая высота, а уж тот, кто НАД ним стоит... это и вовсе, как говорится, в голове не укладывается...

Ну а сегодня Лаврентий Павлович его снова к себе вызвал. Правда, особого страха Витька уже не испытывал – волнение скорее. Перегорел, видать. Или привык. Да и чего уж бояться? Коль в первые дни не арестовали, значит, поверили. Иначе бы не в высокий кабинет вызвали, а совсем в другом направлении повели. Причем под конвоем и без ремня, что характерно. Так и оказалось: «рассказа о будущем», как про себя называл лейтенант откровения Минаева-Кобрина, наркомвнудел больше не касался. Сразу перейдя к делу. А дело оказалось в следующем: к принесенной Виктором информации *на самом верху* отнеслись более чем серьезно. Собственно говоря, вопрос «верить – не верить», насколько он понял из обтекаемых фраз наркома, на повестке дня и вовсе не стоял. Наверняка за эти дни личность бывшего начальника особотдела 239-го полка 27-й стрелковой дивизии Зыкина Виктора Тимофеевича, одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, проверили по всем доступным каналам не дважды и, скорее всего, даже не трижды.

И потому сейчас основным вопросом было «как мы можем использовать это неожиданное знание?». Нет, в целом оно, конечно, понятно как. Всегда полезно знать планы противника, пусть и в общих чертах. Особенно те, которые оным противником пока даже не разработаны. Но информация требовала проверки. Витька и сам прекрасно понимал, что, несмотря на профессионально тренированную память, просто физически не мог запомнить ВСЕХ подробностей рассказанного «комбатом». Да и эмоции во время того рассказа поистине зашкаливали, туманя разум и мешая адекватному восприятию поистине ценнейших сведений. Ну, уж в этом-то его вины точно не имеется: попробуй-ка остаться с холодной, как товарищ Дзержинский завещал, головой, когда в одночасье узнаешь ТАКОЕ и твой мир внезапно рушится, грозя погрести под обломками хрупкий человеческий разум! Война-то еще ладно – ведь победили же, пусть и гораздо позже, чем думалось, и заплатив за это чудовищными жертвами. А вот то, что дальше с Советским Союзом произошло...

Вот потому-то Лаврентий Павлович и решил, что к поступающей с фронта оперативной информации следует отнести с особым вниманием.

Не ко всей в целом, понятное дело, для этого НКО да генштаб имеются, а к некоторым, скажем так, *аспектам*. Как он сам выразился во время их первой встречи: «если вдруг еще какой красный командир неожиданно станет воевать не так, как другие, а лучше или необычней», то это вполне может означать то, что в их времени снова появился «гость». И отыскать этого самого «гостя» будет проще тому, кто уже с ним встречался. То бишь ему, Зыкину. Поскольку больше-то и некому, так выходит.

Именно поэтому Виктор сейчас и летел под Смоленск.

Почему туда? Да хотя бы потому, что по принесенной им же самим информации город пришлось сдать противнику еще в конце июля. А он держался. И, судя по фронтовым сводкам, сумеет продержаться как минимум до начала осени. Нет, с одной стороны, виной тому могут быть действия того же Минаева-Кобрина, предотвратившего Белостокский котел и сорвавшего фашистские планы по замыканию Минского. О чем-то подобном Витьке еще сам Степаныч, помнится, рассказывал. Касательно того, что история в результате их действий уже пошла по другой колее и дальше изменения будут только нарастать.

Или же причиной этого стали действия командира сто первой танковой дивизии полковника Михайлова Григория Михайловича, ухитившегося окоротить немцев в тот момент, когда сдача Смоленска казалась практически неминуемой? Вернее, одного из его комбригов, некоего подполковника Сенина. Который в результате полученной в бою контузии – вот неожиданность, ага! – внезапно напрочь потерял память. Практически так же, как и присногамятный комбат Минаев, который лег спать одним человеком, а проснулся – совсем другим. Но тоже не помнящим ровным счетом ничего из событий последних дней!

Совпадение? Да, возможно, именно совпадение: контузия – она такая штука, что угодно может случиться. А если нет? Если это именно тот, кого они ищут – Кобрин? Вполне себе вариант, который Зыкину и предстояло проверить. Потрепанную боями дивизию отвели в неглубокий тыл на пополнение и переформирование, так что момент более чем удачный. Тут главное, как и наставлял товарищ Берия, действовать предельно аккуратно. Не спугнуть. Не насторожить. Втереться в доверие и выспросить потихоньку, что да как. Правда, Сенин вместе со своим экипажем сейчас в госпитале, так что сначала необходимо поговорить с Михайловым, а уж потом заняться комбригом.

«Угу, вот именно что втереться в доверие! – самокритично фыркнул Зыкин про себя. – Можно подумать, Степаныч... ну, в смысле Кобрин, меня с первого взгляда не узнает! Это ж он, гм, в разных телах может

находиться, а не я! А как узнает, так и начнет дурака валить, делая вид, что ни разу не знакомы. Если, конечно, сам не захочет с боевым товарищем общаться. Проблема, между прочим, об этом он как-то не подумал... Если Степан... тьфу ты, снова. А ладно, буду его и дальше Степанычем величать, поскольку привык. Так вот, ежели он в отказ пойдет, как тут докажешь, что он – это он? С другой стороны, если память потерял – значит, не он это, скорее всего. Ох, сложно все, прям голова кругом... впрочем, ладно, к чему из пустого в порожнее переливать? На месте разберемся, он – не он. Да и не такой Степаныч человек, чтобы от разговора отказываться, тут никакой ошибки быть не может – в людях Витька худо-бедно разбирается. Если в госпитале именно Минаев-Кобрин окажется, точно поговорить согласится, не станет от него прятаться да в глаза врать»...

Глава 1

Земля, далекое будущее

Подошел к концу очередной год обучения. Теоретические занятия, работа с архивными историческими документами в голотеке, практика, индивидуальная физподготовка (пару раз слушателей академии, дабы не теряли формы, даже поднимали по тревоге среди ночи, грузили, будто простых десантников, в суборбитальные транспортники и выбрасывали в безлюдных районах планеты с заданием добраться до точки сбора или выполнить то или иное задание), виртуальные тренажеры с эффектом полного погружения, изучение сводок с фронтов и отработки полученных вводных на тактическом планшете или тех же виртах... Рутина.

Ага, именно так: в некий момент слушатель третьего курса ВАСВ^[1] Сергей Кобрин поймал себя на мысли, что все происходящее для него – не более чем рутина. По крайней мере, по сравнению с тем, что он пережил, пройдя два «Тренажера». Нет, он, разумеется, отлично осознавал, что боевые действия продолжаются, что на множестве планет Земной Федерации гибнут люди, и мирные граждане и его боевые товарищи, многих из которых он знал лично. И к которым ему рано или поздно суждено вернуться – уже не в качестве бесшабашного командира штурмовой роты 42-го МПП, а полноценного полковника Генерального штаба сухопутных войск, в подчинении которого будет не сотня бойцов, а многие тысячи...

Но, как и в прошлый раз, Сергей все равно хотел поскорее оказаться там, на другой войне. Той, настоящей, с которой он, неожиданно для самого себя, сроднился раз и навсегда. Возможно, это и было неправильно – разумом он понимал, что «Тренажеры» в любом случае вскоре закончатся и ему придется навсегда остаться в своем времени. Как и то, что идущая в десятках световых лет от Земли война – ничуть не менее реальная, кровопролитная и страшная. Однако ничего не мог с собой поделать. С каждым разом он ощущал... нет, вовсе не желание просто вернуться в прошлое – скорее некую НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ своей миссии. Своего рода недосказанность, словно в интересной книге, внезапно оборванной автором на самом интересном месте. И неважно, что руководство называло это просто *тренировками*, пусть и связанными с нешуточным риском для испытуемого. Сам он давно так не считал, всей душой ощущая, что это

нечто гораздо, гораздо большее. Да и помянутое руководство, скорее всего, тоже, хоть прямо об этом и не говорило...

Впрочем, делиться с кем-либо своими мыслями капитан уж точно не собирался – еще чего не хватало. Только лишние проблемы. Грозящие как минимум временным отстранением от дальнейшего обучения и внутренним расследованием в духе «а что вы, собственно, имели в виду?», а то и чем похуже. Так что кое-что лучше держать при себе. Поскольку чревато, знаете ли.

А вот сны, что тревожили в прошлом году, больше Сергею отчего-то не снились. Ни погибший прадед, ни пройденные летом сорок первого бои, ни Витька Зыкин... впрочем, нет, один раз все-таки было. Буквально с месяц тому Кобрину снова привиделся особист. Ни раненым, ни обиженным Виктор на сей раз не выглядел: сидел себе в новенькой, с иголочки, форме в каком-то кабинете и разговаривал аж с самим наркомом внутренних дел Берии. То-то ему кабинет знакомым показался – видел на каком-то голофото и автоматически запомнил.

Судя по петлицам, Зыкина повысили до лейтенанта госбезопасности. Как это зачастую и бывает во сне, особого удивления Кобрин не ощутил: ну Берия, подумаешь? А что повысили – так правильно, давно пора, заслужил. Остается только порадоваться за боевого товарища. После того, О ЧЕМ он Витьке на той лесной поляне рассказал, глупо думать, что парнем не заинтересуются на самом верху. Да и не такой Зыкин человек, чтобы не попытаться при первой же возможности передать полученную от «комбата Минаева» информацию своему начальству. Риск, конечно, огромный: не зря ведь он ему ненавязчиво намекал, что языком направо-налево молоть себе дороже выйдет. В лучшем случае отделаешься обвинением в пораженных мыслях, а то и под трибунал угодишь. Но и Витька тоже отнюдь не простак: упертый и умный.

Судя по содержанию сна, достучаться до самых верхов ему вполне удалось. Ухитрился-таки аж до самого Лаврентия Палыча добраться, молодец! Даже интересно, каким именно образом? А если тот ему еще и поверил, то и вовсе хорошо выйдет. Верил ли он сам в реальность приснившегося? Разумеется, верил, как же иначе! Ага, именно так: еще в прошлом году Кобрин утвердился в мысли, что его сновидения – отнюдь не просто сны, а нечто гораздо большее. Вон с тем же прадедом как все вышло?

А Зыкин меж тем, словно ощущив направленный на него взгляд, внезапно повернул голову:

– Ну, здравствуй, значит, Степаныч! Жив-здоров, как я погляжу?

Хотя какой ты, на фиг, Степаныч? Эх, упустил я тебя, пока в госпитале валялся, а так повидаться хотелось. Без меня повоевал, а еще друг называется! Ну да ничего, теперь, глядишь, скоро свидимся. Я тебя, *Сергей Викторович*, все равно отыщу, так и знай! Товарищи помогут.

Коротко подмигнув, хитро усмехнулся:

– Верно тебе говорю, свидимся еще! От меня не скроешься, сколь не бегай! А сейчас не мешай, сам видишь, с кем разговариваю. Извиняй, не до тебя мне...

И отвернулся, будто внезапно потеряв к нему всякий интерес.

Кобрин же на следующий день отправил в объединенный банк данных архива Минобороны очередной запрос, на сей раз касавшийся не прадеда, а лейтенанта ГБ Зыкина Виктора Тимофеевича. Проглядев не слишком длинный, но достаточно впечатляющий служебной список, зацепился взглядом за последний абзац:

«23.05.1944 года руководитель группы «А» НКГБ СССР майор Зыкин В. Т. пал смертью храбрых при выполнении специального задания командования. За проявленный героизм и личную храбрость награжден орденом Красного Знамени (посмертно)».

Кобрин задумчиво хмыкнул: однако молодец Витька, аж до майора ГБ дослужился! Жаль, что погиб. Ну да ничего, это исправимо. Судьбу прадеда он уже дважды изменил, так уж выходит. Хоть пока с одним и тем же результатом. Глядишь, и Зыкину поможет. Гм, а что это, собственно говоря, за «группа «А» такая, руководителем которой Витька заделался? Любопытно, даже очень. Память ничего подходящего не подсказывает, вспоминается только легендарный спецназ КГБ-ФСБ двадцатого – двадцать первого веков, но это явно не то. Впрочем, какие проблемы? Сейчас выясним...

Пришедший ответ откровенно удивил: *«информация по данному запросу отсутствует, утеряна или ваш уровень доступа не позволяет ее получить».*

Вот так ничего себе, это еще что такое?! С каких пор слушатель ВАСВ не может получить архивных данных более чем двухвековой давности? Все грифы секретности давным-давно сняты. Да и о какой секретности можно говорить спустя столько времени? Двести с лишним лет прошло. Глупости. Возможно, информация и на самом деле просто утеряна во время распада Советского Союза или позже, при переводе древних документов в электронный вид еще два столетия назад? Или какая-то ошибка базы?

Поработав с терминалом еще несколько минут (и ровным счетом ничего не добившись), Сергей пожал плечами и отключился. Глухо как в

танке. Как ни переформулировал запросы, ответ оставался прежним: «информация отсутствует, утеряна или ваш уровень доступа не позволяет...». Ну, нет – так нет. Можно, конечно, попытаться выяснить относительно доступа у Шкенева или Роднина... но стоит ли? Ведь тогда придется объяснять, с какой он, собственно, целью интересуется. В прошлые разы только про предка пытался выяснить, а сейчас вдруг особистом ни с того ни с сего заинтересовался. Определенно не вариант, только лишние подозрения вызовет. Ладно, после разберется, сейчас у него куда более важные проблемы имеются – учебный год на исходе, нужно начинать готовиться к третьему по счету «Тренажеру»...

* * *

Внезапный вызов к начальнику академии генерал-лейтенанту Родину Сергей воспринял абсолютно спокойно. Да и с чего бы волноваться? До начала очередной тренировки оставалось еще три дня, так что причина определенно в чем-то другом. Собственно говоря, он пока даже официального допуска к прохождению «Тренажера» не получил, как раз завтра обещали сделать в личном деле соответствующую отметку. Формальность, в принципе: год он закончил одним из лучших на курсе, отличник «боевой и политической», как в далеком прошлом говорилось. Между прочим, в первой десятке среди слушателей всех пяти курсов! Физическое здоровье в норме, пси-контроль прошел без проблем, буквально вчера посетив приснопамятного психолога-контрразведчика, за глаза называемого слушателями «вечным майором». Серьезных нареканий за время обучения не имел – да и откуда им взяться? Самоволки и прочие глупости остались в далеком прошлом, когда плечи юного Сергея Кобрина украшали однотонные погоны с сиротливой литерой «К» общевойскового училища. А неизбежные мелкие замечания так и остались в «зеленой» зоне электронного личного дела, не затронув ни «желтой», ни тем более «красной»...

Получив разрешение войти, капитан переступил порог знакомого кабинета. За спиной, как уже не раз бывало, плавно сомкнулись створки дверей. Трижды мигнул и загорелся ровным зеленым светом настенный индикатор активированного защитного контура, надежно закрыв помещение от прослушивания.

«И это вот – тоже рутина... – автоматически подумал Сергей, мысленно усмехнувшись неожиданной мысли. – Все, как всегда. Что, к

слову, не может не радовать».

– Слушатель Кобрин прибыл по вашему приказанию...

– Отставить, – коротко махнул рукой Роднин. – Присаживайся, вон, в свое любимое кресло, я его специально поближе пододвинул.

– Есть. – Не найдя, что и сказать, капитан послушно занял предложенное место. Как раз то самое, где предпочитал сидеть во время прошлых посещений генеральского кабинета. «С ума сдуреть», как любил выражаться его мехвод Витька Цыганков. Ну не совсем его, а скорее подполковника Сенина, ну да не суть важно. Вот товарищ генерал-лейтенант дает! Получается, не только заметил, но еще и дал понять, что ничего не имеет против? С другой стороны, чему удивляться? Традиции – они такие традиции, угу. Армия же...

Несколько долгих секунд Иван Федорович молча буравил подчиненного тяжелым взглядом, затем негромко произнес:

– Готов, Сережа?

– Так точно, готов.

– Это хорошо, – кивнул генерал-лейтенант. – В этот раз все будет немного иначе. Никакого «тумана войны», никаких неожиданностей. Вот, держи, – по столешнице скользнула овальная «слива» кристаллического накопителя. – Здесь вся информация по твоему будущему заданию. Личность реципиента, временная привязка, имеющиеся в наличии силы и средства, ситуация на фронте, подробные карты ТВД и прилегающих местностей и все такое прочее. Удивлен?

– Есть немного... то есть, виноват, так точно, удивлен. Раньше такого не было. Разрешите вопрос?

– Хочешь узнать, почему так? – не дослушав, перебил генерал-лейтенант. – Что ж, отвечу, никакого секрета тут нет. Первые два «Тренажера» должны были проверить вас в экстремальной обстановке, когда нет времени на раздумье и действовать приходится в условиях жесточайшего цейтнота. Показать, на что вы на самом деле способны, заставить максимально мобилизоваться, раскрыть внутренние резервы. В первый раз у тебя было всего несколько часов на принятие решения и начало действий, во второй – немногим больше. Кроме того, вы не знали, какими именно войсками придется командовать – пехотой, танками, артиллерией. С обоими заданиями ты справился. Но сейчас – совсем иное дело. Ход исторических событий в результате ваших воздействий изменился, пока еще не радикально, но в достаточной степени. Ваше послезнание уже не абсолютно, по крайней мере в тот период, куда ты отправишься послезавтра. Собственно, с чем-то подобным ты уже

столкнулся в прошлый раз, под Смоленском. Кстати, обрати внимание на даты – когда начнешь работать с документами, поймешь, что я имею в виду. Поэтому сейчас тебе дается определенная фору. Пока все понятно?

– Так точно, – по-уставному четко ответил капитан, боясь пропустить что-то важное.

– Добро. Времени на ознакомление с информацией у тебя более чем достаточно. Только не надейся, что это тебе как-то особенно поможет – там, в прошлом, все равно придется полагаться исключительно на самого себя, – Роднин внезапно ухмыльнулся. – Впрочем, тебе не привыкать. Мозги у тебя правильно заточены и работают тоже нормально. Уверен, что справишься. Вопросы?

– Цель задания?

Прежде чем ответить, генерал-лейтенант снова помолчал. А затем, бросив на Кобрина испытующий взгляд, сообщил:

– А задание у тебя, товарищ капитан, простое, проще некуда. Но при этом крайне важное: всеми имеющимися в распоряжении силами и средствами предотвратить блокаду города Ленинграда. Не дать замкнуть кольцо окружения и удержать позиции до подхода подкрепления. Предвосхищая твой вопрос, отвечу: подкрепление будет, я ведь уже сказал, что ход исторических событий, пусть и ненамного, но изменился. Вот так-то, Сережа. Не больше, но и не меньше...

Несколько минут Кобрин сосредоточенно молчал, переваривая услышанное. Однако ничего себе! Подобного он, если честно, не ожидал. Блокада города на Неве, как ни крути, одно из главных событий той войны, своего рода краеугольный камень. И дело даже не в группе армий «Север» вместе с финнами и, мать их, испанскими добровольцами, которую нашим не удалось окончательно вышибить аж до января сорок четвертого года, – дело в людях. В чудовищных жертвах среди мирного населения, которыми пришлось заплатить за удержание города; за те самые 872 блокадных дня. И теперь, так уж получается, ответственность за всех них на нем?! Пусть и косвенно, конечно, но на нем?! За миллион пока еще не погибших от бомбежек, голода, болезней, холода и ран. Детей, женщин, стариков. Вот уж точно «с ума сдуреть», иначе и не скажешь...

Нет, ответственности он уже давно не боится – привык. Можно подумать, в бытность командиром штурмроты он от ответственности по тылам прятался! Или перед рассветом 22 июня ответственность была меньше. Или в августе под Смоленском – не в том суть. Просто тогда он отвечал исключительно за себя и своих бойцов. Которые, как ни крути, являлись людьми военными, суть – подчиненными вышестоящему

командованию. И которым ПОЛОЖЕНО за Родину погибать, коль такой приказ получат и выхода иного не будет. Сейчас же... сейчас все не так. Все другое. И ответственность тоже другая. Больше. Во стократ больше. И настолько же страшней...

– Боишься? – неожиданно негромко спросил Роднин, все это время внимательно наблюдавший за его лицом. – И правильно делаешь, что боишься, Сережа. Очень правильно. Если б не боялся, а сидел с лицом тупого солдафона, я бы тебя отстранил. Своей личной властью, имею право, сам знаешь. Но твое лицо мне все сказало. Да я в тебе, в общем-то, и не сомневаюсь. Ты готов. Одно могу сказать – это исключительно твое задание, остальные слушатели пойдут на другие направления. Под Ленинград – только ты. Слишком велика ставка. Не справишься ты – не справится никто.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант... – пробормотал Кобрин, просто чтобы не молчать.

– Спасибо за что? – пожал плечами начальник академии. – Пока не за что. Наоборот, Сережа, это я тебе спасибо скажу, если задание выполнишь. Но выложиться придется на все сто, сразу говорю. Ну и чего вскинулся, товарищ капитан? Знаю, что и в прошлые разы на пределе работал, себя не жалея. Знаю. Видел. Но сейчас немного другой случай. Хочешь узнать почему? Потому что прогнозируемый процент успеха твоего задания низок, как никогда, вот почему...

Генерал-лейтенант усмехнулся:

– Знаешь, наши многомудрые всезнайки-психологи не велят вас шибко хвалить. Практически вообще хвалить не советуют. Мол, этим мы завышаем вашу самооценку, одновременно снижая уровень критического отношения к своим поступкам, расслабляем, заставляя подсознательно утвердиться в мысли о собственной незаменимости, еще чего-то там. Короче, много чего говорят. – Иван Федорович презрительно дернул щекой. – Только чушь все это, так мне думается. Если человек – воин, то он воин всегда и в любой ситуации, какими медными трубами его ни испытывай. А слова? Ну, так слова – они слова и есть. Пустое сотрясение воздуха. Нет, доброе слово, как наши предки говорили, оно и кошке приятно. Вот только если боевого офицера пустыми словесами можно из седла выбить – так какой он тогда, на хрен, боевой офицер? Ну, это мое личное мнение, конечно... Гм, ладно, капитан, заговорились мы что-то. Если вопросов не имеется, свободен.

– Никак нет, вопросов не имею. Разрешите идти?

– Разрешаю... хотя нет, постой. Ты интересовался судьбой своего

товарища? Ну, того контрразведчика, с которым из окружения выходил, а затем обратно в прошлое из беды выручать рванул? Как бишь его, Виктор Зыкин, верно?

- Так точно, интересовался.
- В ответе из архива ничего не смущило?
- Смущило. – Никакого смысла скрывать недавние сомнения не было. Главное, сам не полез выяснять – как чувствовал, что не стоит этого делать. А так? Начальство само вопрос задало, значит, с него взятки гладки, как те же помянутые генералом предки говорили. – То ли информация утеряна, то ли отсутствует, то ли у меня отчего-то нет соответствующего доступа. Хоть и глупость, через столько-то лет. Какие там могут оставаться секреты?
- Не глупость, Сережа. Ты ведь про группу «А», которой твой знакомец руководил, узнать пытался?
- Так точно.
- Узнаешь. Обещаю. Только немного позже, не время сейчас. Ты уж извини, но твой уровень доступа по некоторым запросам и на самом деле ограничен. Временно, разумеется. Не только твой, собственно, но и всех остальных слушателей. Так нужно. Надеюсь, не станешь интересоваться почему? Понимаешь ведь, что все равно не отвечу.
- Не стану, – кивнул Кобрин. – Раз нужно.
- Добро. Свободен. Иди, готовься, больно уж дело тебе предстоит непростое...

* * *

Вернувшись к себе, Кобрин несколько минут в задумчивости сидел на койке, бесцельно катая ладонью по столу инфокристалл. Никакой опасности в этом не было: разрушить хрупкую с виду вещицу весьма сложно, хоть об пол бей, хоть из окна на пластобетон плаца со всей дури швыряй. Зато, если трижды неверный пароль введешь – беда. Напрочь компьютерный терминал спалит. А за пару миллисекунд до самоликвидации еще и передаст, куда следует, сигнал тревоги. Мол, попытка несанкционированного доступа тем-то и там-то, высылайте группу. Хотя, возможно, ничего особенно страшного и не произойдет – «слива» помечена зеленой полоской, означающей низший уровень защиты. «ДСП», иначе говоря. Вот бы желтая («секретно») или, тем паче, красная («совершенно секретно») – тогда да. Но проверять как-то не хочется.

Ладно, не к чему затягивать. Тяжело вздохнув, Сергей утопил кристалл в гнездо приемника и активировал терминал. Привычно набрал личный пароль. На развернувшемся голоэкране мигнул логотип академии – стилизованная красная звезда с Георгиевской лентой по сторонам и аббревиатурой ВАСВ поверху, и появились строки меню. Секунду поколебавшись, капитан выбрал текстовый вариант подачи информации – пока просто почтает. Перед переносом ему все равно загрузят информационные пакеты с соответствующими сведениями, да и после ассоциации с сознанием реципиента память последнего окажется в полном его распоряжении. Пока же стоит ознакомиться с информацией в целом, так сказать.

Развернув первый ознакомительный блок, Сергей собрался было начать работу с данными, но неожиданно вспомнил совет Роднина обратить внимание на даты. Мол, поймешь, о чем речь. Интересно, что имел в виду генерал-лейтенант? Сам ведь сказал, что ему предстоит отправиться под Ленинград, значит, в любом случае или середина июля, или начало августа, выбор невелик. Ну, плюс-минус пару недель с учетом внесенных в ход исторических событий (или, как с умным видом любили говорить некоторые слушатели, «главной исторической последовательности») изменений – вон тот же Смоленск на момент прохождения прошлого «Тренажера» все еще держался. Группу армий «Центр» более-менее удалось притормозить – возможно, что и фон Лееб тоже на месте забуксовал. Хотя нет, июль все-таки, вряд ли. Поскольку тогда получится, что он перенесется в прошлое ДО того, как побывал там год назад. Возможно ли такое? Гм, да кто ж его знает, вполне может оказаться, что да. Ведь попавший под Смоленск Кобрин-комбриг все равно никак не узнает, что за несколько недель до того под Ленинградом побывал Кобрин-комдив!

В следующий миг Сергей задумчиво хмыкнул. Похоже, глупость сказал... в смысле подумал. Если б он побывал под Ленинградом в июле и выполнил задание, то Сенин бы в любом случае об этом знал. Получается, или он задание не выполнил, или июль для него закрыт. Хотя тут тоже возможны разные варианты: мог и не знать. Ведь блокада Ленинграда только в сентябре началась, а до того шли ожесточенные бои. И даже если ему удалось переломить ситуацию, комбриг мог и не придать этому большого значения. Информация в тот период подавалась весьма дозированно и расплывчато, секретилось все, что можно – «в Н-ском районе значительных успехов добилась Н-ская дивизия Красной Армии, освободив от немецко-фашистских захватчиков город Н-ск», – так что слышать о некой серьезной победе на Северном фронте Сенин, конечно,

должен был, но точной локализации мог и не знать.

Понятно, что армейцы сведения с фронтов не от Совинформбюро получали, но не стоит забывать, что 101-я ТД под Смоленск перебрасывалась спешно, прибыв буквально накануне начала контрудара. Так что, как ни крути, Сенину было просто не до того, чтобы вдумчиво интересоваться положением на других фронтах. Помнится, и ассоциация с реципиентом у него прошла как никогда легко именно оттого, что комбриг чудовищно вымотался после нескольких дней в дороге, ночной выгрузки из эшелона и марш-броска в район сосредоточения. Где уж тут новостями интересоваться...

С другой стороны, сам-то он ведь должен был об этом знать? Определенно должен... если только ему перед прохождением прошлого «Тренажера» негласно не ограничили доступ к исторической информации. Еще год назад он бы в подобное просто не поверил – зачем? Глупости какие... А сейчас, после того что узнал от Роднина? Пожалуй, подобный вариант вполне возможен... Блин, просто голова кругом! Все, довольно гадать – вот прямо сейчас все и узнает. Разберется, что имел в виду товарищ генерал относительно дат, и поймет...

Выбрав и раскрыв нужный файл, Кобрин вчитался в касающиеся временной привязки строчки. Вчитался – и, не сдержавшись, задумчиво присвистнул. Двенадцатое августа сорок первого года! Вот оно что... Никакой не июль, как выяснилось, а все-таки август. Буквально на несколько дней с самим с собой разминется – в прошлый-то раз он в восьмое число перенесся! Любопытно...

Хм, вот, кстати, и новая «задачка для ума»: а возможна ли вообще одновременная ассоциация сразу с двумя реципиентами? Когда им рассказывали о процедуре переноса, ни о чем подобном и речи не шло. Собственно говоря, просто ни у кого мысли не возникало спрашивать. Нет, глупость, никак такого быть не может. Поскольку откровенной шизофренией попахивает, суть расщеплением личности. По возвращении можно и в спецгоспиталь отправиться, в психиатрическое отделение. Откуда уже никогда не выйти. Точнее, выйти, но после коррекции памяти... и сразу в отставку по инвалидности. Бrr, от такой перспективы аж мурашки по коже... на фиг, на фиг! Мы уж как-нибудь по старинке: сначала в восьмое августа, а через годик – в двенадцатое.

Глава 2

Земля, далекое будущее

Разобравшись с датировкой предстоящих событий, Кобрин продолжил изучение информации. Итак, через несколько дней под его командованием окажется сто девяносто первая стрелковая дивизия – вполне предсказуемо, коль сражаться предстоит на Лужском рубеже. Сформирована в ЛВО в начале весны сорок первого, к 22 июня дислоцировалась в районе Кингисепп – Нарва – Сланцы. В начале июля вместе со 177-й СД входит в состав Лужской оперативной группы, развернута вдоль восточного берега Нарвы фронтом на запад. В середине месяца снята с позиций с приказом срочно занять Кингисеппский участок Лужского укрепрайона и остановить наступающие с южного направления части 6-й танковой дивизии, дождавшись подхода к реке Луга 2-й дивизии народного ополчения. Но дивизия, увы, просто не успевает выполнить приказ. В результате гитлеровская боевая группа «Раус» при помощи диверсантов полка особого назначения «Бранденбург-800» с ходу захватывают в районе крохотной деревушки Поречье неповрежденный мост и занимают стратегический плацдарм, полностью контролируя дорогу Поречье – Ивановское – Большой Сабск. К моменту подхода ополченцев немцы успевают закрепиться, дождавшись прибытия основных сил, и выбить их уже не удается даже при помощи спешно подошедшего сводного танкового полка. После недельных кровопролитных боев с переменным успехом и значительными потерями с обеих сторон советские войска переходят к обороне, и фронт на некоторое время стабилизируется.

Сергей потянулся к виртуальному экрану, собираясь «перелистнуть» страницу – все это он и так знает, да и к чему устаревшая почти на месяц информация? Он-то ведь в август отправится, а не в июль. А в конце лета и осенью дивизии придется совсем не просто. Тяжелые бои с 291-й пехотной дивизией Вермахта, отступление в направлении на Петергоф. Контрудар – и снова отход, теперь аж до Ораниенбаума. Небольшая передышка – и новое наступление. И через несколько дней еще одно, снова не слишком удачное. Эвакуация судами Балтфлота в Ленинград. Переброска на восточный берег Ладоги, ноябрьский контрудар на Будогощь – Грузино, отход с большими потерями на восток...

Впрочем, все эти подробности уже не важны: если он успешно

выполнит свое задание, ход событий неминуемо изменится и все это станет не более чем историей. Помнить о которой будут лишь далекие потомки... или не будут? Вот и снова тот самый вопрос, не дающий покоя со временем прохождения первого «Тренажера»: куда именно он попадает? В один и тот же мир, где изменения линейны, или все-таки в разные? Так вроде бы уже убедился, что мир тот же самый? Или нет и он все-таки ошибается? Поскольку ни одного реального доказательства Сергей так и не получил – даже спасение прадеда, по большому счету, ровным счетом ничего не меняет. Если допустить существование параллельных реальностей, то можно предположить вообще все, что угодно: любой вариант развития событий в любом из бесчисленного количества миров. Хотя как в подобном случае быть с информацией из архива МО? Которая пусть косвенно, но подтверждает, что судьба предка изменилась именно благодаря появлению в прошлом его далекого потомка? Или снова отцы-командиры наложили какие-то ограничения, о которых он ни сном ни духом? Блин, а ведь зарекался не углубляться настолько! Так, все, стоп! На данный момент имеются куда более актуальные вопросы...

Раздраженно дернув щекой, Сергей коснулся соответствующей пиктограммы. Голограмма мигнула, однако следующая страница не открылась. Зато появилась мигающая надпись: «ознакомиться с реальным положением на Северном фронте на 12.08.1941». Хм, любопытно. Это еще что? Определенно, нечто новенькое – раньше ничего подобного не бывало. Небольшая подсказка от руководителей «Тренажера»?

Раскрыв страницу, Кобрин с искренним интересом изучил новую информацию. Проглядел, меняя увеличение, виртуальные карты, читая выпадающие сноски с номерами дивизий, бригад и полков, своих и противника. Ага, так вот оно что! Тот ли самый этот мир или другой, но результат внесенных с начала войны изменений налицо: события на Лужском рубеже УЖЕ пошли несколько иначе. Вернее, сместились почти на полный месяц – с июля на август. Причиной чему оказался несостоявшийся Белостокский и, главным образом, Минский котлы: еще в начале июля Ставка перебросила под Ленинград часть спасенных в Белоруссии войск. Не слишком много, но вполне достаточно для того, чтобы фон Лееб с Гёпнером притормозили наступление, тратя на продвижение вперед гораздо больше времени и сил. Проще говоря, сейчас, 12 августа 1941 года, фронт все еще оставался приблизительно на тех рубежах, где в прошлой реальности был в середине июля. Уже неплохо... да что там неплохо: отлично! Поскольку имелся более чем серьезный шанс всерьез переломить ход событий – как минимум предотвратить захват

стратегического моста через Лугу и не позволить гитлеровцам с ходу закрепиться на плацдарме. А как максимум? Ну, тут еще нужно крепко подумать. Очень крепко. Гм, не потому ли ему даны эти самые три дня? Точнее, уже два с половиной...

Нет, Panzergruppe 4 генерал-полковника Эриха Гёпнера – весьма серьезная силища, никто не спорит. Может и продавить рубеж обороны, как случилось в прошлый раз, но шансы устоять достаточно велики. Особенно если все-таки не допустить захвата полковником Раусом моста и плацдарма у села Ивановское. Тем более в распоряжении Кобрина имеется 2-я дивизия народного ополчения (как, впрочем, и в прошлый раз). Но с той разницей, что ТОГДА ополченцев бросили в бой прямо с марша, что не могло не сказаться на эффективности. Сейчас же все иначе. Развёртывание прошло штатно, люди отдохнули, получили боеприпасы и были готовы к бою. А вот никаких данных о бойцах ЛПУ^[2] имени Кирова, практически в полном составе переброшенных под Кингисепп и участвовавших в боях на Лужском рубеже – а это почти две тысячи человек! – отчего-то нет. Решили поберечь будущих командиров? Или что-то иное, ему неизвестное?

Плюс полнокровная танковая бригада. Не сводный танковый полк ЛКБТКУКС^[3], сражавшийся в реальной истории на этом рубеже и понесший значительные потери во фронтальных атаках, а именно что ТБР. Кстати, интересно, почему про него тоже нет никакой информации? В этой реальности его не формировали? Или просто время для его создания с точки зрения командования Лужской оперативной группой еще не пришло? Или вовсе не придет? Так оно, скорее всего, и к лучшему: создание полка было сущей импровизацией, вызванной критической ситуацией на фронте. Опытнейшие инструкторы в звании от майоров до полковников шли в бой простыми ротными, взяв под командование учебные машины, нашедшиеся в парках курсов, порой изношенные и с выработанным под ноль моторесурсом. Равно как и все, что удалось срочно собрать на ремонтных и танкостроительных заводах. Полный разнобой: от БТ разных серий до КВ и тридцатьчетверок. Специалистам подобного уровня не место на передовой, в тылу они принесут для будущей победы гораздо больше пользы – стране нужны подготовленные грамотные командиры-танкисты...

И совсем иное дело – настоящая танковая бригада. Укомплектованная не только легкими БТ и «двадцать шестыми», часть из которых оказалась еще и экранированными, производства завода № 174, в этой реальности пока не эвакуированного, но и пришедшими с Кировского завода новенькими КВ. И, что радовало особо, средними танками. Несколькими

отремонтированными Т-28 разных серий (можно использовать в обороне в качестве противопехотных их короткоствольные КТ-28 и Л-10 – самое то, а вот с танками бороться уже сложнее) и, главное, ротой тридцатьчетверок. Насколько понимал Сергей – как раз из числа выведенных из окружения под Минском частей. Кроме того, имелось и небольшое количество столь редких танков, как Т-50 того же «сто семьдесят четвертого». Насколько помнил Кобрин, этот танк, хоть и пошедший в серию, но массово не производившийся, применялся исключительно под Ленинградом. Подобное разнообразие моделей с точки зрения ремонтопригодности и взаимозаменяемости по боеприпасам, конечно, не слишком хорошо, но уж что есть, то есть. Зато найдется, чем воевать. Да и часть экипажей, скорее всего, обстрелянные, успевшие столкнуться с немцами в реальном бою.

Что же до вариантов действий, то их у него не столь и много, всего три. Первое, наиболее напрашающееся – вовсе не допустить форсирования гитлеровцами Луги и захвата плацдарма. Идеальный вариант во всех смыслах. Если, конечно, успеть вовремя выйти в нужный квадрат, сосредоточиться, подготовить оборонительные позиции – и все такое прочее. *В прошлый раз* 191-й СД именно это и не удалось. Просто не хватило времени, плюс ополченцы подошли слишком поздно, позволив фрицам закрепиться. Сейчас проще, но, опять же, вопрос времени остается открытым, поскольку никакой информации о точном месте дислокации дивизии на 12 августа у Кобрина пока не имелось. То ли данные отсутствуют, то ли так задумано руководством – в конце концов, он и так получил определенную фору, а раскрывать все карты определенно не в привычке генерал-лейтенанта Роднина...

Второе, плавно проистекающее из первого: если дивизия снова опаздывает, не успевая воспрепятствовать форсированию реки передовыми частями шестой танковой, можно провести встречный контр-удар, имея целью выбить не успевшего всерьез закрепиться противника обратно за Лугу. Главное, собственно говоря, именно не дать Kampfgruppe Raus времени зарыться в землю и выстроить оборону. Из минусов – значительно большие потери, поскольку просто так немцы не отступят, будут пытаться удерживать позиции до последнего, в свою очередь тоже не считаясь ни с какими потерями. Уж больно многое стоит на кону: недаром бои в районе Ивановского называли боями за «ворота Ленинграда», а сам этот плацдарм – «ключами» к этим воротам. В случае успеха – впереди прямая дорога к Северной Пальмире и отсутствие серьезных водных преград наподобие Луги. Ведь о том, что один раз это все равно им не помогло, фашистские командиры не знают и знать не могут.

Ну и, наконец, третий вариант развития событий. Самый, скажем так, неоднозначный. С первого взгляда – наиболее пессимистичный, поскольку на первом этапе достаточно сильно повторяющий реальные события. В тактическом, так сказать, плане. Зато стратегически, учитывая долгосрочную перспективу? Тут возможны варианты. Итак, дивизия снова опаздывает, фрицы переправляются через Лугу и занимают позиции, готовясь к обороне. Зарываются в землю и плотно контролируют переправу и дамбу на крохотной речке Городенка, что означает своевременный подвоз боеприпасов, горючего, эвакуацию раненых и прочую логистику. Что делает Кобрин? Прежде всего не спешит, хоть командование фронта наверняка станет бомбардировать штаб гневными радиограммами в духе «почему остановился?», «немедленно отбросить противника обратно за реку!», «струсил, под трибунал захотел?» – и так далее.

Но помянутый комдив, сжав зубы и вяло отбрехиваясь, формирует ударные группировки, подтягивает тылы и решительным ударом срезает плацдарм сходящимися фланговыми ударами, подсекая основание немецкого клина вдоль берега Луги. Полноценного котла не получится – масштаб не тот, и местность не слишком подходящая, но в окружение фрицы точно попадут – главное, мост вовремя уничтожить. Рискованно? Угу, еще как рискованно! Чуть ли не рискованнее, чем было в реальности. Да и потери окажутся немалыми, наверняка куда большими, нежели при реализации второго варианта. Зато есть неслабый шанс всерьез потрепать ударную группировку 4-й ТГ, в результате чего фон Лееб не скоро решится предпринять нечто стратегически серьезное в направлении Питера. Ну, в смысле, Ленинграда. А это уже реальная возможность не отсрочить, а именно *предотвратить* блокаду города на Неве! Перспективно? Весьма. Тем более сегодня Роднин прямо сказал, что подкрепление подойдет и будет кому подпереть их с тыла.

Вот только...

Кобрин раскрыл подробнейшую объемную голокарту района и почти десять минут вдумчиво изучал будущий ТВД, меняя масштаб, разрешение и проекцию, благо технологии будущего подобное вполне позволяли. При желании можно даже включить режим полного присутствия (разумеется, смоделированный компьютером), словно рассматривая местность с помощью камеры высокого разрешения разведывательного беспилотника, летящего на предельно малой высоте. Откинувшись в кресле, тяжело вздохнул: вот и ложка дегтя. Здоровенная такая ложища, при желании не то что бочку – цистерну меда испортит. Похоже, третий вариант – тоже ни разу не вариант, прошу прощения за тавтологию. Если кратко, то от

переправы через Лугу на добрых десять километров на север идет болотистый лес. Очень такой серьезный лес. А реально проходимая для бронетехники дорога – два с половиной километра от Поречья до Ивановского и еще километров восемь за ним – всего одна, в аккурат по этому самому лесу и идущая. Точнее, рассекающая его подобно слегка изогнутой к юго-востоку стреле. И потому, если позволить фрицу закрепиться (как и произошло в реальной истории), массированная атака с применением танков возможна только вдоль этой самой дороги (опять же, как и было). Пехота-то с флангов обойдет – не проблема, легкие пушки и минометы тоже на горбу протащат, в июне он нечто подобное уже делал, но танки – нет. И тягачи с гаубицами тоже. Просто негде им будет проходить. От слова совсем. Поскольку фриц не идиот и противотанковыми засадами озабочится в первую очередь.

Вывод? Да простой: если все-таки ПЕРВЫМИ занять Ивановское и выбить «Раусов» с диверсантами с плацдарма до подхода их основных сил (а еще лучше вовсе не позволить захватить переправу), можно устроить просто шикарный сюрприз! Недаром именно это направление «воротами» называли. Поскольку продвинутые европейцы, пройдя переправу, будут вынуждены переть эти самые километры, не имея даже теоретической возможности куда-либо свернуть! И в этот момент вполне реально запереть их в узком болотисто-лесном дефиле, где Ивановское будет играть роль пробки в десятикилометровом горлышке узкой бутылки. Вырваться на оперативный простор танки генерала Кемпфа^[4] смогут, лишь миновав село и продвинувшись гораздо севернее, на восемь-девять км в направлении Большой Пустомержи, где меньше лесов и болот и проще с обходными дорогами. И хозяином ситуации однозначно окажется тот, кто будет контролировать это самое горлышко.

Если заманить фрицев в огневой мешок, уничтожив мост, чтобы пути к отступлению окончательно отрезать, так и вовсе хорошо получится. А заодно и дамбу рвануть, превращая несколько километров окружающей дорогу местности в рукотворное болото. В дивизии есть гаубичный артполк: работа как раз для него. Конечно, ежели сил да боеприпасов хватит, что вовсе не факт. В идеале ему бы побольше артиллерии, не говоря уже про авиаподдержку... эх, как бы здорово было запереть гитлеровцев вдоль дороги да вдумчиво отбомбиться несколькими сменяющими друг друга волнами штурмовиков! Но где все это летающее добро взять? Сейчас не сорок четвертый и даже не сорок третий, увы... Практически нереально. Хотя, с другой стороны, в реальности мост через Лугу наши в июле регулярно бомбили – безрезультатно, правда, – значит, шанс получить

содействие авиации все-таки имеется. В те дни советские ВВС практически полностью господствовали в воздухе – исторический факт. Тем более всего в десяти километрах, возле небольшого села Ястребино, расположена советский аэродром, но вот имеются ли там штурмовики, Кобрин не знал. Скорее всего, нет, но и истребители под боком – тоже весьма удачно. «По прибытии на место» нужно будет разузнать подробнее.

Из всего перечисленного и второй вывод имеется, уже не столь оптимистичный: если снова допустить взятие противником Поречья-Ивановского, выбить его окажется крайне тяжело, если вовсе возможно. «Смотри выше», как говорится. Поскольку в этом случае в том самом «бутылочном горлышке» окажутся уже части 191-й дивизии вместе со всеми приданными силами. Не спасут ни отдохнувшие ополченцы, ни танки. Так что про варианты два и три можно смело забыть – с учетом особенностей местности шансы на успех стремятся к нулю. Однозначно. Негде там ни встречный контрудар проводить, ни срезать немецкий клин с флангов. НЕГДЕ. И точка. В лучшем случае получится, как в реальной истории: контроль противника за мостом и дорогой, немецкие ПТО, жгущие из засад наши танки, дурно скоординированные атаки пехоты и ополченцев с флангов, которые с успехом будут парировать гитлеровцы – и снова вынужденный переход к обороне. Что Кобрину, по понятным причинам, категорически не подходит. Нужно искать новое решение, своего рода сплав из первого и – чего очень не хотелось бы! – третьего вариантов. Дополненный собственными наработками, понятное дело – зря он, что ли, три года в академии учился и гигабайты информации в голотеке перелопачивал?

Вот и еще один повод хорошенъко подумать...

Свернув карту, Сергей уже из чистого любопытства – поскольку отлично понимал, чем все закончится, – попытался открыть данные за 13 августа и дальше. Со вполне ожидаемым результатом: «информация по данному запросу отсутствует или ваш уровень доступа не позволяет ее получить». Ну правильно: не может же он заранее знать, удалось ли переломить ситуацию! И как именно он действовал. Иначе просто глупость какая-то получится. Или... – Кобрин задумчиво хмыкнул, автоматически потерев щеку, – или этой информации просто нет в архиве и быть не может? Ведь он еще НЕ отправился в прошлое, чтобы его, это самое прошлое, изменить. С другой стороны, как-то ведь события измененной истории развивались? Без его участия, в смысле. Впрочем, подобное уже смахивает на какой-то бессмысленный спор на тему, что же появилось первым: курица или яйцо. Так что не стоит и голову ломать, и без того

вопросов больше, чем ответов...

* * *

Поерзав на эргономичном матрасе, выстилавшем дно капсулы, Кобрин расслабился и коротко кивнул лаборанту, сверяющему какие-то данные на портативном планшете с показаниями монитора системы контроля жизнеобеспечения медблока:

– Предвосхищая неизбежный вопрос, ответственно заявляю: готов. Все помню. Пописать сходил. Полностью расслабился и не волнуюсь. В момент активации процедуры головой ворочать не стану, чтобы не сместить мнемодатчики. Да, фиксирующий обруч не жмет, спасибо.

Медик на несколько долгих секунд откровенно завис, переваривая услышанное, затем понимающе кивнул. Закрывающая лицо прозрачная маска искажала черты лица, но улыбку Кобрин разглядел:

– А, ну да, вы ведь уже в третий раз! Извините, товарищ капитан, я впервые самостоятельно провожу процедуру, потому немного волнуюсь.

– Извиняю, – фыркнул Сергей. – Только не в третий, а в пятый, так что опытный пользователь, можно сказать. Главное, смотри, братишко, не в то время меня случайно не отошли, коль впервые. А то окажусь в каком-нибудь рыцаре Круглого стола, таких дел накручу, вовек не расхлебаете. Будет вам русский при дворе короля Артура. Введу командирскую башенку для рыцарских доспехов и промежуточный клинок для Эскалибура, станете потом разбираться, как изменения в исторической последовательности нивелировать. А я ведь еще и на гитаре играю...

– Не отошлю, не волнуйтесь, – широко улыбнулся научник. – Вообще-то я здесь так, по большому счету, проформы ради. Всем управляет главный компьютер – полагаю, вы знаете. Только никакой я не братишко, тарщ капитан, сестренка скорее. Девушка я, прапорщик Ветвицкая, младший научный сотрудник.

– Кхм... простите, – смущился Сергей, мгновенно успев пожалеть и про излишне юморной тон, и про «пописать». – Глупо вышло, лишнего наболтал. Начинайте.

– Удачи. – Лаборантка легонько сжала опутанное проводами системы КЖД предплечье. Затянутые латексом одноразовой перчатки тонкие девичьи пальчики были холодными. – Возвращайтесь.

Опустилась, едва слышно чмокнув герметизатором и разом отсекая все звуки извне, прозрачная крышка «ванны». В лицо пахнуло озоном и какой-

то медицинской химией: внутри медкапсулы установилась стерильная атмосфера, подпертая избыточным давлением. Матрас под спиной едва ощутимо вздрогнул и просел, окончательно принимая форму тела лежащего человека.

– Обязательно, я... – хотелось произнести еще что-то, но мысли уже путались, хаотично сталкиваясь и отскакивая друг от друга бильярдными шарами. Сознание неумолимо гасло, плавно погружаясь в темноту. Настало мгновение, когда все вокруг исчезло. Не осталось ни времени, ни пространства, ни верха, ни низа, ни пустоты, ни объема – вообще ничего. То, что являлось слушателем третьего курса ВАСВ Сергеем Кобриным, внезапно пронизало эфемерную плоть самого времени, за неуловимый разумом миг преодолев сотни разделяющих прошлое и будущее лет. И больше не осталось ни прошлого, ни будущего – одно только настояще.

Но сам он этого, как уже бывало не раз, не ощутил.

Просто все вдруг исчезло – и тут же вернулось обратно.

Совсем в ином качестве, разумеется...

* * *

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

Командиру 191-й СД полковнику Лукьянину^[5] отчаянно хотелось спать. А как иначе, коль лег не раньше двух ночи, а сейчас небо на востоке уже окрасилось в пастельные тона приближающегося рассвета? Конечно, уже не июнь, когда светало в начале пятого, и даже не июль, но все одно, отдохнуть удалось не больше пары-тройки часов. Да и все последние дни он, мягко говоря, не высыпался. Нет, бывало и хуже, кто спорит? И по несколько суток без сна обходился. Но сейчас ему уже сорок один, а вовсе не восемнадцать, как тогда, когда он только пришел в Красную Армию. В восемнадцатом году, ага. Вот такой вот словесный каламбур, поскольку был Дмитрий Акимович, что называется, ровней века. Одна тысяча девятисотого года рождения, проще говоря. Вроде и нешибко много весен за плечами осталось, что такое для мужика сорок лет? Но давят, заразы, на плечи все сильнее и сильнее. Уж больно сложное время было, что для страны, что для него самого. Сначала Гражданская война, затем разруха и полуголодные первые полтора десятилетия мирной жизни. Строилась страна, возрождалась и укреплялась армия. Впрочем, такой ли уж мирной была эта жизнь? И войн хватало, и внутренние враги не дремали, и

империалисты покоя не давали, стремясь навредить, где только возможно. А когда стало казаться, что справились да выстояли, что самое сложное позади, новая война в двери постучалась. Да такая, что снова вопрос о самом существовании Родины встал. Не такой, как в Гражданскую – куда острее. Беляки с интервентами опасным врагом были, но немцы с ними ни в какое сравнение не идут...

Эх, хоть бы часок еще покемарить. Да что ж ты меня трясеши-то за плечо, ирод! Эх, Завьялов, Завьялов! А еще капитан РККА, адъютант комдива! Проснулся уже твой командир, проснулся. Практически. Такой сон испортил, досмотреть не позволил. Фантастический сон, можно сказать, хоть и непонятный какой-то. Бойцы в причудливой униформе и непривычных шлемах, все лицо закрывающих, со странным оружием в руках. Бронемашины невиданные, на нормальные танки лишь отдаленно смахивающие. Одни гусеничные, другие колесные, хоть практически ничем от первых и не отличающиеся. Приземистые, массивные, только орудия вовсе несерьезные, больно тонкие какие-то. С виду на пулеметы крупнокалиберные или скорострельные пушки похожи, зато как стрельнут – так эффект будто от гаубицы. Самолеты тоже странные, быстрые, будто молнии – пока, гул над головой заслышишь, вверх взглянешь, их уж и след простыл, только белесая полоса на небе остается, словно от реактивного снаряда. А вот взрывы, что после их пролета землю в стороны разбрасывают, да крики раненых – вполне обыкновенные, такие, как на любой войне, хоть настоящей, хоть фантастической. И кровь тоже обыкновенная, человеческая. Красная...

Сознание затуманилось, как порой бывает во сне. Точнее, в тот краткий миг, когда человек уже не спит, но еще не бодрствует; когда невозможно понять, продолжение ли это сна или реальность. Сильно, до тошноты закружилась голова. И командир стрелковой дивизии, глухо застонав и рванувшись на топчане, очнулся окончательно. Вот только с этого момента он уже не был комдивом 191-й СД полковником Дмитрием Акимовичем Лукьяниным. С этого момента его звали капитаном Сергеем Викторовичем Кобриным, выпускником третьего курса Высшей академии сухопутных войск.

Очередная, уже третья по счету, «стыковка сознания» благополучно завершилась. На этот раз ассоциация прошла не столь легко, как в прошлый раз, с Сениным. Сергей мельком ощущил, как разум реципиента подсознательно, на уровне инстинкта самосохранения, сопротивляется ментальному давлению донора. Странное ощущение, которое практически невозможно описать словами. Наиболее близкая аналогия – словно

пытаясь продавить ладонью упругую, обволакивающую пальцы, но упрямо не рвущуюся пленку, с каждым мигом ощущая, как погружаешься все глубже и глубже. Вот только вместо руки был разум, а вместо пленки – чужая воля... Пребывающему на грани сна и яви комдиву даже удалось на долю мгновения – ту самую, когда они являлись одним человеком, с одними на двоих воспоминаниями, – прикоснуться к его собственным воспоминаниям, увидев что-то из его прошлого. Но что именно, Кобрин не уловил. Вроде бы какой-то полузыбый, но усердно сохраняемый памятью бой на Терре-3 или Вирджинии – перед мысленным взором промелькнули распластанные тени вражеских атмосферников класса «Гарпия», штурмующих войсковую колонну сухопутных сил Федерации. По которым, задрав в небо стволы, электромагнитные ускорители и пусковые контейнеры, лупило все, способное стрелять: от БМП и бэтээров до комплексов фронтовой ПВО. Где и когда это было, Сергей так и не осознал, полностью поглощенный слиянием с разумом реципиента. А затем настал миг, когда Кобрин окончательно продавил чужую защиту, полностью овладев сознанием Лукьянина, и все это вовсе перестало иметь хоть какое-нибудь значение...

Глава 3

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

Окончательно придя в себя, Кобрин – ну да, теперь уже именно Кобрин – приподнялся на кровати, фокусируя взгляд на лице стоящего рядом человека. Точнее, его адъютанта, капитана Завьялова. «Константина», как услужливо подсказала память: то ли благодаря автоматически активизировавшемуся инфопакету его собственная, то ли полковника Лукьян이나.

– Виноват, товарищ командир, – сообщил тот, не дожидаясь вопроса. – Радиограмма из штаба фронта, с пометкой «весыма срочно». И разведчики из-за реки вернулись. Тоже срочно, принесли сведения особой важности. Командир разведбата прибыл, снаружи дожидается. Начштаба с особыстом у себя, командиры полков сейчас будут.

Поколебавшись секунду, капитан мрачно добавил:

– Не знаю, что там в эрдэ, но из разведгруппы только двое обратно дошли, раненые все. Остальные там и остались. Сейчас товарищ майор сам доложит.

– На немцев напоролись? – хриплым со сна голосом спросил Кобрин, решительно садясь на жесткой деревенской лавке, застеленной сложенным вдвое стеганым одеялом и шинелью. Голова слегка кружилась, но вполне терпимо. Ничего, еще пару минут, и все придет в норму – все-таки чужое тело, которым еще только предстоит овладеть в полной мере. Прокашлялся, прочищая горло, и подвигал руками, вроде бы разминаясь, а на самом деле незаметно для капитана принаршиваясь к моторике комдива. Собственно, Завьялов все равно ничего не заподозрит – мало ли как внезапно разбуженный человек себя ведет? Может, руку во сне залежал или просто потягивается?

– Не на немцев, – со вздохом покачал головой Завьялов. – Ну, в смысле на немцев, конечно. Только не на простых, а на диверсантов. Неподалеку от моста на той стороне и столкнулись, насили с боем ушли. Двоих сразу потеряли, затем еще одного, еще двое остались прикрывать отход.

– «Бранденбурги»? – едва ли не против воли ахнул Сергей, мгновенно сложив в уме два и два. И затейливо выругался себе под нос, беззастенчиво используя память реципиента. Похоже, они снова опаздывают, пусть и не столь серьезно, как в прошлый раз. Хотя, если фрицы еще не заняли

переправу, все не настолько критично. Вероятно, группа столкнулась с пешей разведкой, которую наши в прошлый раз благополучно прохлопали. Хорошо ли это? Пожалуй, да, хорошо. Поскольку означает, что диверсанты к мосту еще не выдвинулись. В прошлый раз они захватили переправу после десяти утра, оторвавшись от основных сил на пять с лишним километров. Так что время, вполне вероятно, пока еще есть, хоть и немного. Но нужны подробности. Кровь из носу, нужны...

– Кто? – искренне не понял капитан.

– Неважно, потом объясню. – Кобрин поднялся на ноги. От резкого движения его повело в сторону, пришлось опереться ладонью на бревенчатую стену, благо лавка под ней и стояла. Завьялов дернулся было помочь, но Сергей отстранил его:

– Нормально, не выспался просто. Встал резко. Уже прошло.

Мельком оглядел себя – повезло, спал в одежде, даже не разувался, видать, чтобы времени, случись что, не терять. Только портупею надеть – и вперед. Как чувствовал, ага...

– Пошли с разведкой говорить.

– А радиограмма? – опешил капитан.

– По дороге прочитаю. Мне сейчас разведданные важнее. Если это то, о чем я думаю, то хреново, даже очень хреново. – Комдив принял из рук адъютанта портупею с кобурой, перебросил через голову плечевой ремень, затянул пояс. Привычно оправил гимнастерку, загнав складки за спину, застегнул верхнюю пуговицу. – Фуражку подай. Ага, спасибо. Все, вперед, времени, как я понимаю, у нас совсем в обрез. Время, Костя, теперь не на часы даже – как бы ни на минуты пошло... хотя ты прав, давай прямо сейчас и прогляжу. Подсвети только, темновато тут.

Пока адъютант вытаскивал из полевой сумки бланк расшифрованной радиограммы и возился с фонариком, Кобрин успел провести «ревизию» памяти комдива, сверяя информацию с тем, что знал сам. Ага, вот оно что... Итак, на этот раз дивизия и на самом деле не опоздала, выйдя к Ивановскому еще вчерашним вечером, в тот же самый день, когда кампфгруппа полковника Рузы находилась на расстоянии буквально десяти километров от реки. Основные силы 6-й танковой, как и в реальной истории, отставали на полсотни километров, полноценный дневной переход. Немногим меньше времени требовалось нашим, чтобы подтянуть тылы. Впрочем, подразделения дивизии и сейчас были готовы оказать противнику отпор, оказавшись той самой «пробкой» в десятикилометровом бутылочном горлышке. Если, конечно, события в целом пойдут так же, как «помнил» Сергей из известной ему истории. А вот если гитлеровцы

поступят как-то иначе... хотя вряд ли. Да и как, каким образом? Ни лес, ни болота никуда не делись – и не денутся, будем надеяться. И новой дороге, ведущей в обход, за ночь взяться неоткуда, ага. Подобные изменения местности абсолютно невозможно осуществить за сутки даже в его родном времени, какими бы продвинутыми технологиями терраформирования ни овладели люди за прошедшие столетия.

Пока же ни наши, ни фрицы буром да по темноте лезть вперед не стали, решив выждать до утра. С немецкой стороны к Луге двинулись диверсанты восьмой роты полка особого назначения «Бранденбург-800», с нашей – упомянутая выше разведгруппа из семерых бойцов. Опытных, уже успевших понюхать пороха в июньских и июльских боях... но никак не ожидающих встретиться у переправы с материами волками, подготовленными ничуть не хуже их. Результат боя вкратце озвучил Завьялов – потеряв четверых, разведчики все-таки оторвались, уйдя за реку.

Содержание радиограммы оказалось вполне предсказуемым и Сергея нисколько не удивило. Ему предписывалось обеспечить невозможность захвата противником моста и плацдарма у деревни Поречье. Вот спасибо, а то он сам не догадывался! Да и не только он, но и Лукьянин: судя по информации из памяти реципиента, комдив прекрасно осознавал всю опасность сложившейся ситуации, потому вчера и отправил разведгруппу на ту сторону Луги. С заданием удостовериться, что ночью фашисты не начнут скрытную переброску сил через реку. В случае же обнаружения вражеской активности разведчикам надлежало немедленно радиоровать в штаб дивизии. Но на связь они не вышли, иначе Лукьянин разбудили бы гораздо раньше, еще до ассоциации с Кобриным. Возможно, разбили рацию, или радиостанция погиб, или просто не успели, вступив в бой с немецкими диверсантами. Выяснить подробности можно было, только поговорив с командиром разведбата и, крайне желательно, с уцелевшими бойцами, чем Сергей и сбирался заняться.

Завидев вышедшего из избы комдива, майор Гареев, командир разведывательного батальона дивизии, торопливо выбросил недокуренную папиросу и козырнул, бросив ладонь к фуражке. В нескольких метрах негромко тарахтела работающим мотором запыленная по самую крышу штабная «эмка», на которой он и прибыл. Главный разведчик стрелковой дивизии оказался невысок, но крепок в кости, как в народе говорят. Чернявый, с небольшими щегольскими усиками, подтянутый, несмотря на ранний час. «Наверняка тюркские корни имеются», – автоматически отметил Кобрин, заодно припомнив, как его зовут. Память Лукьянина не подвела, имя вспомнилось легко – несмотря на быстроту ассоциации и

отсутствие времени на адаптацию (в прошлые два раза у него было пусты и немногим, но больше времени, чтобы осознать себя «в новом качестве»), сознание реципиента оказалось в его полном распоряжении.

– Товарищ полковник, командир разведбата, майор...

– Некогда, Рустам, докладывай. Кратко и по существу. Будет нужно – сам спрошу.

– Есть. С противником группа встретилась приблизительно в трех километрах от переправы. Судя по обмундированию и экипировке – диверсанты. Скрытно двигались лесным массивом в сторону реки. С собой имели личное стрелковое оружие, автоматы и карабины и один пулемет системы МГ-34. Уклониться от боестолкновения возможности не было, столкнулись практически лоб в лоб. Немцы, несмотря на потери, преследовали группу почти до самой Луги – вероятно, не хотели, чтобы о них узнали. Предполагаю, разведывали безопасные подходы к мосту, имели цель вскрыть систему его охраны. Оторваться удалось только в километре, оставив огневой заслон. Выйти на связь возможности не имелось: радиостанцию разбило осколком, радист погиб. Наши потери – пятеро, у противника предположительно больше. Удалось захватить раненым одного пленного, но дотащить не сумели – умер при транспортировке. Никаких документов при нем не имелось. Кто такие, точно не известно. Мое мнение – сброшенная этой ночью с самолета группа парашютистов или разведка немецкой танковой дивизии. У меня все.

– Никакие это не парши... – задумчиво пробормотал Кобрин, анализируя короткий, но емкий доклад майора. Что ж, пока события, очень на то похоже, развиваются именно так, как он и ожидал. Точнее, как было в реальной истории. Но поговорить с ранеными разведчиками все-таки необходимо – хотя бы для того, чтобы убедиться, что к мосту идут именно диверсанты лейтенанта Реннера^[6] и изменившаяся реальность не подкинула никакого сюрприза. Все-таки события сместились на целый месяц, а за столь долгий по военным меркам срок многое могло произойти. – Диверсанты из восьмисотого учебного полка «Бранденбург». Слыхал про таких?

– Так точно, слышал. В сводке проходило, они недавно мост в Даугавпилс взяли. А в июне в районе Бреста вовсю орудовали, еще за сутки до немецкого нападения. Разрешите вопрос?

Сергей молча кивнул. Фразу майора про июньские события он оставил без внимания: не рассказывать же ему, что он там БЫЛ, причем лично? Правда, тогда с «бранденбургами» встретиться не довелось.

– Почему думаете, что это именно они? Могут ведь и на самом деле

парашютистами оказаться. Нам доносили, что фашисты их активно используют, в том числе на Северном фронте.

– Почему? – Кобрин невесело хмыкнул. – Ну, считай, предчувствие у меня. Вот сейчас с твоими бойцами поговорим, глядишь, и разберемся. Ты, гляжу, не на своих двоих прибыл? Поехали?

– Так точно, машина ждет. – Командир разведбата первым двинулся к легковушке. Судя по задумчиво нахмуренному лбу, вопросы у него не закончились. Сергей даже догадывался какие: кто такие «парши» (ну да, согласен, сболтнул, не подумав: здесь этот термин пока не в ходу, а даже если бы и использовался, вовсе не факт, что фронтовой разведчик мог его знать)^[7] и отчего он так уверен, что к мосту идут именно «бранденбурги».

Комдив взглянул на Завьялова:

– Костя, дуй в штаб. Передавай приказ: объявляю боевую тревогу. И связь с танкистами чтобы работала как часы. Боюсь, наш заслон у моста долго немцев не сдержит, а если они переправу захватят и в Поречье окопаются, худо будет. А мост им отдавать нельзя, никак невозможно.

– Но я...

– Товарищ капитан, выполняйте приказ! – повысил голос Сергей. – Через двадцать минут буду лично. Да, и самое главное: немедленно связаться с гарнизоном охраны моста! Прямо сейчас, не откладывая ни на минуту! Пусть немедленно занимают позиции и ждут!

Память – на сей раз не реципиента, а его собственная – услужливо подсказала, что переправу охраняют бойцы второй дивизии НКВД. Всего сорок семь человек, включая командиров. Несмотря на наличие траншей с пулеметными гнездами и нескольких ДЗОТов по обе стороны моста, в прошлый раз они так и не сумели оказать существенного отпора диверсантам лейтенанта Реннера, хоть бой и был достаточно ожесточенным. Ну, не ожидали они, что в советском бронеавтомобиле и советском же грузовике окажутся три десятка врагов, переодетых в красноармейскую форму! Многие из которых еще и по-русски свободно говорили. Хотя и должны были, конечно, война уж третий месяц идет...

В итоге немцам удалось захватить мост и, поставив дымовую завесу, подавить гранатами укрепленные точки. А после того как к реке подошли танки, бой и вовсе завершился, понятно в чью пользу. Взорвать переправу, к сожалению, гарнизон охраны не успел – или не имел такой возможности. По одной из версий, этому воспрепятствовали диверсанты, успевшие перерезать ведущие к зарядам провода, по другой – мост по какой-то причине вовсе не был заминирован, как и дамба у Ивановского, а установленные на настиле бочки с горючим поджечь не удалось...

– Слушаюсь, – взял себя в руки Завьялов. – Что передать?

– Передать, что в течение самого ближайшего времени на мост будет совершена атака фашистских диверсантов, вероятно, переодетых в форму РККА и использующих трофеиную советскую технику и оружие, скорее всего, хорошо владеющих русским языком. Пусть займут укрепления и ждут. Приказываю, под мою личную ответственность, к переправе никого не подпускать. Вообще никого! Останавливать, при малейшем неповиновении – стрелять на поражение без предупреждения. В ближайшие несколько часов к мосту никто не должен подойти. Вообще никто! Ни подойти, ни подъехать! В самом крайнем случае мост уничтожить! Любым способом. Если не успели заминировать – пусть просто подожгут – настил деревянный, полыхнет за милую душу. Хотя лучше, конечно, взорвать, коль взрывчатка имеется, пусть готовят к подрыву немедленно. В случае нападения немедленно подать сигнал – помочь прибудет в самые ближайшие сроки. А станут спорить – напомнить, что переправа находится в зоне ответственности моей дивизии, так что отдавать подобный приказ я право имею. Да, и пусть имеют в виду, что максимум через десять-пятнадцать минут от начала вражеской атаки к мосту подойдут до роты пехоты и взвод легких танков. Впрочем, наше подкрепление должно успеть первым, так что пусть не особо пугаются.

– Так точно... – шумно сглотнув, пробормотал Константин, переваривая обрушившуюся на него информацию. – Разрешите выполнять?

– Выполняйте, товарищ капитан, времени нет!

Майор Гареев молчал, хоть по его лицу было видно, что вопросов у него с каждой минутой становится все больше.

– Рустам, тебя тоже касается, поехали...

* * *

– Вон там они, товарищ полковник, в этой избе, – подсказал Гареев, на всякий случай указав направление рукой. – Там наша медицина пункт первой помощи разместила, ну и раненых туда же отправили. Сам медсанбат, понятно, полностью пока не развернулся, ждут развития событий.

– Понятно, – буркнул Кобрин. – Пошли быстренько, меня в штабе ждут, сам слышал, как все завертелось. Блокнот с карандашом имеешь?

– Так точно.

– Пока я с бойцами говорить стану, записывай вкратце, чтобы чего

важного не упустить. Ты ведь их только устно опросил, как я понимаю, а ждать оформления подробного рапорта у меня нет времени. Добро?

– Есть, – пожал плечами комбат, если и удивившись, то вида не подав.

Первым поднявшись на невысокое, из трех ступенек, крыльце, Кобрин столкнулся с молоденькой медсестричкой, выносящей эмалированный таз с обрывками окровавленных бинтов, тампонов и прочей медицинской «расходки». Встреча оказалась неожиданностью для обоих. Сергей чисто инстинктивно отпрянул в сторону, девушка тоже. По закону подлости в том же самом направлении, разумеется. В результате чего таз уперся в живот комдива, а медичка мгновенно пошла алыми пятнами, едва не выронив емкость вместе со всем жутковатым содержимым.

– Ой... п-простите, т-товарищ полковник... – Похоже, девчушка была на грани обморока. Поскольку никакой касающейся ее информации в памяти Лукьянина не нашлось – да и с чего бы, собственно? С какой радости командиру дивизии знать в лицо или тем паче по имени медицинских сестер? – пришлось импровизировать. Подхватив таз одной рукой, другой поддержал ее под руку:

– Аккуратнее, красавица, так и командира зашибить недолго! А кто тогда с немцем воевать станет? Спускаемся осторожненько, тут ступеньки. Вот и хорошо. Ну, все нормально?

– Да... – пискнула девчушка, выдергивая из его руки таз. Бурая, цвета мясных помоев жидкость на дне едва заметно плеснула. – Виновата, не заметила. Разрешите идти?

– Разрешаю, – улыбнулся Сергей, делая знак Гарееву. Майор плавным движением метнулся к медичке, помог спуститься с крыльца, успев незаметно подмигнуть. – Как там наши раненые?

– Помощь обоим оказали, жить будут, – взяв себя в руки, ответила та. – Можно поговорить. Недолго только, им в госпиталь нужно. Ой, да что вы у меня-то спрашиваете? Проходите внутрь, доктор сам и расскажет. Хотя нет, он только что ушел, минут через двадцать вернется. Вы его, наверное, подождите, да?

– Спасибо, дальше мы уж сами разберемся.

Еще раз ободряюще улыбнувшись девушке, Сергей толкнул дверь и прошел в сени, ничуть не смущенный неожиданным происшествием майор – следом. Пригнувшись, чтоб не ушибить голову о низкую притолоку, огляделся. Просторная комната, выходящая окнами на восток и запад (по два с каждой стороны) и оттого светлая, разделена надвое подвешенными под потолком белыми простынями. За которыми, нужно полагать, располагалась та самая то ли смотровая, то ли перевязочная: весьма

далекий от медицины Кобрин в подобном разбирался очень слабо. Поскольку там, в его времени, все, касающееся оказания помощи раненым, было в целом автоматизировано. На поле боя – индивидуальные аптечки первой помощи, способные остановить кровотечение, снять болевой шок, защитить от отравления или радиации и поддержать организм бойца до прибытия эвакуационной команды. На следующем этапе – компьютеризированные операционные и реанимационные модули, требующие минимального человеческого вмешательства. Здесь же все было совсем иначе...

Раненые сидели на покрытой застиранной простыней лавке в граничащем с сенцами «предбаннике», куда меньшем по размеру, нежели основная часть помещения. Один совсем молодой, не больше двадцати лет. Голова перевязана, на только что наложенном белоснежном бинте уже успело пропустить крохотное алое пятнышко; под правым глазом, опускаясь на щеки, наливается роскошный синяк, скорее даже кровоподтек. Знакомое дело – подобное бывает при сильном ударе, например прикладом или ногой. Второй постарше, под тридцать, пожалуй. Баюкает на груди правую руку, замотанную тугими турами бинта от локтя и выше. Штанина маскировочного костюма, обычной двухцветной «амебы», разорвана вместе с хлопчатобумажными шароварами, свисая лохмотьями от колена до голенища сапога, глубокие ссадины на коже обильно замазаны йодом. Лица у обоих чумазые, пятнисто-полосатые от смешанной с потом грязи, копоти и крови, только белки глаз и выделяются. Да уж, похоже, тяжко сегодня мужикам пришлось...

Заметив вошедших, ближайший ко входу разведчик (тот, что постарше) попытался торопливо подняться на ноги. Его товарищ, мазнув по лицу комдива расфокусированным взглядом человека, получившего черепно-мозговую травму, с запозданием дернулся следом, однако Кобрин лишь махнул рукой – «сидите, мол».

– Товарищ полковник, товарищ майор, замкомвзвода сержант Евсиков...

– Вольно, сержант. О здоровье не спрашиваю, сам все вижу. Доложить о результатах разведки сможете?

– Так точно, смогу, – кивнул сержант, бросив на товарища короткий взгляд.

Поискав взглядом, на что бы присесть, Сергей заметил возле противоположной стены парочку массивных деревенских табуретов. Подтянув один поближе, уселся в паре метров от бойцов. Вторым завладел Гареев, разместившийся в углу. Выложив поверх планшета блокнот и взяв

карандаш, майор приготовился конспектировать разговор, выполняя просьбу командира. Особой надобности в последнем, в принципе, не было: на память Кобрин пока не жаловался, но пусть будет. Вдруг на самом деле что-то важное упустит?

Сергей оглядел напрягшихся разведчиков. Волнуются, понятно: не ожидали, что придется повторять рассказ самому комдиву. Да еще и в подобной обстановке, определенно не способствующей спокойному разговору. А что делать? Нет у него ни времени, ни возможности, чтобы дожидаться оформленного по всем правилам рапорта. Обстоятельного, с аккуратно нанесенными на карту местности пометками и пояснениями. И местного особиста, которому при подобном разговоре обязательно надлежит присутствовать, в пределах видимости тоже не наблюдается. Что, с одной стороны, вроде как непорядок, а с другой? А с другой – некогда ждать. Поскольку у него снова цейтнот, как и в прошлые два раза.

Правда, и ставка сейчас не в пример более высокая...

– Значит, так, товарищи бойцы. Надолго я вас не задержу, сам вижу, в каком вы состоянии. О том, с кем вы за Лугой столкнулись, мне уже доложил товарищ майор. Сейчас прошу кратко, без лишних подробностей, рассказать обо всем произошедшем еще раз. Буквально пять минут на рассказ. В первую очередь меня интересуют подробности, касающиеся этих диверсантов. *Любые* подробности, – с легким нажимом повторил Кобрин. – Как вооружены и экипированы, чем занимались, когда с вами столкнулись, на каком языке разговаривали, что заметили странного или необычного. А во вторую – что вообще на той стороне реки творится? Какие силы и средства противника обнаружили, где расположены, готовятся ли к наступлению – ну и так далее, не мне вас учить, что важно, а что нет. Мне доложили, что с диверсантами вы встретились километрах в трех от моста, так? Посему меня интересует, есть ли фашист на этом расстоянии или нет. Докладывает сержант Евсиков, товарищ дополняет, если сочтет нужным или заметит, что командир что-то пропустил или не заметил. Боец, представьтесь!

– Красноармеец Сидоров, – чуть заторможенно сообщил второй разведчик, часто моргая и непроизвольно кривя лицо. Похоже, и на самом деле сотрясение мозга или контузия. В стационар парню нужно, и поскорее.

– Приказ понятен?

– Так точно, – нестройно отрапортовали красноармейцы.

– Рассказывайте, время пошло...

Интерлюдия 1

Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин, конец августа 1941 года

Приземлились на каком-то безымянном полевом аэродроме. Самолет при посадке нещадно подкидывало и мотало из стороны в сторону: взлетно-посадочная полоса оказалась просто лесной просекой, стараниями персонала БАО выровненной до более-менее удобоваримого состояния. Кустарник выкорчевали, кочки срезали, ямины и промоины засыпали и утрамбовали – чем не взлетка? Истребители за милую душу взлетают да садятся, значит, и транспортник приземлится. Вот и приземлился. А что потрясло немного, так не беда, хорошо, что вообще невредимым добрался – Люфтваффе пока что в воздухе себя королями чувствуют. Спасибо прикрытию, отогнали, когда на подлете следом пара «мессеров» прицепилась. Но в бой немцы ввязываться не стали – видать, не по нраву им наши новые «ястребки». Пугнули парой неприцельных очередей, да отвалили, завидев, как «МиГи» перестраиваются для атаки.

Ощущая себя вполне опытным авиапутешественником – второй раз на самолете летит, шутка ли? – Зыкин простучал сапогами по невысокой, всего в несколько ступенек, металлической лесенке-трапу, с наслаждением ощущив под подошвами твердую землю. Опытный-то он опытный, конечно, тут никаких сомнений... но на земле оно как-то всяко надежнее. Огляделся. Под деревьями лесной опушки – укрытые сетями истребители, возле которых копошится обслуга, на дальнем краю поля – замаскированная батарея ПВО, тянущая к небу увенчанные раструбами пламегасителей хоботки скорострельных зенитных автоматов 61-К. Где разместились остальные аэродромные службы, отсюда не видно – укрыты где-то неподалеку. А вообще, грамотно тут все организовано, молодцы. С высотыто, небось, и вовсе ничего не разглядишь: ну просека – и просека, каких в этих краях много. Или не просека, а луговина, мало ли...

Зыкина, как выяснилось, ожидали – не прошло и пары минут, как к самолету подкатила... нет, не легковушка, а самая обычная полуторка. Из кабины которой, не дожидаясь полной остановки, выскочил сержант госбезопасности. Кинув ладонь к косо сидящей фуражке, представился торопливой скороговоркой:

– Сержант Колосов, здоровья желаю! Товарищ лейтенант Зыкин? Нас предупреждали. Садитесь в машину, сразу и поедем. Вон, в кабину лезьте, а я в кузове прокачусь. Вещей при вас не имеется?

– Не имеется, – подтвердил Витька, скрыв улыбку, глядя на суetu встречающего. Ишь как волнуется, едва из портупеи не выскакивает!

Интересно, кем его представили в радиограмме? Какой-нибудь важной шишкой из столицы? Так звание для оной шишки определено маловато: всего-то лейтенант. Да, вот кстати... Не стоит расслаблять товарищей на местах.

– Сержант, а документы у меня проверить не хочешь? Так, на всякий случай? А то вдруг не того встретил?

Вопрос явно застал Колосова врасплох – бедняга аж завис, как любил говорить Степаныч, на пару секунд:

– Так это, мне ж сообщили насчет самолета...

В следующий миг до него дошло. Покраснев, он придал лицу донельзя строгое выражение:

– Виноват, замотался. Разрешите ваши документы, товарищ лейтенант?

Выглядел он при этом настолько серьезно и одновременно комично, что Зыкин даже хмыкнул про себя: ты бы еще ладонь на кобуру положил, для полноты картины, так сказать!

– Прошу. – Продемонстрировав удостоверение в раскрытом виде и позволив вчитаться в содержание, Виктор убрал документ и коротко подмигнул сержанту:

– Ну что, порядок?

– Так точно.

– Тогда вперед, незачем время терять, тут ты всяко прав. Куда ехать-то, знаешь?

– А как же, – весело ответил ничуть не смущенный произошедшим Колосов. – Известно. Тут нешибко далеко, меньше чем за час доберемся. Так что, едем? Можно?

– Нужно. – Лейтенант забрался в тесную кабину, усевшись рядом с немолодым сержантом с черными петлицами автобронетанковых войск. Мотор шофер не глушил, сберегая и без того невеликий ресурс дефицитного стартера с аккумулятором – иначе пришлось бы возиться с заводной ручкой. Зыкина подобное нисколечко не удивило: знакомое дело, уж повидал. Водила, пробормотав положенное приветствие, вопросительно взглянул на пассажира:

– Так чего, поехали, товарищ лейтенант?

Захлопнув дверцу, Витьяка поерзal на потертой дерматиновой сидушке, устраиваясь поудобнее. Грузовик легонько качнулся, когда Колосов, оттолкнувшись ногой от заднего ската, лихо запрыгнул через борт в кузов.

– Поехали, сержант...

* * *

– Честно говоря, не совсем понимаю, что вы, собственно, хотите от меня услышать, товарищ лейтенант государственной безопасности? – Комдив Михайлов, прикурив вторую по счету папиросу, бросил на стол полупустую пачку и устало пожал плечами. – Подполковника Сенина знаю давно, еще с тех времен, когда с япошками на Халхин-Голе воевали. Там и познакомились. С семьей его тоже знакомство имел: и с супругой, и с детишками. Семья у него просто замечательная. Повезло, кстати, что не успел сюда до войны перевезти, так в Хабаровске и остались. Избежали, можно так сказать, эвакуации. После ранения товарищ Сенин служил в Монголии, пока я его к себе не перетащил весной этого года. Остальное вам и без меня известно. А воевал он, не побоюсь этого слова, героически! Грамотно, четко, продуманно. Если б у нас все комбриги так воевали, как Серега под Смоленском, глядишь, и вовсе не отступали бы...

Смерив нежданного гостя насмешливым взглядом, Михайлов добавил, затягиваясь:

– Что, товарищ лейтенант, чего-то не то сказал?

– Наоборот. – Зыкин спокойно выдержал взгляд полковника. – Сказали вы именно то, что я и ожидал услышать. А теперь хотелось бы узнать об этом немного подробнее.

– Даже так? – удивленно хмыкнул комдив. – И в каком, простите, смысле подробнее? Журнал боевых действий предоставить? Так он и так в полном вашем распоряжении, изучайте на здоровье, начштаба у меня грамотный, все как есть описал. Или на словах рассказать, как мы немцу перца под, гм, хвост насыпали?

Виктор помолчал несколько секунд, мучительно решая, как строить дальнейший разговор. То, что его вопросы комдив встретил в штыки, хоть и старался не подать вида, Зыкина не особо удивило. А как бы он сам поступил, окажись на его месте? Приехал непонятный особист из самой Москвы, задает достаточно странные вопросы относительно старого боевого товарища. Хорошо еще, что он подписанный лично товарищем наркомом документ не стал показывать, как Лаврентий Павлович и советовал. Тогда о доверительном разговоре и вовсе можно было бы позабыть...

А если вот так? И ведь практически не соврет, только несколько, хм, сместит акценты, по-умному говоря:

– Григорий Михайлович, ну что вы в самом-то деле? Враг я вам, что

ли? Или думаете, что под товарища подполковника копаю? Так глупости! Слово командира даю, не так это! Верите?

Михайлов неопределенно пожал плечами, то ли соглашаясь, то ли наоборот. Но промолчал.

– Хорошо, давайте так договоримся: сейчас я вам кое-что расскажу, но и вы мне тоже честно ответите. Если счтете нужным. Если нет – я просто уйду. Совсем. Добро?

– Излагайте уж, товарищ лейтенант. За резкость прошу прощения, возможно, и перегнул палку, поскольку устал сильно. Мне через неделю в бой, а с матчастью беда, да и людей тоже, особенно грамотных командиров, кот наплакал... впрочем, неважно, уж точно не ваши проблемы. Но и вопросы у вас, скажем прямо, тоже неожиданные. Подполковник Сенин – герой, каких поискать. Во всех смыслах. Из этого прошу и исходить. Итак, слушаю?

– Так точно. Знаете, Григорий Михайлович, возможно, вы меня и на самом деле не совсем правильно поняли. Дело в том, что боевые действия вашей бригады признаны одними из лучших на всем фронте. Именно поэтому я и здесь.

– Любопытно, – по-прежнему хмуро буркнул комдив. И все же от взгляда Зыкина не укрылось, как едва заметно разгладилось его лицо. – Продолжайте.

– Ставкой принято решение уделять особо отличившимся командирам особое внимание. Перенимать опыт, так сказать. Выяснить, отчего другие не могут воевать настолько же эффективно. В частности, это касается товарища Сенина – насколько мне сообщили, именно благодаря которому две недели назад и удалось удержать Смоленск. Вот поэтому я и хотел с ним поговорить.

– Красиво излагаешь, – задумчиво пробормотал Михайлов, туша папиросу в закопченной жестянке из-под тушеники. – И ведь никак не проверишь, так оно на самом деле или ты все это выдумал. Ладно, считай, верю. Только не в одном Сергея Васильевиче дело, я ведь тогда и сам всех подробностей не знал. Полагал, как мне и доводили перед началом контрудара, что мы лишь помогаем деблокировать и вывести попавшие в окружение войска. Да и основной удар совсем в ином месте провели – наверняка ведь знаешь? Ну а про то, что Ставка не собиралась город сдавать, я только через сутки узнал, когда остатки дивизии в тыл отвели. Серега к тому времени уж в госпитале был, вместе со своим экипажем... Так что ты насчет него спросить-то хотел?

Зыкин мысленно улыбнулся: ну вот, сразу бы так!

– Да ничего особенного, в принципе. Вот вы, товарищ полковник, сами сказали, что знаете товарища Сенина не первый год, можно сказать, вторую войну вместе. Как считаете, под Смоленском он лучше стал воевать, чем раньше? Решительнее там или просто как-то... иначе? Необычней? – И, заметив, как удивленно приподнялись брови собеседника, торопливо докончил, не дожидаясь, пока собеседник его перебьет:

– Именно это меня, собственно говоря, и интересует. Почему некоторые наши командиры, в том числе ветераны, успевшие до войны принять участие в боевых действиях, сейчас неожиданно теряются, не могут выполнить задание, а порой и вовсе отступают, теряя личный состав и бросая технику, а другие – совсем наоборот! Вот как товарищ комбриг, к примеру. Крайне важно понять, в чем тут дело. И сделать так, чтобы и другие так же успешно сражались. Да что другие – все!

– Эк ты спросил, лейтенант... – задумчиво протянул Михайлов, похоже, даже не заметив, что перешел на «ты». – Не ко мне вопрос-то. Про такое в генштабе думать должны, у них мозги соответственным образом заточены. А что до Сереги?

Внезапно нахмурившись, полковник выдержал недолгую паузу:

– Эхм, странно... как-то раньше я об этом и не думал даже, а вот ты спросил – и...

«Неужели?! – ахнул про себя Зыкин, всеми силами стараясь ничем не выдать своего состояния. – Неужели так просто? И Сенин – именно тот, кого мы ищем? Неужто с первого раза сразу в яблочко попали?»

Михайлов меж тем смущенно кашлянул и продолжил, не столько отвечая на поставленный вопрос, сколько размышляя сам с собой:

– Ведь и вправду, изменилось в Сереге что-то. Нет, он и раньше отличным командиром был, всегда в первых рядах, потому и ранения имел, и личный состав его уважал, горой стоял, что называется. В меру осторожный, в меру решительный, людей и технику берег, зря на рожон не пер. Но тогда, под Смоленском? Гм, он ведь собственный план атаки утром изменил, буквально перед самым контрударом. Я еще удивился, с чего бы вдруг, и прошлый нормальным был. Просто не успел поинтересоваться, а после и вовсе все закрутилось, не до того стало. Да и к чему, собственно, коль в итоге все отлично вышло? Немцу мы знатных люлей навесили, город удержать помогли. А вот комбриг-два себя нешибко показал, да. Пришлось Сережке и за него повоевать...

Глава 4

Ретроспектива. Западный берег Луги, ночь с 11 на 12 августа 1941 года

Через мост младший лейтенант Зуев, командир разведгруппы, решил не идти, чтобы не привлекать внимания. В принципе, немцев в пределах видимости наблюдатели за минувшие сутки не засекли, лишь дважды за день пролетали авиаразведчики, которых отгоняли поднятые с аэродрома в Ястребино истребители, но рисковать не стоило. Реку форсировали вброд, в полукилометре от переправы. Место было хитрым, ни на одной карте не сущешь, знакомое лишь местным жителям, которые про него и сообщили. Знает ли об этом противник, известно не было, да последнее и не имело особого значения: песчаное русло все равно не позволит переправить ни автомобили, ни тем более бронетехнику. Это выше по течению, в районе Кингисеппских порогов, дно галечное, теоретически способное удержать многотонный вес, а здесь – нет. Завязнут, не добрались даже до середины реки, и бери их тепленькими. Собственно, именно поэтому мост в районе Поречья и представляет такую ценность...

Перебравшись на ту сторону, двинулись лесом вдоль дороги. Поставленная командованием задача была проста: разведать, насколько близко к реке подобрались фашисты. А главное, убедиться, что гитлеровцы не собираются форсировать Лугу этой ночью. В противном случае надлежало немедленно радиоровать в штаб – в экстренном случае допускалась передача клером, суть – открытым текстом. Ничего сложного с точки зрения семерых опытных бойцов. Десятикилограммовую радиостанцию перенес здоровяк Арчеладзе, по совместительству являвшийся радистом группы. Остальные шли, можно сказать, налегке, поскольку вернуться группа собиралась еще до рассвета, и полной выкладки с собой не брали. Двойной боекомплект, по несколько гранат, фляга с водой, два ножа – как без этого – да распиханные по карманам перевязочные средства на случай ранения.

Несмотря на то, что ночное передвижение по болотистому лесу – весьма сомнительное удовольствие, первые два километра прошли в быстром темпе. После десятиминутного привала двинулись дальше. Прежним порядком: впереди головной дозор из двух бойцов, затем, выдерживая положенную дистанцию, основная группа – и замыкающий.

Прорезавшая лесной массив дорога была пустынна – ни немцев, ни наших, лишь однажды протарахтела в сторону переправы старенькая полуторка, по ночной тишине гремящая всеми своими сочленениями, будто танк. Слабый свет единственной фары едва освещал колею, потому шофер и ехал еле-еле, не рискуя подбавить газу. Поскольку в кузове никого не было, только какие-то накрытые пыльным брезентом ящики, особого значения этому не придали, продолжив путь.

Увы, звук полуночного автомобиля привлек не только советских бойцов. По иронии судьбы идущие к реке диверсанты из группы лейтенанта Реннера, производящие пешую разведку района переправы, тоже изменили маршрут, двинувшись к шоссе. Никаких диверсий этой ночью гитлеровцы производить не планировали, поскольку захватывать мост должны были их товарищи, переодетые в русскую форму и вооруженные трофейным оружием. Их же задачей было выяснить, как и какими силами охраняется переправа, где расположены огневые точки и не возникнут ли у камрадов неожиданные проблемы. О результатах разведки следовало доложить по радио, после чего скрытно переправиться на ту сторону Луги и дожидаться начала атаки. В случае необходимости группа была готова ударить с тыла, помогая товарищам завладеть переправой. Второй задачей было разведать, заминирован ли мост, и воспрепятствовать его уничтожению. Потому и вышли в рейд в обычной форме и с привычным оружием. Да и язык противника из всех знал только ефрейтор Горбах, введенный в группу на всякий случай. Перед выходом герр Реннер особо подчеркнул, что самое главное в нынешней ситуации – а до атаки на мост оставались считаные часы, – скрытность и противник ни при каких обстоятельствах не должен ничего заподозрить. Запоздай грузовик всего на несколько минут (или наоборот, если бы он проехал немного раньше), разведгруппы просто разошлись бы незамеченными в нескольких сотнях метров друг от друга. Благо передвигаться без единого звука учили их всех, и учили хорошо.

Но судьба распорядилась иначе. И два передовых дозора, советский и гитлеровский, столкнулись буквально лоб в лоб в нескольких десятках метров от дороги. Замешательство не продлилось и пары секунд, и четыре человека, по двое с каждой стороны, схлестнулись в короткой схватке...

Первым опасность заметил рядовой Ивашутин. Отведя в сторону ветку преграждавшего путь куста, буквально в трех метрах от себя разведчик разглядел фигуру врага, боковым зрением тоже заметившего непонятное движение. Взгляды противников на долю секунды встретились. Немец инстинктивно отпрянул назад; Витька, столь же инстинктивно, повторил

движение. Стрелять фриц не стал – в его интересах было до последнего сохранять тишину. А вот Иващутину открывать огонь никто не запрещал: группа находилась на своей территории, и потому выстрел должен был предупредить не только идущих следом товарищей, но и охрану переправы. Впрочем, последнее вряд ли – лес и пройденное расстояние надежно скрадывали любые звуки. Если кто-то из дозорных на мосту и услышит слабое эхо выстрелов, вряд ли придаст этому особое значение...

«Уйдет, сволочь! – молнией сверкнуло в мозгу в следующий миг. – Валить гада, не дать своих предупредить!»

Лицо бойца словно окатило горячей волной выброшенного в кровь адреналина; в ушах кузнечным молотом забухали, все учащаясь, удары подстегнутого опасностью пульса. И Иващутин, сдавленно выдохнув «атас, Ванька, немцы!», вскинул автомат. Большой палец заучено отключил предохранитель затворной рукояти, заблокированной в заднем, взведенном положении, а указательный – потянул спусковой крючок...

Фашист, осознав, что отступать и прятаться бессмысленно, неожиданно рванулся вперед, в отведенной в сторону руке тускло сверкнуло лезвие ножа. Но ППД-40 уже коротко рыкнул, ослепив вспышкой дульного пламени обоих, и диверсант, дернувшись всем телом, опрокинулся навзничь, отброшенный ударом пули. Второй из боевой пары, как раз показавшийся из кустов, сдавленно выкрикнул что-то по-немецки и попытался броском уйти в сторону, но на спину ему уже обрушился предупрежденный криком товарища и выстрелом Сидоров. Витька кинулся к нему, не решаясь стрелять, чтобы не попасть в товарища. Пока пронзился сквозь кусты, тот справился самостоятельно – повалив диверсанта, разведчик, как учили, ударил его ножом в правый бок, локтем свободной руки вдавливая голову в прошлогодние листья. Немец, теряя силы, попытался сбросить противника, но было уже слишком поздно, и он замер, конвульсивно суча ногами. Но обрадоваться победе товарища Иващутин не успел. Прилетевшая с вражеской стороны пуля, опережая гулкий звук винтовочного выстрела, тяжело ударила в грудь, швырнув бойца на землю. Отчаянно хотелось вздохнуть, наполнив легкие, пусть даже и в последний раз, влажным и прелым лесным воздухом, но сделать это отчего-то не удавалось. Грудная клетка, судорожно дернувшись пару раз, замерла, больше уже не опустившись. Широко раскрытые глаза, из которых с каждой секундой уходила жизнь, глядели в видимое сквозь разрывы ветвей бархатное ночное небо, по-августовски звездное...

Метнувшегося к товарищу Сидорова остановила раздавшаяся с вражеской стороны автоматная очередь. Стреляли неприцельно,

практически наугад. Не зацепив разведчика, пули, с сухим стуком срезая ветки, подбросили клочья перепревших за зиму листьев, вздыбили влажный дерн. Успев ухватить за шейку приклада оброненный Виктором пистолет-пулемет, он перекатом ушел в сторону, склонившись под ближайшим кустом. Дав короткую и тоже неприцельную очередь, снова перекатился, меняя позицию. Нужно бы подобрать свою винтовку, но некогда. С немецкой стороны бахнуло еще пару выстрелов, но куда именно стреляли диверсанты, он даже не понял – похоже, в темноте удалось сбить их с толку. Осторожно приподнявшись, Иван попытался рассмотреть хоть что-то впереди: убывающая луна серебрила окружающие заросли, отбрасывая на землю изломанные, призрачные тени. Нет, ни...

Короткий шорох справа он не столько услышал, сколько *ощущил* обостренными до наивысшего предела чувствами. Вот только сделать уже ничего не успел: что-то тяжелое, то ли носок подкованного сапога, то ли затыльник приклада, ударило в лицо. «Основная группа подошла, – проваливаясь в омут беспамятства, обреченно подумал разведчик. – Но наши-то где, неужто выстрелов не слыхали?»

Дальнейшие события понеслись в поистине сумасшедшем ритме, с трудом улавливаемом человеческим сознанием. Две разведгруппы, понесшие за несколько секунд первые потери, схлестнулись в короткой рукопашной – стрелять пока никто не решался, боясь попасть в своего. Оставались только ножи и приклады, руки и ноги...

Вот зло оскалившись и выплевывая сквозь сжатые зубы сдавленные ругательства, бросается на младлея Зуева здоровенный диверсант с клинком в руке. Лейтенант выставляет блок, автоматом отбивая в сторону атакующую конечность, и наносит удар прикладом в живот. Немец складывается в поясе, и Зуев добивает его ударом в основание черепа, пониже среза глубокой каски в матерчатом маскировочном чехле. Короткий, неприятный хруст – и противник распластывается на земле. Но вывернувшись откуда-то сбоку диверсант захватывает шею лейтенанта локтевым сгибом. Что-то холодное и одновременно огненно-горячее входит между ребрами, сбивая дыхание. Умирать обидно, но несравнимо обиднее то, что он столь бездарно подставился, пропустив нападение... Последним усилием лейтенант все же отпихивает врага и, заваливаясь на бок, выжимает спуск автомата, так и не выпущенного из рук. Короткая очередь бьет по глазам, ослепляя; толчки отдачи отзываются в ране короткой, злой болью. Не промазал: почти теряя сознание, Зуев видит, как падает и фашист – голова неестественно запрокинута, изуродованное ударившими в упор пулями лицо залито черной кровью.

В нескольких метрах сходятся в схватке ефрейтор Дашко и невысокий, под стать коренастому разведчику, фашист. Немец коротко отмахивается «98-К», не столько надеясь на успех, сколько прощупывая врага. Николай легко парирует удар своим карабином. Короткий лязг столкнувшегося оружия – стрелять бессмысленно, противники слишком близко друг от друга. Еще попытка, выпад, удар – и выбитая из рук хозяина немецкая винтовка падает под ближайший куст. Спустя мгновение летит в сторону и карабин ефрейтора – фашист тренирован ничуть не хуже. Остаются только ножи, которые оба выхватывают одновременно. Сдавленное дыхание, мат, оглушающий гул зашатающегося пульса в ушах. Обмен ударами. Враг неплохо владеет ножевым боем, но и советского диверсанта тоже учили, и учили хорошо. Пятнадцатисантиметровое лезвие НА-40^[8] сталкивается с вражеским клинком, укороченным и обточенным по обеим граням «маузеровским» штык-ножом. Предплечье дергает короткой болью, немец так же сдавленно шипит под нос ругательства: в удар оба вложили немало сил. Еще одна попытка с тем же результатом.

«А вот так?» – сверкает в мозгу азартная мысль. Быстро присев, Дашко пропускает над головой очередной выпад и подбивает противника под колено. Диверсант падает; ефрейтор тоже не удерживается на ногах. Ах ты, падла! Н-на, получи! Подкат, левое предплечье принимает на себя удар рабочей руки противника, и «финка» легко входит меж ребер врага.

– С-сука... твою мать... – хрипит тот отчего-то по-русски. На искаженных ненавистью и болью губах пузырится розовая пена, в призрачном лунном свете кажущаяся практически черной. – Ненавижу... падаль большевицкая... акххх...

Но обдумать или даже просто осознать столь странное поведение гитлеровца Дашко не успевает: откуда-то сбоку раздается гортанное «Achtung, Granate!» Спустя долю секунды продублированное отчаянным воплем замкомвзвода:

– Атас, граната! Ложись!

И тут же гулкий хлопок взрыва. Короткая, бьющая по глазам вспышка, фонтан выброшенных сгорающим аммоналилом тусклых искр, противный визг срубающих ветки осколков над головой. Сдавленные стоны и мат – непонятно, на что рассчитывал бросивший гранату диверсант, но зацепило, похоже, и тех, и других...

Вывернувшийся откуда-то сбоку Евсиков пишет ефрейтора в плечо:

– Живой, Кольша? Цел?

Тот ошарашенно мотает головой. Не потому, что контузило, а в смысле что цел.

– Командир ранен, оттащи его! А я за Сидоровым метнусь, может, живой еще. Уходить нужно, пока эти не очухались! Пригнись!

Припав на колено, сержант дает по кустам недлинную очередь. Существующее в каком-то особом ритме сознание отмечает тусклые отблески вылетающих из затворного окна стреляных гильз, одна из которых ожигает щеку. Кто-то шумно падает в нескольких метрах, стонет на чужом, грубом языке. Впрочем, Дашко это уже не волнует: подхватив потерявшего сознание Зуева под мышки, он с усилием тащит его в темноту, каким-то чудом успев уцепить за ремень собственный карабин. А вот лейтенантского «Дегтярева» не видно – наверное, отправившийся на поиски Сидорова сержант подобрал.

Снова выстрелы, на этот раз из пистолета, звуки ударов и ругань на двух языках. Плохо, что темно – не видно, где враг. И хорошо, что темно – можно укрыться, уйти из прицела. Грохочет автоматная очередь, разведчик узнает характерный шелестящий звук немецкого МП-38/40, пару раз гулко бухает советский карабин. Где-то неподалеку, в сизой от порохового дыма темноте коротко вскрикивает от боли и сочно матерится, поминая в интересных положениях всех фашистских женщин и их непутевых сыновей, Евсиков. Похоже, замкомвзвода тоже зацепило.

– Zurück! Umgruppieren! – Немецкого Николай практически не знает, только пару десятков намертво заученных фраз, но две эти короткие команды понимает прекрасно. Назад и перегруппироваться. Значит, сдрейфили, суки фашистские, значит, отходят! Вот и хорошо, замечательно даже. Пусть небольшая, но передышка. Жаль, своих погибших не забрать, придется оставить их в лесу...

Оторвавшись от противника на несколько сотен метров, поредевшая группа ненадолго остановилась. Нужно было оказать помощь раненым – а зацепило почти всех, кого сильнее, кого меньше. В короткой стычке потеряли двоих: Витьку Ивашутина, открывшего счет потерь, и радиста Гурама Арчелидзе, рядом с которым и рванула злополучная граната. Так что разведчики остались без связи – рация приняла на себя основной сноп осколков, придя в полную негодность. Увы, хватило и самому радиству, и оказавшемуся неподалеку лейтенанту Зуеву... Сколько погибло диверсантов, по понятной причине, точно известно не было, но, судя по всему, никак не меньше трех или даже четырех. Не считая раненых, поймавших в темноте свою пулью или осколок, разумеется.

Тяжело ранило только командира группы, получившего в схватке ножевое и осколочное ранения. Обе раны были плохие: вражеский клинок пробил грудь, а осколок гранаты перебил плечевую кость, что

сопровождалось сильным кровотечением. Кровь вроде бы удалось остановить: на грудную клетку наложили тугую повязку, используя оболочку медпакета, чтобы предотвратить попадание воздуха в травмированное легкое. Руку кое-как зафиксировали неким подобием лангеты из подручных материалов, от одного вида которой у любого медика волосы встали бы дыбом. В себя лейтенант так и не пришел, хоть и был, как ни странно, все еще жив...

Вырубленный ударом приклада Ванька Сидоров едва не попал в плен – в последний момент его в бессознательном состоянии вытащил на горбу Евсиков, получивший при этом свою пулю в руку. К счастью, «фашистский подарок» прошел навылет, не задев ни кости, ни крупных сосудов, так что жизни сержанта ничто не угрожало. Сейчас Сидоров уже немного оклемался и сидел, прислонившись к древесному комлю. Порой накатывала волнами тошнота, однако рвать больше было уже нечем: все, что было в желудке, он уже выблевал под ближайший куст. Евсиков же, белея в темноте свежей повязкой, старательно делал вид, что ему нисколечко не больно. Поскольку командиру – а сейчас сержант именно им и являлся – слабость показывать не положено.

Еще двое разведчиков, красноармеец Вилен Рогов и ефрейтор Николай Дашко, отделались легким испугом. Парочка синяков и царапин, понятное дело, не в счет – и хуже бывало. Особенно ежели на других боевых товарищей поглядеть.

Но главным все-таки было не это: Рогов, практически не участвовавший в стычке с диверсантами, поскольку до того шел замыкающим, в последний момент ухитрился захватить пленного! Раненый немец то ли запутал в темноте, то ли специально стремился отползти подальше от места схватки, но прихватил его разведчик без малейших хлопот и сопротивления. Как выразился, морщась от боли в перевязываемой руке сержант: «экой ты шустрой, боец! Повоевать не успел, зато как трофеи собирать, так первый».

И глядя на возмущенно вскинувшегося Виlena, добродушно пробасил в прокуренные соломенные усы:

– Да шучу я, шучу! Молодец, и как только в темнотице-то сориентировался. Жаль, фриц совсем плохой, вряд ли донесем... За такого пленника нам бы от командования особое уважение перепало, верно говорю.

Пленный и на самом деле был «плохим»: две попавшие в живот пули не оставляли особого шанса дотащить его живым. Разумеется, его тоже со всем тщанием перевязали, однако вряд ли это могло существенно помочь:

раненый метался в бреду, периодически теряя сознание, и что-то негромко бормотал на своем языке. То ли мать звал, то ли ругался, то ли еще что – пойди, пойми?

Из стволов молодых деревьев и плащ-палаток наскооро соорудили пару носилок-волокуш, собираясь погрузить на них раненых. Вот только одни из них не понадобились – младший лейтенант Зуев умер, так и не прийдя в сознание, еще до выхода. Уложив завернутое в плащ-палатку тело командира под корнями гнилого выворотня и присыпав его прелыми листьями и землей, двинулись прямиком к Луге, стремясь оторваться от возможного преследования. Евсиков прекрасно понимал: в покое их немцы не оставят. Поскольку, как только разведчики доберутся до своих, вся их секретность пойдет псу под хвост. Ведь не просто ж так диверсанты по лесу шлялись, вблизи стратегического объекта? Ясное дело, не просто...

Конечно, потрепали немчуру неслабо, как минимум вдвое проредив группу, но и того, что осталось, могло хватить. Поскольку под его командованием нынче аж два полноценных бойца, плюс они с Ванькой, каждый едва еще на половинку тянет. Один однорукий, второй на всю башку ударенный – еле бредет, бедолага. И глаза со стороны в сторону плавают, словно у сильно пьяного. Итого три. В сумме, так сказать. Плюс раненый на руках, с которым быстро по лесу – да хоть бы и по дороге! – никак не побегаешь, здоровый, гад...

Через полчаса сделали небольшой привал, позволяя вымотавшимся «носильщикам» и контуженному Сидорову немного передохнуть. Перед выходом сержант отправил Рогова на полсотни метров назад, приказав установить парочку минных ловушек из оборонительных гранат и мотка бечевки. Способ пока что в армии нешибко известный, но весьма эффективный против живой силы, особенно ночью, когда практически невозможно разглядеть, что находится под ногами (не пойдут же преследователи с фонариками в руках!). Евсикову же о подобной возможности использования самой обыкновенной Ф-1 рассказал старый товарищ, прошедший всю Финскую войну от первого до последнего дня^[9]. Если фрицы попрутся по их следу – а они наверняка попрутся, поскольку четверо людей с носилками в руках просто не могут пройти, не оставив никаких следов, – будет им сюрприз. А то и парочка, ежели не гуськом пойдут...

Минут через двадцать позади глухо бумкнуло. И Евсиков, тяжело вздохнув, снова остановил группу. Отвел в сторону Дашко с Роговым и помолчал, собираясь с мыслями. На душе было паршиво. Но он обязан был поступить именно так.

– Вот что, братцы, до реки еще как минимум верста, а то и поболе. Не оторвемся мы от них такими темпами. Задержать нужно.

– Да брось ты, Степан Михалыч, все и так понятно, – пожал плечами ефрейтор. – Что ты с нами, как с дитями неразумными? Придержим фрица, пока вы до реки добежите, не сомневайся. Главное, патронов да гранат побольше оставьте, вам они уже без надобности.

– Кто со мной останется, сами решите? Или приказать?

– Так оба и останемся, – быстро переглянувшись, пожали плечами разведчики. – А то из вас, тарщ сержант, какой сейчас боец? Одна рука работает, еще и колено вон раскровянили...

– Отставить! – негромко прошипел тот. – Стрелять смогу, и ладно! А ничего иного и не нужно. Один из вас пленного должен помочь тащить.

– Левой рукой? – иронично хмыкнул Дашко, в глазах которого, впрочем, не было ни капли веселья. Только тоскливое понимание того, что предстоит сделать.

И тихонько добавил:

– Не дури, Михалыч, не боец ты нынче. Гранату – и ту не кинешь, себе под ноги разве что, чтобы живым не сдаваться. Кто его знает, сколько этих гадов уцелело да за нами идет? Не сдергим сейчас – все поляжем, и наши про диверсантов не узнают. Получится, зазря группа полегла, а? Так что извини, командир, но ты нам сейчас не приказ. Оба останемся, верно, Вилен? А немца вы с Ванькой как-нить да дотащите, не на волокуше, так под руки возьмете, ему уж без разницы. Да и с чего ты решил, что мы с Вилькой помирать собирались? Окоротим фашиста – и дернем за вами на всех парах. Ну, чего молчишь? Времени край...

– Добро, – непослушными, будто внезапно отказавшимися подчиняться воле хозяина губами буркнул Евсиков, кивая. – Коль так, тогда и медлить не стоит. Рогов, за мной, боеприпасы заберешь...

Пленный умер, когда в километре за спиной загрохотали первые автоматные очереди.

Спустя еще полчаса двое разведчиков, один сильно хромающий на левую ногу, другой раскаивающийся из стороны в сторону при каждом шаге, были остановлены окриком охранявшего подходы к переправе часового...

* * *

– Значит, шлемы у диверсантов самые обыкновенные, как у пехоты? –

переспросил Кобрин, бросив на командира разведбата быстрый взгляд. Майор едва заметно кивнул в ответ. – И одежда тоже? Камуфляжные маскировочные куртки, рисунок в виде изломанных пятен трех цветов, я верно понял?

– Так точно, товарищ полковник, – устало кивнул Евсиков. – На касках у них, правда, еще чехлы были натянуты, тоже пятнистые. С ремешками специальными, чтобы ветки или листья можно было закрепить для маскировки.

– А обувь? Ботинки или сапоги?

Сержант на несколько секунд задумался, морща лоб и припоминая:

– Вроде бы сапоги... да, точно, сапоги, но не у всех! У троих или четверых ботинки были.

– Описать можете?

– Да чего их описывать, обычные ботинки, – удивился разведчик. – Ну, может, немного повыше, чем наши.

– Шнурковка спереди?

– Где ж ей еще быть? – Сержант удивился еще больше, тут же понимающе хмыкнул:

– А, понял, товарищ полковник, о чем вы. Нет, не прыжковые то были ботинки. Хоть их нам только на картинке и показывали, но я б не ошибся, коль вживую увидал. Обычные, точно. И экипировка на ту, что парашютисты пользуют, тоже не похожа. Да и автоматы только у троих были, остальные с карабинами шли. А с карабином с самолета сигать как-то неудобно...

– Благодарю за наблюдательность, товарищ сержант, – кивнул Кобрин, не став уточнять, что гитлеровские парашютисты, как правило, десантируются без оружия, которое сбрасывается отдельно, в специальных контейнерах. – Добро, с этим понятно. Что про пленного рассказать можете?

Красноармеец помедлил, собираясь с мыслями:

– Да ничего особенного, пожалуй. Обмундирован и вооружен, как и остальные. Планшетки при нем не имелось, званием не вышел. Личных документов – тоже. Он большую часть дороги вовсе молчал, поскольку сильно раненый был. Так, стонал изредка, бормотал что-то по-своему, но не разберешь, что именно. А после так и вовсе замолчал, поскольку помер.

– Тарщ сержант... разрешите обратиться... к товарищу... полковнику... – делая между словами заметные паузы, внезапно произнес Сидоров, не проронивший до того ни слова.

– Разрешаю, – кивнул Евсиков.

– Товарищ полковник... он... ну, раненый этот... не немец он.

– Не немец? – Теперь настало время удивляться уже Кобрину. – А кто?

– Думаю... из Прибалтики он родом... возможно, литовец... точнее не скажу...

– Уверен? Настолько хорошо знаешь их язык?

– Никак нет... языка не знаю... так, несколько слов. Просто работал... до войны на заводе... с парнем... из Литвы... дружили с ним. Валдисом зовут... Так что... узнать сумею... на немецкий... не похож. Я пленного... тащить помогал... когда к реке шли... потому и расслышал...

– И что он говорил? Хоть что-то разобрал?

– Почти ничего... Сначала вроде мать звал... или не мать, не знаю... потом ругался... еще имя женское называл... какое, не запомнил... все...

– Молодец, боец! – искренне сообщил Кобрин. – Ты даже сам не знаешь, какой ты молодец! Больше никто ничего добавить не хочет?

Сержант на миг замер, словно решая, стоит ли говорить, и это не укрылось от внимания Кобрина:

– Что такое, Евсиков? Вспомнили что-то? Ну, не стесняйтесь. Докладывайте, слушаю!

– Виноват, товарищ полковник, позабыл сообщить товарищу майору, когда докладывал. – Разведчик выглядел смущенным. – Совсем из головы вылетело, сильно рука болела, да ишибко быстро все произошло. Не вспомнил вовремя, виноват...

– Да не тяни ты резину, сержант! – рявкнул комдив, теряя терпение. – Ну, так что ты там вспомнил-то?

– Мы, когда с немцами в рукопашной сошлись, один по-нашему выматерился. Ну, когда Колька его в нож взял, он и заорал – от боли, видать. По-русски, в смысле, заорал. Предатель, видать, перебежчик какой.

– По-русски, значит? – задумчиво протянул Сергей. – Очень хорошо. Замечательно даже. Что-то еще?

– Никак нет.

– Благодарю за службу, бойцы. Как с фашистом разберемся, представлю всю группу к правительенным наградам, и живых, и... героически павших. А пока выздоравливайте. Война не сегодня и не завтра окончится, так что повоюете еще. Товарищ майор, прошу за мной.

Поднявшись с табурета, Сергей быстрым шагом покинул помещение. Пока спускались с крыльца и шли к машине, комбат молчал, затем не выдержал:

– Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Хочешь узнать, почему я его молодцом назвал? И все такое прочее?

Отвечу. Собственно, ты и раньше хотел об этом спросить. По имеющимся у меня данным, в районе действуют диверсанты полка «Бранденбург-800». А именно восьмая рота второго батальона, командир – обер-лейтенант Граберт. Состав роты смешанный: фрицы часто так делают, комплектуя свои диверсионные подразделения не только чистокровными немцами, но и местными националистами или, к примеру, белоэмигрантами и их потомками, знающими язык той местности, где предстоит вести боевые действия. Так было при вторжении во Францию и перед кампанией на Балканах. Ну и, разумеется, во время нападения на Советский Союз.

Например, первый батальон, действующий в полосе наступления группы армий «Юг», частично укомплектован украинцами, а третий – группа «Центр» – белорусами и поляками. Ну и русскими, разумеется, например, бывшими белогвардейцами или их потомками. А у нас тут, как я уже упоминал, действует второй батальон, в составе которого есть остатки немцы и прибалты, в частности как раз выходцы из Литвы. Твои разведчики, как я понимаю, с их предварительной пешей разведкой столкнулись. А вот те, что на мост пойдут, уже наверняка в нашей форме и с нашим оружием будут.

– Не знал, – пробормотал разведчик, бросая на комдива более чем задумчивые взгляды. – Но откуда...

– Вот когда до командира дивизии дослужишься, тогда и у тебя будут свои источники информации, – усмехнулся Сергей, садясь на заднее сиденье «эмки». – Поехали, время.

– Значит, никогда, – поддержал шутку комбат, усаживаясь рядом. – Поскольку в штате Красной Армии разведывательные дивизии не предусмотрены. Товарищ полковник, а то, что вы про захват моста говорили, – тоже из ваших источников?

– Тоже, – не стал вдаваться в ненужные подробности Кобрин. Да и что он сможет объяснить? – Плюс элементарная логика. Пояснить?

– Если можно.

– Вот сам рассуди, майор: в районе, где расположен стратегически важный мост, обнаружены диверсанты противника. Что это означает? Если отбросить все маловероятные варианты, останется только одно – они должны его захватить. Целехоньким, иначе просто смысла нет.

– А про трофейную технику откуда?

– Да примерно оттуда же, – хмыкнул комдив. – Меня ведь как учили: хочешь просчитать действия противника, прикинь, как бы сам поступил в этой ситуации. Потому я, командуй диверсантами, сделал бы именно так: взял бы что-то узнаваемое издалека, бронеавтомобиль, грузовик или танк,

поставил снаружи на подножку того, кто по-русски отлично шпарит, и вперед. Крича при подъезде к мосту нечто вроде: «тревога, срочно мне командира позовите, да где ж он, мать вашу, так ее перетак, вы что, не видите, что я спешу» – ну, и так далее. Согласись, отвлекает внимание? Но танк неудобен, шумит сильно и едет медленно, да и обзор из него никакой, потому броневик или грузовая машина лучше. Да и не ездят танки поодиночке, сразу подозрение вызовет. Танки я бы подогнал к мосту чуть позже, для окончательного захвата плацдарма. Минут через семь-восемь от начала боестолкновения.

– Почему?

– Раньше опасно, слишком большая колонна гарантированно насторожит охрану. Но и тянуть дальше десяти-пятнадцати минут нельзя: за это время диверсантов, как бы профессионально они ни были подготовлены, могут просто перебить. Логично?

Гареев осторожно кивнул, обдумывая услышанное:

– Так точно, товарищ полковник, логично.

– Теперь дальше: бронеавтомобиль, конечно, хорошо, особенно пушечный. Башенная сорокапятка против ДЗОТа или пулеметного гнезда – самое то. Даже для долговременных укреплений опасен, если прямиком в амбразуру осколочным засадит. Но сколько в него людей влезет? Троє, максимум четверо. Маловато. А для захвата моста нужно хотя бы пару десятков, а лучше целый взвод. Не пешком же им следом идти? Значит, необходим транспорт. Грузовой автомобиль удобнее всего, особого внимания не привлекает. Зато в кузове, особенно тентованном, можно легко отделение бойцов в полной выкладке разместить, а то и больше. Потому грузовик или парочка даже удобней, чем бронемашина. А пулеметы при должной сноровке можно и гранатами подавить. Ну, тоже логично?

– Вполне. – По выражению лица комбата Сергей не мог понять, насколько его удовлетворило объяснение, но выглядел тот весьма задумчивым. – Вы, товарищ комдив, так рассказываете, словно наперед знаете, что немец предпримет. Разрешите последний вопрос?

Дождавшись кивка, спросил:

– Товарищ полковник, а почему вы диверсантов «паршивыми» назвали?

– Не «паршивыми», а «паршами», Рустам. Это сокращение такое разговорное, просто ты его раньше не слышал. Первые буквы от слова парашютист. Ну, или другой вариант – «парашютист-шпион». Понятно?

– Так точно, теперь понятно.

– Вот и ладно. Все, помчали в штаб...

Глава 5

Мост через р. Лугу, 12 августа 1941 года, 7:22

Неожиданный звонок из штаба дивизии начальника гарнизона «Ивановское» 6-й роты 51-го полка войск НКВД лейтенанта Павла Величева^[10] особенно не удивил. После того как пару часов назад у моста появились двое раненых разведчиков, которых он немедленно отправил в расположение сто девяносто первой, чего-то подобного стоило ожидать. Не было никаких сомнений, что с боем оторвавшиеся от преследования бойцы несли какие-то важные сведения. Немецкого нападения ожидали буквально со дня на день, чему уж тут удивляться? Правда, согласно данным вчерашней авиаразведки серьезных сил противника поблизости не имелось на расстоянии как минимум одного-двух дневных переходов, но мало ли. Могли и по темноте силы подтянуть. Вон, кто еще в июне думал, что фашисты аж до Смоленска дойдут да на подступах к городу имени самого товарища Ленина окажутся?

Так что с этим все как раз в порядке. Удивил Величева сам тон приказа, подписанного лично комдивом. Создавалось впечатление, что полковник Лукьянин не предполагает, а УВЕРЕН в нападении на переправу именно сегодняшним утром, в самые ближайшие часы! Да еще и с такими подробностями, как использование противником трофейной советской автобронетехники и оружия и знание русского языка! Интересно, что ж такого эти едва стоящие на ногах разведчики (из-за чего пришлось погрузить их на имевшуюся в распоряжении подводу, выделив сопровождающего) разузнали?

Но больше всего смущило лейтенанта то, что комдив в категорической форме приказал никого не подпускать к мосту, при неповиновении стреляя без предупреждения. А если это не немцы окажутся, а наши? Как тогда поступить? И как их различить, коль враг тоже в нашей форме будет? Еще и указание уничтожить мост в случае крайней необходимости... И чем его уничтожать, спрашивается, ручными гранатами, что ли? Или прикладами разбивать, под вражеским огнем? Так не получится, ага, здоровый шибко. Сто семьдесят метров длины, двенадцать ширины, многослойный деревянный настил на стальной основе, три бетонных опорных «быка», четыре пролета. Должны были заминировать, должны. Вместе с дамбой, находящейся в устье небольшой речушки Городенки неподалеку от

Ивановского. Вчера еще. Вот только минеры до Луги так и не доехали, отчего – ему не ведомо. Может, на дамбе задержались, может, еще почему. Обещали сегодня, но будет ли у него это самое «сегодня», коль немцы и на самом деле близко?

Он, конечно, сделал все, что мог, расставив вдоль переправы бочки с бензином, но удастся ли этим поджечь мост? Чтобы горючее с гарантией полыхнуло, нужно по емкостям трассирующими лупить. А и попадут – сильно ли оно гореть станет, сквозь пробоины струйками выливаясь? Чтобы хорошо да на большой площади занялось, бочки желательно еще и перевернуть, позволив бензину разлиться по настилу. Может, послать бойцов, чтобы к каждой по парочке гранат проволокой примотали? Кстати, неплохая идея – чего другого, а этого добра у них достаточно, даже ящик противотанковых РПГ-40 в наличии имеется. Да и чего похитрее измыслить можно. Тем более опыт установки минных заграждений из подручных средств имеется: полтора года назад 51-й полк участвовал в зимней войне, а финны были большими спецами устраивать именно нестандартные минные ловушки. Обнаруживать и снимать которые приходилось нашим бойцам, многие из которых и сейчас в его гарнизоне служат.

Проверив посты и секреты на западном берегу, Величев, поддернув на плече автоматный ремень, неторопливо двинулся через мост. Подошвы сапог глухо постукивали по потемневшим от въевшейся грязи, пахнущим креозотом доскам. От расставленных по обеим сторонам – так, чтобы между ними смогла беспрепятственно проехать автомашина – бочек едва заметно тянуло бензином. Под ногами несла холодные даже по летнему времени воды Луга, последняя серьезная водная преграда на пути к великому городу, колыбели трех русских революций. Вот именно что последняя, поскольку впереди только небольшие речушки, форсировать которые для немцев вовсе не проблема. Так что мост немцу, понятное дело, отдавать никак нельзя. Иначе откроют фашистам прямую дорогу...

Лейтенант зло скривился: вот что за пораженческие мысли в голову лезут? С чего бы вдруг? С какого, спрашивается, перепугу им сдавать переправу, если в паре километров целая стрелковая дивизия стоит? Да еще и с танками в придачу, если вчерашние слухи не врут. И вообще, его дело – мост от диверсантов защитить, на тот берег не пропустив. А дальше уж пускай товарищ полковник сам решает, как поступить: ему всяко виднее. Тем более знает он определенно поболее, чем простой начальник гарнизона. Так что сомнения побоку, сейчас пройдется по позициям и отправит нескольких бойцов поопытнее заминировать бочки. Так, чтобы

они взорвались, допустим, при прохождении по мосту автомашины противника. А он тем временем созвонится со штабом, узнает, есть ли что новое.

Спускаясь с моста, Павел бросил мимолетный взгляд на светло-серое рассветное небо, уже окончательно растерявшее ночную глубину. Где-то в недалеком лесу, скрытом окутавшим берега туманом, звонко зацвиналькала утренняя птаха, которой немедленно ответили другая, третья. Подсвеченное розовым светом поднимающегося над горизонтом солнца невесомое облачко показалось над темными верхушками деревьев. Всего одно – значит, новый день будет жарким. Вот и утро. Утро – это хорошо, утром противника издалека видно, труднее незамеченным подобраться. Впрочем, если товарищ полковник не ошибся, как раз незамеченным-то онный противник подбирается и не собирается – скорее наоборот. Внаглуя попрут, под своих маскируясь. Да и откуда им знать, что здесь их уже ждут?

Лейтенант почти добрался до первого ДЗОТа, из амбразуры которого настороженно выглядывал раструб ДП, когда за рекой раздался приглушенный расстоянием, негромкий гул нескольких автомобильных моторов. Резко, словно наткнувшись на невидимую стену, остановившись, Величев обернулся. Глухо выругавшись под нос – ведущая к Поречью дорога была ниже уровня настила, – взбежал по ведущему на мост подъему, вытащил из футляра и поднес к лицу бинокль. Примерно метрах в трехстах от реки неспешно пылил, расталкивая капотом невесомые клочья тающего на глазах тумана, угловатый БА-10. Следом, выдерживая небольшую, метров в пятнадцать, дистанцию, двигался тентованный грузовик, марку которого с такого расстояния разглядеть было сложно. Возможно, обычная полуторка, а может, и трехтонный «захар». Никаких сомнений – и броневик, и автомашина однозначно советские, спутать никак невозможно. Особенно бронеавтомобиль с его характерной башней, практически в точности такой же, как на легких танках.

Обостренное опасностью сознание автоматически отметило мелкие детали. Из башенного люка торчит, придерживаясь за откинутую крышку, человек в танкошлеме и пылезащитных очках. Интересно, зачем? Броневик едет первым, какая уж тут пыль? Да и скорость невелика, километров тридцать в час. Что еще? Машина определенно радиофицирована, над корпусом покачивается длинный хлыст антенны. Бронезаслонки радиатора закрыты по-боевому, как и лючок мехвода. Для чего, спрашивается? Вроде не зима на дворе, мотору воздух нужен, да и боя вокруг не наблюдается. Пока, по крайней мере. Случайность, забывчивость шоfera? Или специально сделано? Как знать...

Величеву, несмотря на тянущую от реки сырую прохладу, мигом стало жарко. Настолько, что даже ладони вспотели. Они – не они?! Диверсанты, о которых предупреждал комдив? Или наши, по неведомой надобности едущие через переправу в сторону Поречья-Ивановского? И бочки заминировать не успели! Хорошо хоть бойцов на той стороне предупредил: не должны напортачить, никак не должны. Другой вопрос, справлятся ли? А самое главное, как ему поступить?

«Да так, как приказано было! – зло мелькнуло в сознании. – Ни на сам мост, ни к нему никого не подпускать до получения нового распоряжения, вот как!»

Добежав до ближайшего ДЗОТа, Павел отпихнул встревоженного поведением командира красноармейца, выскочившего ему навстречу, и кинулся к полевому телефону. Прокрутив несколько раз рукоятку, выкрикнул в трубку:

– Здесь первый. Колонну видите?

– Так точно, – немедленно отзвались с той стороны моста.

– Если не остановятся перед шлагбаумом, немедленно открывать огонь на поражение! Если остановятся – послать бойца, развернуть обратно. На все вопросы отвечать: приказ командира дивизии, проезд через мост запрещен. Не подчинятся или станут спорить – также стрелять на поражение. Я сейчас буду.

– Но...

– Забыл, о чем нас предупреждали? Выполнять приказ! Боевая тревога!

Обернувшись к застывшему статуей красноармейцу с двумя треугольниками на петлицах, рявкнул:

– Старшину Галкина с отделением бойцов ко мне, мухой! Взять с собой гранаты и пулемет с боекомплектом. Противотанковые тоже! Минута на все, выполнять!

Выйдя из огневой точки вслед за сержантом, Величев хотел было подняться на мост и еще раз осмотреться, но решил не привлекать лишнего внимания. Пусть «гости», кем бы они ни оказались в конечном итоге, пока считают, что их появление не вызвало никакого ажиотажа. Ну а дальше? Если окажутся диверсантами – будет бой. Если своими – так это вовсе не отменяет полученного приказа.

Поколебавшись, Павел вытащил ракетницу и вложил в казенник патрон одиночного красного огня. Может, прямо сейчас и пальнуть? В конце концов, ситуация практически один в один, как та, про которую доводилось в приказе. Хотя нет, обождет пока. Сигнал подать он всегда

успеет, до Ивановского всего-то пару километров, никак не прошляпят.

За спиной забухали по земле подошвы подбегающих красноармейцев, чуть запыхавшийся голос старшины пробасил:

– Тарщ командир, прибыл согласно вашему распоряжению.

Бывший пограничник обернулся, взглянул в спокойное лицо старшины, оглядел десятерых бойцов. Все при оружии, у троих, включая Галкина, автоматы, у остальных винтовки. На поясах – гранатные подсумки. Через плечо пулеметчика переброшена брезентовая сумка с двумя запасными дисками. Несколько раз с силой сжал и разжал кулак левой руки (правая была занята сигнальным пистолетом), успокаивая нервы:

– Товарищи бойцы, приказ комдива все слышали. Довожу обстановку: к охраняемому объекту приближается колонна в составе пушечного броневика БА-10 и грузовой автомашины. Предполагаю, это и есть наш противник. Слушай боевой приказ: восьмерым скрытно занять оборону вдоль моста, по обеим его сторонам. Идти вдоль перил, на видном месте не маячить. Огневые позиции расположить за несущими конструкциями, бочки с горючим подготовить к подрыву при помощи ручных гранат. Пулемет установить в районе третьего пролета, вон там, за балкой. В случае прорыва врага на мост бочки взорвать, самим отступить на берег, занять оборону и оказывать огневое сопротивление до подхода подкрепления. Старшина и вы двое – со мной. Вопросы?

– Никак нет, – нестройно отрапортовали красноармейцы, похоже, порядком удивленные как полученным приказом, так и всем происходящим.

– Выполнять. Василий, идешь рядом со мной, бойцы следом. Держимся спокойно, открыто, не дергаемся, не спешим. Пусть думают: просто проверяют посты. Сейчас главное, не спугнуть раньше времени. Вперед!

– Товарищ лейтенант, думаете, они? – Старшина поддернул на плече автомат и пристроился слева от командира, чтобы не мешать его рабочей руке. Карманы галифе Галкина подозрительно оттопыривались при каждом шаге – похоже, опытный вояка, помимо штатных подсумков под РГД-33, еще и несколько «эфок» с собой прихватил. Три как минимум. И ведь знает, зараза, что не положено, что опасно – но не спорить же с ним, особенно сейчас?

– Вот скоро и узнаем...

* * *

Лейтенант Карл Реннер сдвинул на лоб защитные очки, отчего-то называемые русскими «*konsyervi*», оглядел в бинокль арочную громаду приближающегося с каждой минутой моста. Привлечь к себе внимание он не боялся: мало ли отчего командир *советской* бронемашины решил воспользоваться оптикой? Раннее утро, туман – вдруг заметит то, чего не разглядит со своего места водитель, сидящий куда ниже? Воронку от авиабомбы или поваленное поперек дороги дерево, к примеру? Вроде бы все спокойно, никаких признаков тревоги или нежелательной активности охраны переправы. Прекрасно! Все идет, как планировалось, их определенно не ждут и к их появлению не готовятся. Значит, уничтоженной практически в полном составе группе обер-ефрейтора Кунца все-таки удалось перебить русских разведчиков, прежде чем те успели сообщить своим. Вот и хорошо, а то в первый момент, получив тревожное радиосообщение, обер-лейтенант Грабер некоторое время колебался, не внести ли в первоначальный план изменения.

С другой стороны, какие уж тут изменения, если время расписано едва ли не по минутам? Плохо, конечно, что они так и не получили подробной схемы обороны моста, да и с тыла их уже не поддержат, пойди что не так, ну да ничего. Справятся, не впервой. Да и не поняли бы русские ничего, даже вернись кто из разведчиков живым – зря, что ли, группа шла именно в *немецкой* форме? Наверняка решили бы, что столкнулись с обычной разведгруппой, что вполне логично. Как будто их командиры не знают, что 6-я танковая дивизия уже почти на подходе! Какая тут может быть связь с едущим на ту сторону Луги одиноким бронетранспортером и следующим за ним грузовиком? Кунца с его парнями, разумеется, жаль, но что поделать – война... Все они прекрасно знали, что подобное рано или поздно может произойти с любым из них. С кем-то раньше, с кем-то позже. *Das Schicksal...* [11]

Спрятав бинокль, лейтенант легонько пихнул коленом унтер-офицера Пурвина, для которого русский был родным языком. Когда подъедут к переправе, именно ему предстоит первым завести разговор с караульным, попросив срочно позвать командира. И дальше действовать по обстановке, в зависимости от реакции противника. Вторым, кто отлично знал варварское наречие, был ефрейтор Шлау, едущий в грузовике. Русским по крови он не был, но долгое время жил на территории Российской империи. И экипаж броневика, и ефрейтор с шофером были одеты в русскую

военную форму, кроме них еще трое находящихся в кузове бойцов – так, на всякий случай. Впрочем, когда начнется атака, это уже не будет иметь никакого значения. А после того как к реке подойдут танки во главе с обер-лейтенантом и мотопехота – и подавно...

– Вылезай наружу, подъезжаем.

– Слушаюсь, Herr Lieutenant. – Унтер поправил на голове шлемофон и завозился с запором бортовой бронедверцы. Выбравшись на наружную подножку, он выпрямился во весь рост, приготовившись отыграть свою роль в расписанном по секундам смертоносном спектакле. Он был настолько спокоен и собран, что Реннер, глядя на него, лишь криво ухмыльнулся: да, нечего и волноваться, враг ничего не подозревает, так что все пройдет, словно по нотам. Как было совсем недавно в Даугавпилсе, а до того – в Бресте, где его камрады из двенадцатой роты отработали на отлично, славно порезвившись в тылу противника, который, скорее всего, так ничего и не понял. Пурвин – отличный солдат, надежный, неглупый и исполнительный, даже странно, что чистокровный русский. Порой немного раздражает его зашкаливающая ненависть к «большевикам» и «комиссарам», как он до сих пор называет былых соотечественников, но это ничего, главное, чтобы в бою не мешало.

– Смотри не свались под колеса, – пошутил лейтенант, вызвав на лице подчиненного ироничную усмешку. – Помнишь, что делать, если они не согласятся открыть шлагбаум или начнут угрожать оружием?

– Разумеется. – Сын белогвардейского офицера, два десятилетия назад бежавший из захваченного красными Крыма, коротко пожал плечами. – Не волнуйтесь, отработаем, как часы. И я, и мои парни. Без стрельбы, конечно, не обойдется – большевиков тут многовато, но на нашей стороне фактор неожиданности. Главное – прорваться на ту сторону. И пушка нам в этом поможет. Повезло, что удалось захватить этот броневик.

Кивнув вместо ответа, Карл опустил на лицо очки и выпрямился в люке, готовясь к работе. По коже привычно пробежала короткая возбужденная дрожь; как и всегда перед началом атаки, на миг бросило в озноб. Еще несколько минут, и его разум и тело заживут в неком особом ритме. И из обычного человека он превратится в настоящую боевую машину, достойного наследника легендарных берсеркеров древности...

Бронеавтомобиль плавно притормозил в нескольких метрах от преграждавшего подъезд к мосту шлагбаума. Не слишком серьезное препятствие, которое можно сбить одним ударом бампера. А вот обехать по обочине не выйдет, помешают врытые бревна, густо опутанные колючей

проводкой. Станешь таранить – наверняка застрянем и пробьешь скаты, после чего попадешь под перекрестный пулеметный огонь. Пулеметы – вон они, торчат из бойниц расположенных по обе стороны дороги ДЗОТов, похожих на пару невысоких холмиков, замаскированных дерном и ветками с успевшей пожухнуть листвой. Довольно грамотно, нужно признать. Снаружи, как ни странно, никого не видно, что необычно. Хотя, по логике вещей, завидев подъехавший броневик, караульный должен был двинуться навстречу.

Призывно помахав рукой в сторону ближайшей огневой точки, Пурвин громко прокричал:

– Эй, бойцы, спите, что ли? Командира вашего зовите, да пошустрее! Дело у нас к нему, важное! Немцы в наступление перешли, скоро тут будут!

В десятке метров позади пискнул тормозами, останавливаясь, грузовик. Из кабины выпрыгнул ефрейтор Шлау с трофеем автоматом в руках. Дверцу он при этом, словно случайно, не прикрыл, готовый, возникни такая необходимость, мгновенно вернуться обратно.

С трудом переведя сказанное, лейтенант удивленно хмыкнул. Русский язык Реннер более-менее понимал, но вот говорить на варварском наречии практически не мог, так, буквально пару слов. Фраза про начавшееся наступление была чистой импровизацией унтера, ничего подобного они заранее не обговаривали. Впрочем, ему виднее: сейчас главное заставить их высунуться, на несколько секунд потерять бдительность, отвлечься.

– С чего бы нам спать-то, давно уж проснулись, – прокричал в ответ неожиданно появившийся на мосту офицер, за спиной которого маячило еще трое бойцов. Одновременно со стороны левого ДЗОТа показался караульный с винтовкой в руках.

«Засада? Нас ждут?» – мелькнуло в голове лейтенанта. Однако уже в следующее мгновение Карл расслабился: да нет, глупости. Не может быть. Okажись это засадой, русские открыли бы огонь сразу – к чему тратить время на разговоры? Вероятно, просто не повезло попасть на смену караула. Тем лучше – одним вражеским командиром, жить которому остались считанные секунды, меньше...

– Начальник гарнизона лейтенант Величев. Подойдите и представьтесь, – командным тоном продолжил меж тем советский офицер, останавливаясь неподалеку от шлагбаума. Его автомат так и остался висеть на плече. Значит, русский ничего не подозревает. А что попросил представиться – так это нормально. Сопровождающие командира красноармейцы остались в пяти метрах за его спиной, разойдясь по сторонам от дороги.

Пурвин на миг растерялся, судорожно решая, как именно поступить. Но только на миг:

– Слушаюсь, товарищ лейтенант.

И, спрыгивая с подножки на землю, негромко добавил по-немецки:

– Гэрр лейтенант, когда начну – вперед. Главное – подавить огневые точки и проскочить мост. Мы подчистим здесь.

– Gut. Arbeit^[12].

Спустившись в башню, Реннер отрывисто бросил:

– Внимание, начинаем. Заряжай осколочным, будь готов быстро развернуть башню. Цель – левая пулеметная точка, затем рывок к мосту, короткая остановка и выстрел по правой. Нужно попасть с первого раза, максимум со второго. Затем проходим по переправе и работаем на том берегу.

К шлагбауму унтер подошел одновременно с русским командиром. Оружие, в точности такой же, как у противника, пистолет-пулемет Дегтярева, он держал за шейку приклада стволом вниз. Это не должно было вызвать особых подозрений – внутри тесного боевого отделения особенно не развернешься. Когда подойдет вплотную, сделает вид, что забрасывает автомат на плечо, что даст ему еще несколько лишних мгновений. А затем начнется боевая работа...

– Представьтесь и предъявите документы, – хмуро буркнул Павел.

– Да какие тут документы, лейтенант?! – «возмутился» диверсант, напрягаясь для броска. – Разве не слыхал: немцы у нас на хвосте, насилиу оторвались! Мне в дивизию нужно, срочно! Предупредить, чтобы готовились!

В какой-то мере унтер-офицер Влад Пурвин и на самом деле не врал. Согласно плану операции несколько легких танков Kampfgruppe Raus вместе с незадействованными в штурме моста диверсантами оберлейтенанта Граберта и на самом деле находились всего в пяти с небольшим километрах от реки. После захвата переправы они должны были удержать позиции до подхода основных сил группы.

– Предупредить – это надо, тут ты прав, – кивнул Величев, принимая окончательное решение. Прав комдив, не наши это. – Сейчас сделаем...

И, отступив на шаг, вскинул руку с сигнальным пистолетом.

Хлопок, резкий свист стартовавшей ракеты – и над рекой повисла рукотворная рубиновая звездочка, видимая за несколько километров. Отбросив ненужный более ОСП-30^[13], Павел рывком ушел в сторону, одновременно вскидывая автомат.

Глава 6

Мост через р. Лугу, 12 августа 1941 года

— Alarm! — заорал Влад, делая то же самое. Автомат Пурвина протарахтел неприцельной очередью, пули взрыли утрамбованное дорожное полотно в том месте, где мгновение назад находился проклятый большевик. Бронеавтомобиль рывком тронулся с места, снес шлагбаум и рванулся вперед, к мосту. Загрохотал курсовой пулемет, отбросив в сторону замешкавшегося караульного, башня начала поворачиваться влево, в сторону одного из ДЗОТов. И это оказалось последним, что успел осознать немецкий диверсант русского происхождения. Гулко баxнула СВТ одного из сопровождавших Величева красноармейцев, и унтер ничком рухнул на некогда родную для его предков землю. Впрочем, у предателей не бывает родной земли. Сбитый ударом тяжелой винтовочной пули шлемофон сполз набок, прикрыв обезображенное лицо Пурвина.

Очередь Величева простучала, сдирая краску и визжа рикошетами, по борту броневика, несколько пуль угодили в задний скат, от которого полетели клочья резины. К сожалению, его командир, до того маячивший в люке, успел спуститься в башню за несколько секунд до начала боя и достать его не удалось. Да и ходовых качеств он, увы, не утратил — шина была заполнена эластичным гусматиком, неуязвимым для пуль и осколков. Укрывшись в неглубоком кювете, лейтенант, подавая пример своим бойцам, сосредоточил огонь на грузовике, тронувшемся с места вслед за БА. Пули двух автоматов и винтовок дырявили кабину, рвали пыльный брезент тента, выбивали щепу из бортов. Стоящий возле кабины диверсант попытался нырнуть обратно, едва только машина начала движение, но не успел. Нелепо взмахнув руками и выронив ППД, он упал возле колес, одно из которых прокатилось по его сапогу. Впрочем, ему уже было все равно. Убитый водитель завалился набок, выкручивая руль, и трехтонный ЗИС съехал с дороги и замер, накренившись и подмяв капотом проволочное заграждение. Из прошитого пулями кузова посыпались диверсанты, грамотно рассредоточиваясь по обе стороны от дороги и с ходу вступая в бой.

Заполошно загрохотали оба пулемета, судорожными вспышками высветив раструбы сколоченных из толстых досок амбразур; осветились огоньками одиночных выстрелов окопы — загодя занявший укрытия

гарнизон вступил в бой. Очереди прошлись, высекая искры и разбрасывая капли расплавившегося свинца, по броневику, прошли насквозь несчастный грузовик, подняли над обочинами строчки пыльных фонтанчиков. С негромкими хлопками лопнули простреленные скаты, и машина тяжело просела; секунду спустя трассирующая пуля угодила в полупустой бензобак, и автомобиль превратился в чадный дымный факел.

Выстрелило башенное орудие, но фашистский наводчик то ли в спешке, то ли плохо зная прицел трофейной пушки, промазал. Осколочно-фугасный снаряд рванул, выбросив фонтан земли, в метре от амбразуры, не причинив пулеметчикам особого ущерба. Второй выстрел – на этот раз, к сожалению, удачный. Короткая вспышка, взрыв, выметнувшись из амбразур клубы сизого дыма и мелких обломков – и пулемет левого ДЗОТа замолчал. Броневик снова набрал скорость, башня начала разворачиваться вправо. Остановка.

В нескольких метрах от бронемашины приподнялся один из бойцов старшины Галкина, с видимым усилием метнув под днище увесистую «консерву» противотанковой гранаты. И тут же рухнул, сраженный сразу несколькими пулями. Пятитонный броневик судорожно дернулся, подброшенный взрывом семисот граммов тротила. Взорвавшаяся позади переднего колеса РПГ-40 разворотила передний мост, почти оторвав колесо и повредив двигатель. Но основная часть ударной волны пошла, отразившись от грунта, вверх, в небронированное днище. Сидевший внизу механик-водитель погиб мгновенно; лейтенанта Реннера и выполнявшего роль наводчика ефрейтора Курца спас неплотно прикрытый башенный люк. Боевое отделение быстро заполнялось дымом. Удушливо пахло бензином, льющимся из верхнего, расположенного под крышей корпуса бака^[14]. Чудом не потерявший сознание от мощнейшего акустического удара Карл, осознав, что именно означает этот резкий химический запах, судорожно пытался нащупать запор бортовой дверцы, поскольку лезть через верхний люк было смертельно опасно. Оглохший и полуослепший от дыма ефрейтор пытался помочь командиру, но больше мешал. Наконец, общими стараниями удалось распахнуть прямоугольную железяку по левому борту – бронедверцу со стороны взрыва заклинило намертво.

Лейтенант боком вывалился наружу и из последних сил пополз прочь от броневика, подволакивая ногу, которую он отчего-то перестал чувствовать. Пропитавшийся бензином на спине комбинезон неприятно лип к телу. Курц последовал за командиром, но неожиданно несколько раз дернулся от ударов попавших в него пуль и повис вниз головой на порожке боевого отделения. Спутанные русые волосы касались дорожной пыли,

покрытой копотью. К тому моменту, когда полыхнул бензин, он был уже мертв. Рванувшееся из бронемашины ревущее пламя накрыло и отползшего на пару метров Реннера, мгновенно превратив его в огненный факел. Последним, что он осознал перед смертью кроме чудовищной всепоглощающей боли, заполнившей все его существо, был русский старшина, из сострадания добивший его короткой очередью. Спустя полминуты рванули унитары в боекладке, развалив корпус по швам и своротив с погона башню...

Несмотря на то, что захватить переправу с ходу не удалось, отступать «бранденбурги» вовсе не собирались, и бой продолжался. Полтора десятка диверсантов, грамотно используя складки местности и естественные укрытия, закрепились, связывая гарнизон огнем. Особенно досаждали пулеметы, с первых секунд бьющие по траншеям и не позволяющие занявшим траншеи бойцам Величева вести прицельный огонь. Уцелевший ДЗОТ после уничтожения второй огневой точки ничем особо помочь не мог: несмотря на загодя пристрелянный сектор, оставалось множество мест, позволяющих диверсантам подобраться к нему на бросок гранаты. Пока немцам это не удавалось, но только пока.

Лейтенант догадывался, чего добивается противник: дождаться подхода основных сил, разумеется! Когда к Луге подойдут немецкие танки, остановить их собственными силами вряд ли удастся. Это броневик получилось уничтожить первой же гранатой, а когда в атаку пойдут сразу несколько боевых машин, да при поддержке пехоты? Товарищ комдив упоминал в приказе, что поддержка группы захвата может включать до роты пехоты на бронетранспортерах и взвод танков. Придется отходить, постаравшись успеть поджечь мост, прежде чем фашисты доберутся до противоположного берега. С другой стороны, товарищ комдив твердо обещал, что помочь подоспеет быстро, значит, долго им тут воевать не придется. Его сигнал в Ивановском не могли не заметить, да и по телефону с той стороны моста уже должны были сообщить в дивизию о нападении.

Приподнявшись на локте, Величев дал короткую очередь из автомата, заставив залечь одного из гитлеровцев, решившего рывком сменить позицию. Немец торопливо плюхнулся на пузо и замер, прикидываясь мертвым, хоть лейтенант и видел, что не попал. Павел выстрелил еще раз, все-таки надеясь его достать. Снова мимо. В следующий миг вжиматься в землю пришлось уже ему самому: заметивший движение пулеметчик перенес огонь. Пули ударили, подкидывая невысокие фонтанчики глины и выдранный травы, буквально в полметре, едва не запорошив глаза. Одна из смертоносных пчел, видимо, отрикошетив от невидимого под дерном

камня, противно свистнула над самым плечом. Вот зараза, головы поднять не дает!

– Не высовывайтесь, тарщ лейтенант, я счас гранату кину, – прошипел подползший сзади Галкин. – Как рванет, так сразу и отползайте. Нужно до наших окопов добраться, торчим тут, как прыщ на заднице.

Перевалившись на бок, чтобы не попасть под пули, швырнул в направлении противника РГД-33. И еще одну следом, целя немного в сторону. Где-то совсем неподалеку – из подобного положения далеко гранату не бросишь – дважды бухнуло, оба раза с явным недолетом. Пора!

Съехав на животе в окоп, лейтенант дал поверх бруствера еще одну очередь, прикрывая старшину. Впрочем, помочь товарищу не понадобилась: Галкин уже спрыгнул на утоптанное подошвами дно рядом с ним. Несколько пуль запоздало ударили в насыпь, зло прожужжали над головой. Подмигнув командиру, старшина весело сообщил, шумно отдуваясь:

– Чуть не подстрелили, заразы меткие! Ну да ничего, я шустрый, первым успел, – и продемонстрировал рассеченный пулей рукав гимнастерки. – Жаль только форму попортило, зашивать теперь придется. Коль живым останусь.

Упершись спиной в стену траншеи, он деловито перезарядил автомат, переправил в опустевший поясной подсумок гранаты из карманов. Те самые, что лейтенант заметил, хоть и промолчал, пока шли через мост. Заметив быстрый взгляд командира, Галкин пожал плечами:

– Знаю, что не положено в карманах таскать, устав не велит. Так ведь пригодиться могут. Вона какая у нас война тут началась.

Прикинув, сколько у него осталось патронов, Величев тоже сменил диск – не хватало только, чтобы в самый острый момент боеприпасы закончились. Высунувшись из окопа, открыл огонь, стреляя скучими, экономными очередями. Пристроившийся в паре метров старшина поддержал командира. Вовремя: один из диверсантов, подобравшись метров на двадцать, как раз замахивался, собираясь метнуть гранату. Очередь лейтенанта пришлась поперек груди, и немец, судорожно дернувшись пару раз, опрокинулся на спину. Выпавшая из руки граната с длинной деревянной ручкой шлепнулась в траву рядом с ним.

Продолжая стрелять, лейтенант успел подумать, что та, видимо, оказалась неисправной, и в этот момент ухнул, подняв небольшое дымно-пыльное облачко, взрыв. Труп дернулся, приняв осколки, ударная волна сорвала с головы и отбросила в сторону каску. Ничего ж себе, секунд семь прошло, не меньше! Это что ж, замедлитель у них так долго горит, что ли?

Нужно будет запомнить, авось пригодится...

Хлопнув старшину по пыльному плечу – мол, приглядывай тут, – Величев, пригибаясь, пробежался вдоль траншеи, подбадривая бойцов. Пару раз пришлось перешагивать через ноги погибших – пока потери были невелики, но они... были. Он насчитал троих – и это при том, что их прикрывает ДЗОТ, пулемет которого лупит на расплав ствола, как говорится. А с той стороны дороги положение куда тяжелее. Пока мужики держатся, но если диверсанты подберутся к самым окопам да закидают гранатами, путь на противоположный берег окажется открыт. Одна надежда на тех восьмерых бойцов, что он на мосту разместил, в приказном порядке наказав до прорыва фашистов никак себя не демаскировать: броневика у немцев теперь не имеется, попадут под массированный ружейно-пулеметный огонь – залягут как миленькие. Конечно, один ДП долго всех не сдержит, но когда рванут бочки с бензином – мало никому не покажется.

Вот только они в этом случае останутся на западном берегу, поскольку отступать будет уже некуда, вплавь разве что.

– Тарщ лейтенант, вы б это, хоть каску надели, – внезапно обратился к нему один из красноармейцев, протягивая покрытый слоем белесой пыли шлем. Судя по всему, недавно принадлежавший кому-то из погибших. Секунду поколебавшись, Павел кивнул, надев протянутый ему СШ-40 – свой он оставил в блиндаже на той стороне, чтобы не всполошить противника раньше времени. А потом как-то не до того было. Так в фуражке и воевал, пока не потерял. То ли пулей сбило, то ли просто обронил – подобных подробностей сознание не сохранило.

Огонь немцев меж тем становился плотнее. Пули все чаще били в бруствер, разочарованно посистывали над самыми головами, не позволяя бойцам прицельно стрелять в ответ. Верный признак того, что собираются атаковать. Пока их еще удавалось удерживать на достаточном расстоянии, не позволяющем забросить в траншею гранату, но долго это продолжаться не могло. Что происходило на правом фланге, Величев не знал, но стрельба там была не менее интенсивной, да и гранаты рвались все чаще и чаще – и с той стороны, и с другой.

Стрелявший из самозарядной винтовки в паре метров от Величева красноармеец неожиданно сдавленно охнул, мешком осев по осыпающейся стенке окопа. Лейтенант автоматически подхватил выпавшее из рук оружие, наклонился, собираясь помочь... и выпрямился. Помогать было поздно. Ефрейтор Ляликов – обостренное боем сознание внезапно подсказало фамилию, хотя в спокойной обстановке Павел вряд ли

вспомнил, как его зовут, — был мертв, невидяще глядя на командира единственным уцелевшим глазом.

Шумно сглотнув, начальник гарнизона занял его место и несколькими выстрелами добил магазин СВТ, в котором оставалось еще пять патронов. Одна из пуль нашла свою цель, и пытающийся ползком сменить позицию диверсант дернулся всем телом, уткнувшись лицом в землю. Аккуратно прислонив самозарядку к стенке, лейтенант перебросил под руку автомат, но стрелять пока не стал, осторожно осматриваясь. Дальнейшие события произошли как-то очень и очень быстро: заметив боковым зрением движение, Павел дернулся в сторону опасности стволом, выжимая спуск. «Дегтярев» коротко протарахтел, плюясь кургузыми цилиндриками горячих гильз, и приподнявшийся для броска гранаты немец дернулся, падая ничком. Но чем-то схожая с колотушкой для приготовления картофельного пюре (Павел еще не знал, что фронтовые острословы именно так ее и прозвали — «колотушка») осколочная М24, описав пологую дугу, шлепнулась точнехонько лейтенанту под ноги.

Несколько мгновений Величев завороженно глядел на гранату, утолщенная ближе к боевой части и торцу рукоять которой курилась дымком горящего замедлителя. Оказавшийся ближе остальных красноармеец, глаза которого в доли секунды стали размером с пятикопеечные монеты, инстинктивно отшагнул назад, но запнулся и сел на задницу, рефлекторно зажмурившись и прикрывшись винтовкой. «Семь секунд» — сверкнуло в мозгу. И Павел, не до конца осознавая, что делает, обхватил рукоятку, выбрасывая гранату из траншеи. Прежде чем раздался гулкий хлопок взрыва, прошло еще никак не меньше трех-четырех секунд.

— Встать... — обратился Величев к бойцу, не узнав собственного голоса. Слова с трудом продирались сквозь внезапно ставшее шершавым, будто наждачная бумага, горло. — К... бою... трус! Огонь!

И, подавая пример, первым вскинул автомат. Но выстрелить не успел: в окоп уже прыгал, занося приклад карабина, немецкий диверсант. И еще один следом,ическими метрами дальше. Где-то по самому краешку сознания скользнула мысль, что все правильно, потому и гранату кидали, чтобы отвлечь или зачистить окоп. Гранатометчика он подстрелил, зато остальные добрались-таки до траншеи. На чистом автомате лейтенант отступил на полшага, принимая удар на корпус своего оружия и отводя замах в сторону. Затыльник немецкого приклада с тупым стуком врезался в бруствер, посыпалась глина. Сильно бьет, сволочь, едва руки не выкрутил! Упервшись спиной в неровно отесанную штыками лопат земляную стенку, отпихнул потерявшего долю секунды фашиста ногой. Выставив перед

собой ствол ППД, судорожно дернул спуск, боясь только одного – что после удара оружие заклинит. Не заклинило. Отброшенный пулями диверсант еще падал спиной вперед в проем окопа, когда его товарищ, мгновенно оценив обстановку, вскинул свой карабин. Выстрел, практически в упор, с трех с небольшим метров. Дзинь! Висок ожгла чем-то горячим, пробитая каска болезненно ударила по лбу, слетая под ноги. В лицо пахнуло кисловатым запахом сгоревшего пороха. Повезло, что ремешок под подбородком не успел затянуть. Но немец... промазал! С трех метров – и промазал! Ах так?! Н-на, получай...

Спусковой крючок послушно просел под пальцем, однако вместо выстрела боек лишь сухо щелкнул. Патроны закончиться не могли, никак не могли, всего-то пару-тройку очередей дал – значит, заклинило все-таки! Обидно-то как! Твою ж...

Немец, мгновенно уловивший суть происходящего, криво оскалился, передергивая затвор. И, не целясь, даванул на спуск, даже не вскидывая 98-К к плечу.

Бах!

Звук пришел отчего-то из-за спины. Да и пропевшую в полуเมตรе от головы пулю он тоже услышал.

Ба-бах! – «маузер» в руках диверсанта все же плюнул огнем, хоть сам он уже падал, нелепо запрокинув голову. Точно в переносице темнело совсем небольшое отверстие, которого еще долей мгновения назад там не было.

Павел оглянулся. Испугавшийся гранаты боец, которого он назвал трусом, чуть виновато улыбнулся, выпуская из рук винтовку. И уронил голову на грудь, пятная вылинявшее от частых стирок х/б кажущейся темной кровью, струящейся изо рта.

– Жив, командир? – Старшина, с разбегу перескочив через поверженных фашистов, быстро оглядел поле короткого боя. На миг остановив взгляд на том, которого подстрелил лейтенант, дернул стволом автомата. Короткая очередь в упор заставила тело несколько раз дернуться. – Ого, повоевали!

– Живой, – вяло кивнул Величев, дергая дрожащей рукой автоматный затвор. – Заклинило, понимаешь, в самый неподходящий момент...

– Это ничего, оно бывает. – Галкин взгляделся в его лицо внимательными, чуть прищуренными глазами. – Вы это, тарщ командир, присядьте-ка, – старшина легонько надавил ладонью на его плечо. – Вот так, хорошо. Передохните чутка. А я покудова автомат ваш гляну, патрон, поди, перекосило, известное дело.

– А...

– Отползли, сволочи. Сейчас, видать, с той стороны попробуют, слышите, как лупят? Не удержатся наши без ДЗОТа, поскорее б товарищ комдив подмогу прислал.

– Пришлет, – буркнул лейтенант, окончательно приходя в себя. Мазнул рукой по виску, с удивлением оглядев пальцы, окрасившиеся ярко-алым. А, ну да, пулей кожу рассекло. И каску сшибло, до сих пор башка от удара гудит. Контузило его, что ли? Да нет, глупости, откуда контузии взяться? Пулей чиркнуло, да каской стукнуло, пустяки. Интересно, сколько они уже держатся? Мельком взглянул на наручные часы, отерев залепленное глиной стекло о штанину. Семь минут. И только-то?! Всего семь минут?! А такое чувство, будто уж добрый час прошел, если не больше! Пора бы уж и обещанному подкреплению подойти.

– А если и припозднятся, значит, сами справимся! – решительно докончил Павел, поднимаясь. Ноги мелко подрагивали, но терпимо. Пройдет. Нервы просто, наверное. От нервов все болезни, ага...

– Так оно понятное дело, что справимся, – хмыкнул старшина, возвращая командиру автомат. – Держите, тарщ лейтенант, вроде все в порядке. На ствольной коробке, правда, вмятина осталась небольшая, но стрелять должен. Это кто ж вам такую отметку поставил?

– Да вон этот, – мотнул головой Величев. – Василий, вот что: пока передышка, давай-ка мы вдоль траншеи в обе стороны пробежимся, бойцов чуток подбодрим...

Величев замолчал, внезапно четко различив сквозь частую ружейно-пулеметную канонаду и хлопки ручных гранат рев нескольких танковых моторов и лязг гусениц. По коже скользнул неприятный холодок. Вот и все, не успел товарищ полковник помочь прислать, немцы первыми сподобились. Против танков им долго не выстоять, нужно отходить да поскорее поджигать мост. Сам он, понятное дело, останется прикрывать отход – несколько противотанковых гранат у них еще должно быть. Негоже командиру в первых рядах драпать.

– Старшина, слушай боевой приказ, – каким-то чужим, надтреснутым голосом прохрипел Павел. – Танки противника необходимо задержать на подступах к переправе до тех пор, пока...

– Командир, – покрытое пыльными разводами лицо старшины Галкина неожиданно расплылось в широкой щербатой улыбке, – так это ж наши, вон по мосту идут, глядите! Бэтэшки с десантом на броне...

Интерлюдия 2

Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин, конец августа 1941 года

До госпиталя Зыкин добрался только ближе к вечеру, хоть из Москвы прилетел еще ранним утром. Нет, не потому, что подвел транспорт – верная полуторка, спасибо заботливым рукам опытного шофера, ни разу не заглохла. Просто узкие полевые дороги были забиты войсковыми колоннами, которые приходилось пропускать – к передовой двигались, растягивая следом дымно-пыльные шлейфы, танки и грузовики с орудиями на прицепе, изнуренные жарой лошади тянули груженные армейским скарбом телеги, шагала по обочинам серая от той же вездесущей пыли пехота. Порой, пронзительными сигналами требуя освободить путь, проносились штабные автомобили и юркие мотоциклеты курьерской службы. В обратном направлении на телегах, полуторках, автобусах и другом всевозможном транспорте везли раненых, чтобы на обратном пути доставить боеприпасы, горючее, медикаменты, продовольствие и все остальное, в чем так остро нуждался фронт. Приходилось дожидаться, пока появится возможность вклиниваться в одну из колонн, проехав несколько километров до очередной развилки, где все начиналось сначала.

Но движение к цели тормозила не только загруженность дорог – дважды пришлось пережить авиа-налет, поскольку в светлое время суток Люфтваaffe прифронтовую полосу и ближний тыл в покое не оставляло. Сначала прилетели «лаптежники», нацелившиеся на идущую в сторону передовой танковую колонну. Зыкину подобное не было в новинку: еще в июне, воюя вместе с комбатом, он успел в полной мере прочувствовать на собственной шкуре всю сомнительную прелест внезапной атаки пикировщиков. Водитель полуторки, судя по всему, тоже уже свел знакомство с гитлеровскими летунами, поскольку, едва завидев в полукилометре над головой валяющиеся через крыло самолеты, резко газанул, уводя грузовик в сторону недалекой лесной опушки. Немцы на одинокий автомобиль не обратили никакого внимания, но страху натерпелись все трое. Особенно Колосов, как выяснилось позже, еще ни разу в подобную передрягу не попадавший. Переждав налет, вырулили обратно на грунтовку и тронулись, оставив за спиной с полдесятка дымных столбов, поднявшихся над горящими танками в безоблачное августовское небо.

А вот во второй раз они нарвались, уцелев практически чудом. Часам к трем пополудни дорога, словно по заказу, расчистилась, оказавшись практически свободной на протяжении сразу нескольких километров. Полуторка резво катила на восток, лишь изредка сбрасывая скорость,

чтобы обехать гужевые повозки или одинокие группки бойцов. Настроение у Виктора повысилось, чего никак не скажешь о водителе, мрачневшем буквально с каждой минутой. Наконец, Витька, то и дело бросавший на него косые взгляды, не выдержал:

– Что такое, сержант? Вроде нормально едем, впервые за сегодня. Глядишь, скоро до места и доберемся.

– Вот то-то и оно... – однозначно буркнул тот, в который раз настороженно взглянув в круглое зеркальце заднего вида. – Не накаркать бы, тарщ лейтенант госбезопасности.

– Ты о чем? – насторожился Зыкин, внутренне собираясь.

– Дорога шибко прямая, километра на два просматривается. И до леса далеко, не успеешь спрятаться. Ежели снова прилетят, супостаты, куды денешься? Будет им тут чистый тир... вон, как этим, – и сержант коротко мотнул головой в сторону нескольких сброшенных с дороги и выгоревших дотла черно-рыжих от жара грузовиков и санитарных автобусов. По другую сторону грунтовки застыла пара разбитых бомбами легких танков – башни сорваны взрывами, корпуса раскурочены, гусеничные ленты металлическими змеями скрутились в пыли. Чуть поодаль – перевернутый на бок трехосный бронеавтомобиль, судя по погнутой поручневой антенне, командирский. Из распахнутой бортовой дверцы свешивается танкист в обгорелом комбинезоне и ребристом шлеме.

Едва ли не против воли слглотнув ставшую внезапно вязкой слюну, Виктор зло буркнул:

– Вы б это, товарищ сержант, сами не каркали, глядишь, ничего и не...

Что именно «не», Витька сообщить не успел: по крыше кабины заполошно заколотил кулаками Колосов:

– Воздух!!!

– Из машины, м-мать! Живо! – не раздумывая ни секунды, рявкнул особист. Рывком распахнув дверь, прыгнул за борт, не дожидаясь, пока шофер остановит грузовик.

– Разбегаемся, за тремя сразу охотиться не станут!

Вовремя – над головой одна за другой пронеслись распластанные тени; спустя миг по ушам ударил захлебывающийся стрекот пулеметов. Пули выбили из дорожного полотна пыльные фонтанчики, брызнул щепой дощатый борт полуторки, подпрыгнула пробитая насквозь совковая лопата в кузове. Жалобно тренькнув, выссыпалась на капот половина ветрового стекла со стороны пассажира.

Плюхнувшись на живот в десятке метров от дороги, Виктор вывернулся голову, успев заметить расходящиеся в стороны самолеты.

«Мессершмитты», знакомая машинка. Кобрин их, помнится, еще «худыми» называл. Витька только сейчас понял, что он имел в виду – больно фюзеляж у них узкий, потому и «худые». Вот только жаль, что бортовому оружию на всякие прозвища глубоко плевать – убивает за милую душу, хоть худым обзови, хоть жирным...

Заложив вираж, самолеты сошлились и снова пронеслись вдоль дороги, долбя из крыльевых пулеметов. По застывшему на дороге грузовику фрицы больше не стреляли: люди интересовали их гораздо больше. Охотники, бля! А вот хрен вам! Зыкин перекатился в сторону и залег, уткнувшись лицом в землю. Строчка пуль прошлась буквально в полуметре, аккурат по тому месту, где он только что находился. Мазнув взглядом по ближайшей небольшой лунке, обрамленной вывороченной травой, особист шумно сглотнул. Твою ж мать, повезло... чуть бы поближе – и все, отбегался товарищ контрразведчик. Как сказал бы Степаныч, «пораскинул мозгами в радиусе полуметра»...

Звеня моторами, «мессеры» снова развернулись. И... пронеслись, звеня моторами, над самой головой на бреющем, больше отчего-то не стреляя. То ли боеприпасы закончились, то ли горючее на исходе, то ли просто решили, что достаточно порезвились. Исподлобья глядя на удаляющиеся истребители, с каждой секундой превращающиеся в безобидные темные росчерки на выбеленном летним зноем небосводе, Виктор длинно сплюнул и затейливо выматерился, не особенно стесняясь в выражениях.

– Живы, тарщ лейтенант? – раздался заметно подрагивающий голос Колосова.

Обернувшись, Зыкин встретился взглядом с не на шутку перепуганным сержантом. Интересно, как он с ним рядом-то оказался? Вроде бы, как из машины сиганули, в разные стороны разбегались? Криво ухмыльнувшись, поднялся на ноги, отряхивая изгвозданную в пыли форму:

– Живой, как видишь. Вставай, хватит валяться, улетели птички. Помочь?

От протянутой руки тот с негодованием отказался, самостоятельно приняв вертикальное положение. По примеру командира охлопал рукой гимнастерку и галифе, поправил сбившуюся набок портупею. РаSTERянно скользнул по сторонам взглядом, отыскивая фуражку. Не нашел – видать, в кузове обронил, когда через борт прыгал.

– Звать-то тебя как? – прекрасно понимая его состояние, спросил Зыкин, решив отвлечь товарища.

– Антохой мамка с папкой нарекли, – кисло улыбнулся тот. – В смысле

виноват, Антоном.

– Ну а меня Виктором кличут. Вот и познакомились. Ну так чего, поехали дальше? Где там наш шофер?

Водитель обнаружился возле автомобиля – негромко матерясь в адрес гитлеровских пилотов, сбрасывал с капота осколки наполовину разбитого ветрового стекла. Мрачно глянув на подошедших контрразведчиков, тяжко вздохнул, нахлобучивая на голову пилотку:

– Легко отделались, товарищи командиры. Если б скаты побили или мотор прострелили, надолго бы мы застряли. А так ничего, машинка на ходу, сейчас с кривого заведусь да дальше поедем.

Поколебавшись мгновение, добавил:

– Вовремя вы, тарщ лейтенант, наружу сиганули. Вон, глядите, одна пуля сиденье в аккурат с вашей стороны продырявила, другая через стекло наружу вышла. Повезло...

И завозился со своей стороны кабины, вытаскивая из-под диванчика кривой стартер.

«Вот уж точно, – задумчиво хмыкнул про себя Витька, со смешанными чувствами разглядывая простреленную сидушку. Первая пуля пробила заднюю стенку кабины, спинку и сиденье, другая – крышу и стекло, оставив на правой створке капота продолговатую вмятину. – Причем дважды. Задержался бы в машине – кранты, не успел вовремя в сторону откатиться – аналогично. И на самом деле повезло...»

– Ох ты, мать моя женщина! – ахнул за плечом Колосов. – Эк они влупили, суки, прямиком туда, где вы...

– Лезь в кузов, – не дослушав, оборвал сержанта Зыкин. – Скоро тронемся. Кстати, спасибо, вовремя нас предупредил. Так что ты и дальше за небом поглядывай, не ровен час, снова прилетят...

Но больше Люфтваффе их не тревожило, и спустя два часа автомобиль добрался до поселка, где расположился тыловой госпиталь. Выяснив, в какой палате находится комбриг Сенин и пообещав замотанному военврачу не слишком напрягать едва отошедшего от тяжелейшей контузии раненого, Виктор двинулся в указанном направлении. Вот только разговор вышел абсолютно безрезультатным. Никаким, иначе говоря. Подполковник и на самом деле ровным счетом ничего не помнил о тех двух сутках – в этом Витька был абсолютно убежден. Такое не подделаешь и не сыграешь, как ни старайся. Это был именно Сенин, а вовсе не «гость из будущего» Кобрин. Никаких сомнений относительно собственной личности подполковник не испытывал, в мельчайших подробностях помня все, что было до контрудара, начавшегося восьмого августа. Затем – все. Вообще

все. Полный провал аж до четырнадцатого числа, когда он пришел в себя уже в госпитале. Практически в точности так же, как вышло с комбатом Минаевым.

И что это означает? Да только одно, пожалуй: он опоздал. Совсем ненамного, но опоздал. Капитан Кобрин, командир штурмовой роты сухопутных войск Земной Федерации, снова вернулся в свое время, выполнив здесь некое очередное задание. Как там он говорил? «Вам помочь, себя проверить», так? Вот только сейчас Виктор все больше и больше сомневался в этих его словах, нутром чувствуя, что все не так просто, что Степаныч все же не открыл ВСЕЙ правды... собственно, может, и к лучшему? Хотел бы он узнать больше того, что уже узнал? Ой, вряд ли...

Так что придется возвращаться в Москву несолоно хлебавши. Обидно, конечно, да и Лаврентий Павлович будет недоволен, но что поделать? Все, что мог, он выяснил, осталось только разыскать экипаж Сенина и поговорить с танкистами – комдив упоминал, что всех четверых отправили в один госпиталь. Вряд ли это чем-то поможет, но вдруг? В отличие от Михайлова, бойцы несколько суток провели в постоянном общении со Степанычем, значит, вполне могли заметить что-то необычное. Вдруг он что важное сказал, а экипаж запомнил, хоть и не придал значения – в реальном бою за языком не следишь, не до того, по себе знает. Особенно в танке, когда каждую секунду рискуешь напороться на вражеский бронебойный. А бои в эти дни, насколько понимал Виктор, были о-го-го какие. Даже представить страшно, сколько раз Степаныч со своими танкистами за миг от гибели находился. Сомнительно, разумеется, но хоть какая-то надежда. Поскольку отработать следует все варианты, даже самые нереальные, иначе какой он тогда профессионал? Да и перед САМИМ отчитаться нужно...

Впрочем, имелись в сложившейся ситуации и положительные стороны: теперь Витька практически убежден, что товарищ Берия оказался всецело прав и Кобрина вполне реально вычислить по его действиям. Вопрос лишь в том, чтобы в *следующий раз* успеть до того, как тот снова вернется в свое непонятное будущее... А значит, что? Значит, нужно и на самом деле поскорее организовывать специальную группу, как Лаврентий Павлович и планировал! Не столь уж и сложная задачка, если прикинуть: часть сотрудников будет внимательно отслеживать фронтовые сводки, сверяя их с информацией о ходе войны, что передал ему «комбат». И выявлять явные расхождения. Тут, правда, тоже не все так просто – ход исторических событий уже как минимум дважды был изменен, ну да ладно,

разберемся. А другая часть должна быть готова в течение буквально пары часов отправиться в нужный район. Значит, группе и собственный самолет необходим, и одна-две автомашины пошустрее, и экипировка с соответствующими документами...

«Эк ты, брат, разогнался, – невесело усмехнулся про себя особист, аккуратно притворяя за собой дверь палаты. – Собственный самолет тебе подавай! Ты б еще пароход потребовал, а то вдруг Степаныч в следующий раз на Южный фронт отправится, под Одессу. Или, допустим, в Севастополь. А еще лучше торпедный катер, поскольку он пошустрее будет. Шутка, разумеется, но в каждой шутке, как известно...»

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант госбезопасности! – Неожиданно раздавшийся за спиной голос оторвал Зыкина от размышлений. Особист удивленно обернулся, встретившись взглядом с невысоким коренастым бойцом в госпитальной пижаме, вытянувшимся по стойке смирно. Поскольку головного убора у раненого не имелось, руки он держал по швам. Позади замерли, напряженно глядя на Виктора, еще двое бойцов, один – с висящей на перевязи рукой в гипсовых лубках.

– Обращайтесь.

– Красноармеец Цыганков, двести вторая танковая бригада, механик-водитель. Тарщ лейтенант, видел, вы с товарищем подполковником беседовали?

– Допустим, – дернул плечами Зыкин, едва не скинув на пол наброшенный больничный халат. – И?

– Так мы это, экипаж его, значится. Вот и решили узнать, если не секрет, конечно: вы по служебной надобности или просто так навестили, как знакомого?

Опешив от подобной наглости, Виктор хотел былорыкнуть, поставив танкиста на место, однако в следующий миг до него дошло. Двести вторая танковая, ну конечно! Так самая, которой Сенин командовал! Вот, блин, бывает же такое! Только собирался идти, выяснить, не выписали ли их – а они сами явились. А за командира своего горой – молодцы, что тут скажешь. Пришли, получается, разузнать, с чего это к нему контрразведка заявилась...

– Ага, героический экипаж подполковника Сенина? Понял. Мне-то вы и нужны. Смотрю, все ходячие? Тогда пойдемте вон во двор, чтобы никому не мешать. Есть у меня и к вам парочка вопросов. Или не парочка, а побольше, тут уж как разговор пойдет.

Переглянувшись, танкисты нестройно ответили «есть» и двинулись следом за Виктором по заставленному койками, пропахшему хлоркой и

лизолом коридору. Перед самым выходом пришлось остановиться, пропустив кресло-каталку, с видимым усилием толкаемую худенькой медсестричкой. Разместившийся на дерматиновом сиденье боец с загипсованной по самый таз правой ногой что-то весело балагурил, ежесекундно оборачиваясь, чтобы видеть девичье лицо, чем еще больше ей мешал. Девушка краснела и, закусив губу, негромко хихикала в ответ:

— Ох, товарищ лейтенант, совсем вы меня своими прибаутками замучили! Экий балабол, честное слово, а еще красный командир! В следующий раз вас тетя Клава на прогулку повезет, верно говорю! Лично ее попрошу.

Что ответил медсестре веселый раненый, состроив очередную уморительную гримасу, Виктор не рассыпал, первым выходя на госпитальное крыльцо.

А ответил он то, что могло бы весьма сильно заинтересовать лейтенанта ГБ Зыкина. Да и не только его, но и всесильного наркома. Но не судьба: за спиной идущего последним стрелка-радиста Божкова уже захлопнулась ведущая на крыльце госпитального корпуса дверь:

— Ну-у, Леночка, хоть вы-то мне не угрожайте! А то будто сговорились все, честное слово! Сперва товарищ военврач пугал — мол, ногу отнимет, после заражением крови страшали. А теперь, получается, еще и вы подключились. Никакого мне, стало быть, покоя. Пожалейте, что ли, бедного Федьку Кобрина, не лишайте единственной радости...

* * *

При помощи Колосова разузнав, где расположился местный узел связи, Зыкин отправился туда. Следовало отчитаться о проделанной работе — пусть он и не нашел «фигуранта», как назвал Кобрина нарком, но доложить было о чем. Сначала комдив, а затем и танкисты пусть косвенно, но подтвердили, что во время боевых действий под Смоленском Сенин вел себя «немного не так», как раньше. Наладить с экипажем необходимый контакт оказалось весьма непросто — поначалу бойцы, не сговариваясь, ушли в глухую защиту, однозначно отвечая на задаваемые вопросы. «Да», «так точно», «никак нет», «именно так»...

В принципе, Зыкин их вполне понимал: красноармейцы просто боялись излишне откровенничать с «прившим» особистом — поди знай, как аукнется сказанное любимому командиру? Вдруг сболтнут чего лишнего, сами того не желая, а контрразведка прицепится да свои выводы из

услышанного сделает... А он, в свою очередь, просто не мог рассказать, для чего задает подобные вопросы, с их точки зрения и на самом деле достаточно странные. Но понемногу все ж таки разговорились – Виктор, вроде бы между прочим, рассказал, как они с комбатом утром двадцать второго июня выводили батальон из-под вражеского артудара, как готовили позиции, как встретили огнем первые колонны немцев, как затем выходили из окружения к своим. Без излишних подробностей, разумеется – не рассказывать же, что в первое военное утро они с Минаевым, так уж получается, нарушили целую кучу довоенных приказов? Показал пилотские часы, затрофейные комбатом в сбитом самолете, поведал про бой на хуторе, где был ранен.

Слушали танкисты с искренним интересом: не ожидали подобной откровенности. Да и на самом деле любопытно было – на фронт-то они только перед самым контрударом попали, а после сразу в госпитале оказались. Настал момент, когда Виктор почувствовал, что лед недоверия начал таять. Попросил рассказать – вроде как в ответку, – как воевали, что особенно запомнилось и запало в память, как оценивают наши танки в бою против фашистских: вполне нормальная просьба на войне.

Танкисты понемногу расслабились и отвечали все более охотно, хоть тоже старались избегать подробностей – по совсем иной причине, чем Зыкин, понятное дело. Относительно того, стал ли Сенин воевать лучше или необычней, Витька ничего нового не узнал: бойцам просто не с чем было сравнивать. Да, стрелок-радист и заряжающий воевали вместе с комбригом в одной бригаде легких танков на Хасане и Халхин-Голе, но не в одном экипаже. А мехвод и вовсе на Финской воевал. Так что познакомились гораздо позже, весной сорок первого, когда Сенин перевелся в 52-ю ТД и получил под командование полк.

Зато в разговоре он заметил несколько знакомых по общению со Степанычем словечек, совершенно не свойственных этому времени, услышать которые они могли только от капитана Кобрина – но никак не от подполковника Сенина. В душе Витька откровенно ликовал: получилось! Все, вот теперь уж точно никаких сомнений не остается – подобных совпадений просто не бывает! И если рассказ Григория Михайловича еще можно толковать двояко: мало ли, отчего комбриг вдруг изменил свой же план и стал воевать «как-то иначе»? Война – она ведь многое меняет, как бы не все. Да и японские самураи на своих легкобронированных танкетках – вовсе не гитлеровские панцерманы на куда более мощных и опасных бронемашинах. Но вот эти самые словечки, начиная от «фрицев» и заканчивая всякими «проехали», «обломами», «погнали» да «карта

легла»...

Тепло рас прощавшись с экипажем комбрига (а заодно предупредив, что, хоть никаких подpisок с них брать не станет, содержание разговора должно остаться исключительно между ними), Виктор с чистой совестью двинулся к связистам. Все, что мог, он выяснил, теперь пусть Лаврентий Павлович решает, чем ему дальше заняться. Скорее всего, его ждет приказ возвращаться в столицу – какой смысл и дальше тут торчать? Только лишнее внимание к себе привлекать.

Пока шел, вполуха слушая рассказ неугомонного сержанта о том, как они неделю назад ловили немецкого диверсанта, единственного уцелевшего из перебитой бойцами отдельной стрелковой роты разведгруппы, успел прикинуть, что именно станет докладывать: радиосвязь – не прямая телефонная линия, особенно не поболтаешь. Потому сообщение должно быть одновременно и коротким, и достаточно информативным, чтобы у товарища наркомвнудела никаких вопросов не возникло. К тому моменту, как Колосов дошел до «и тут он, гадина такая, все ж не выдержал, да как побежит, а мы ему по ногам...», рапорт в его голове полностью созрел.

Зашифровав донесение, Зыкин проконтролировал отправку и вышел на крыльце, оставив возле радиостанции Антона. Просто на всякий случай: молоденький младлей с молниями войск связи на петлицах все равно не мог знать, кому именно адресована исходящая радиограмма. Кстати, насчет Колосова: сержант госбезопасности Виктору понравился – пусть и говорит многовато, но человек вроде надежный и грамотный. А болтливость – дело поправимое. Да и не перед посторонним он языком молол, а перед коллегой, причем выше званием. Зато никакого страха перед столичным гостем парень не испытывал, что тоже немаловажно. Другой бы на его месте, поди, в рот глядел, боясь лишнее слово произнести, а этот – нет. А что во время авианалета откровенно сдрейфил? Так тоже ничего страшного: когда Витька впервые под немецкими бомбами побывал, тоже страшно было. И это еще мягко сказано. Что там страшно – жутко, вот правильное слово... Может, взять его в будущую группу? В конце концов, никаких ограничений у него не имеется в принципе: Лаврентий Павлович, помнится, так примерно и сказал – работать в группе станешь, когда людей подберешь. С чего-то же нужно начинать? Ну, в смысле, с кого-то?

– Тарщ лейтенант, зайдите, – сообщил высунувшийся из дверного проема Колосов. – Уже ответили.

Подивившись оперативности наркома – и двадцати минут с момента передачи не прошло, – Зыкин торопливо вернулся в помещение.

Радиотелефонист протянул ему листок шифrogramмы:

– Вот, товарищ лейтенант госбезопасности. Передано с пометкой «весьма срочно».

– Благодарю. – Витька устроился за соседним столом, вытащив из полевой сумки шифроблокнот и очищенный карандаш. Взглянул на застывшего в паре метров Колосова, на удивление как никогда серьезного:

– Антоша, не в службу, а в дружбу, сходи с товарищем связистом на перекур. Или просто воздухом подышите, ежели вредным зельем не балуетесь. Мне нужно, чтоб минут десять никто не мешал.

– Понял, тарщ лейтенант, сделаем. – Колосов взял младлея под локоть, кивнув в сторону выхода:

– Пойдемте, товарищ младший лейтенант, не станем товарищу командиру мешать.

Расшифровав радиограмму и дважды перечитав текст, Зыкин несколько минут сидел, в задумчивости глядя на исписанный карандашом блокнотный листок. Вот оно, значит, как... Неожиданно, даже очень. Неожиданно – и весьма любопытно:

«Ваша информация понятна и принята к сведению. Благодарю за хорошую работу. Возвращение Москву откладывается. Связи новыми данными, немедленно отправляйтесь район Лужского рубежа, поселок Ивановское. Самолет ждет прежнем месте. Срочно выясните судьбу полковника Лукьянина, Дмитрия Акимовича, командира 191-й стрелковой дивизии. Допускаю появление нашего фигуранта. Дополнительная информация по прибытии на место. Связь прежним порядком. Жду результата. Желаю удачи. Главный».

Интересно, это что же получается? Снова неуловимый Кобрин объявился? Но как?! И там и там август, не мог же Степаныч одновременно в двух разных местах находиться? Точнее, гм, в двух разных людях? Или... мог? Да нет, определенно не мог, иначе просто какая-то чушь выходит. Ладно, разберемся по ходу дела, сейчас важно поскорее до аэродрома добраться. Хорошо, что затемно поедут – хоть летуны фрицевские тревожить не станут, и то дело. А насчет Колосова? Решено, забирает его с собой. Одному тут сложновато будет разобраться. Вот только такой еще вопрос: ЧТО именно ему можно рассказать? И, гм, как именно рассказывать-то?..

Глава 7

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

– Товарищ полковник, разрешите обратиться? – козырнул незаметно вошедший в комнату капитан, дождавшись, пока начальник штаба закончит фразу. Подполковник Марусов с неудовольствием глянул на Завьялова, но смолчал – все-таки адъютант комдива. Да и не станет он просто так отвлекать начальника.

– Что там, Костя? – Кобрин оторвался от расстеленной на столе карты. – Есть?

– Так точно! Над рекой замечена красная ракета. Сигнал тревоги подтвержден по телефонной связи. Гарнизон охраны моста вступил в бой.

– Диверсанты? Подробности доложили?

– Так точно, диверсанты, точная численность неизвестна, ориентировочно около двух отделений. При нападении использовали советский пушечный бронеавтомобиль и грузовик. На мост их пока не пустили, ведут бой с охраной на западном берегу Луги.

– Началось, – удовлетворенно хмыкнул комдив, окинув взглядом собравшихся в помещении людей. Бросив на исчерченную разноцветными отметками карту карандаш, жестом реципиента помассировал переносицу и продолжил:

– Как видите, товарищи командиры, мои сведения оказались точны. Начиная с этого момента у нас остается не более полутора-двух часов до подхода боевой группы полковника Рауса. А это, как я уже упоминал, больше двух пехотных батальонов при поддержке танков, к счастью легких, и артиллерии, в том числе противотанковой. И десять-двенадцать часов, максимум сутки – до того, как к Луге подойдут основные части шестой танковой дивизии. Свое видение ситуации и наших действий я только что изложил, на обсуждение даю двадцать минут.

Заметив, что начштаба собирается что-то сказать, негромко добавил:

– И ни секундой больше, Анатолий Петрович. Ровно через двадцать одну минуту подразделения дивизии получат четкий и недвусмысленный приказ и немедленно приступят к его выполнению. Это не обсуждается. Сами видите, времени на разговоры у нас больше нет, от слова «совсем». Пришло время действовать, если не хотим пропустить противника к Ленинграду. Вопросы?

– Вопросов не имею, – мотнул головой нач-штаба.

Кивнув, Кобрин обратился к стоящему в метре немолодому подполковнику с черными петлицами автобронетанковых войск:

– Иван Ефимович, вы выполнили то, о чем я распорядился перед началом совещания?

– Точно так, товарищ комдив. Рота легких танков с десантом на броне скрытно выдвинулась в район переправы, ждет сигнала у выхода дороги из леса. Танки замаскированы, чтобы исключить преждевременное обнаружение противником. До цели доберутся минут за пять. Пора?

– Прекрасно. Командуйте, пусть заводят моторы и следуют к мосту, самое время. Против чешских «тридцать пятых»^[15] их пушек хватит. А потом и подкрепление подоспеет. Как только отдадите приказ, немедленно отправьте следом несколько средних танков, можно даже Т-28 – насколько знаю, у вас подобные в наличии имеются. Против легких танков и вражеской пехоты они отлично отработают, а большего пока и не нужно. Более мощные машины пока прибережем, наступит срок, пригодятся. Вопросы, предложения?

– Не имею, – лихо козырнул танкист, успев бросить быстрый взгляд на склонившихся над картой командиров. Возможно, и показалось, но на лице подполковника Латышева на миг мелькнула быстрая лукавая улыбка: мол, хоть кто-то из присутствующих готов немедленно вступить в бой! А не над картами, понимаешь ли, корпеть...

Кобрин, в свою очередь, незаметно дернул щекой: а вот этого нам не нужно, подобное мы уже проходили. Шапкозакидательством накушались по самое «не могу» еще в конце июня, так что хватит.

– Товарищ подполковник, убедительная просьба: без самодеятельности. На всякий случай еще раз уточняю боевую задачу: роте легких танков отбросить диверсантов и подошедшее к ним подкрепление от переправы, десанту занять оборонительный рубеж вместе с гарнизоном охраны, доставить им боеприпасы. Средним танкам – закрепиться на западном берегу, в идеале окопаться, превратив боевые машины в артиллерийские огневые точки круговой обороны. Если успеете, конечно. Не допустить захвата противником моста и прорыва на противоположный берег. Всеми имеющимися в наличии силами и средствами. И все! Остальное – моя забота. Это понятно?

– Так точно. – Судя по всему, Латышев оказался из числа тех командиров, что умели понимать вышестоящее начальство с полуслова. Равно как и читать между строк.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

– Товарищ майор, теперь вы. – Кобрин взглянул на командира разведбата.

– Слушаю? – без особого удивления в голосе кивнул «главразведчик» Гареев.

– Рустам, твоим ребятам одна из самых сложных задач предстоит, – без вступления продолжил Сергей, опершись кулаками о столешницу с расстеленной поверх картой. – Сам понимаешь, разведданные нам нужны как воздух. Причем свежие. Война нынче маневренная, буквально за час-два очень многое может измениться. А мне, кровь из носу, нужно знать, – Сергей едва не добавил привычное «в реальном времени», одернув себя в последний момент, – как немец реагирует на наши действия, что планирует и какие силы готов бросить в бой. Понимаешь?

– Понимаю, – нахмурившись, кивнул тот. – Разведгруппы готовы, только отмашки и ждут – куда, сколько?

Кобрин усмехнулся:

– Помнишь, ты недавно удивлялся, будто бы я заранее знал, как именно фашист поступит? А я тебе сказал, что нужно использовать логику?

– Так точно, помню, – кивнул тот, явно не совсем не понимая, к чему клонит комдив.

– Вот и прикинь, где именно и как твои ребята соберут больше информации – местность ты не хуже меня знаешь, лучше даже. Речь про шестую танковую дивизию, с группой Рауса мы тут сами разберемся. Я бы на твоем месте отправил несколько разведывательно-диверсионных групп как можно глубже в тыл противника – настолько далеко, насколько сумеют уйти за разумное время, поскольку технической возможности забросить их туда у меня нет. Понимаю, что это не совсем ваша, так сказать, специализация, но никого другого у меня больше нет, только твои ребята. Основная задача, понятное дело, разведка, но если удастся попутно еще и какую-нибудь гадость фашисту учинить – дорогу там заминировать, мостик через топкий ручеек взорвать, чтобы хоть часок, да с переправой провозились, тыловую колонну всерьез пощипать, – так вовсе замечательно. Немцы пока к партизанской войне нешибко привычные, ежеминутно нападения не ожидают, на этом их можно и подловить, особенно тыловиков. А тыловики – это прежде всего снаряды и топливо, которые им очень скоро остро понадобятся на передовой. Потому взрывчатки и боеприпасов пусть твои бойцы берут, сколько унести сумеют, и... не особенно торопятся обратно возвращаться. Работы им на пару-тройку суток точно хватит, а то и подольше задержаться придется.

Отдельное внимание обращать на отставшие от колонн командные машины или делегатов связи – этих крайне желательно брать живыми и экстренно потрошить, после чего немедленно докладывать о результатах. Пленных с собой ни в коем случае не тащить, разве что какой генерал в руки попадет.

Кобрин усмехнулся, дав понять, что в пленение, даже чисто теоретическое, немецкого генерала особенно не верит и потому просто шутит.

– Ну и еще несколько малых групп – в ближний тыл. Этим в бой вступать категорически нельзя, исключительно наблюдать и своевременно докладывать о продвижении противника. Подробно докладывать, майор: сколько живой силы, на чем передвигаются, какие именно танки и в каком количестве идут к Луге, типы и калибр самоходной и буксируемой артиллерии – ну и так далее, не мне тебя учить. На тактические обозначения на броне пусть тоже внимание обращают, это может быть важно. В целом понятно?

– Понятно, товарищ полковник, – выдохнул Гареев, заметно посветлев смуглым от природы лицом. Похоже, столь неожиданная идея провести глубокий диверсионный рейд по вражеским тылам пришла ему весьма по нутру. – Сделаем в лучшем виде!

– Уверен, что справитесь? Я ведь не случайно про специализацию сказал, к диверсионной деятельности твоих ребят специально не готовили.

– Уверен, товарищ полковник, – без малейшей задержки ответил майор. – Мало ли чему нас учили, а чему нет? Общее представление имеется, остальному война научит. Разрешите выполнять?

– Разрешаю. Только без фанатизма, аккуратненько. И вот еще что: что я товарищу комбригу говорил, слышал? Насчет самодеятельности?

– Слышал, – насторожился Рустам.

– Так вот, тебе я никаких ограничений, кроме регулярных сеансов связи, не ставлю, **ВООБЩЕ НИКАКИХ**. Скорее наоборот – импровизируй, как сочешь нужным. Мне только одно необходимо: свежие разведданные и результативные диверсии в немецком тылу. Всего одна сожженная автомашина с топливом – это несколько оставшихся без заправки немецких танков, взорванный грузовик с боеприпасами – ставшие безоружными танки, замолчавшие пушки и пулеметы. А это – спасенные жизни наших бойцов на передовой. Все, работай, разведка.

Едва разведчик покинул штаб, Кобрин взглянул на Завьялова:

– Костя, что наши связисты говорят? Связь с аэродромом в Ястребино есть?

– Есть, товарищ комдив.

– Добро, радиуй немедленно, пусть поднимут пару самолетов, крайне желательно радиофицированных, мне нужны данные авиаразведки. Насколько близко противник подошел к реке, какими силами – и все такое-прочее. Пусть учитывают, что у Рауса имеется свой зенитный дивизион, так что особенно нарываться не стоит, могут и сбить. Давай, капитан, время нынче дорого.

Дождавшись, пока за спиной адъютанта закроется дверь, Сергей взглянул на командира отдельного саперного батальона:

– Товарищ капитан, прекрасно знаю, что вашей вины в этом нет, но переправа через Лугу и дамба у Ивановского до сих пор не подготовлены к подрыву. Кто конкретно в этом виноват, разберутся компетентные товарищи, – быстрый взгляд на начальника особого отдела – и кивок в ответ. – Вы можете исправить ситуацию? Причем в самое ближайшее время?

Похоже, комбат-сапер меньше всего ожидал, что следующий вопрос окажется адресован именно ему. Мгновенно побледнев, он шагнул вперед:

– Товарищ полковник, подобной задачи передо мной не...

– Невнимательно слушаешь, капитан. Я и сказал, что твоей вины тут нет, – отмахнулся Сергей. – Меня интересует другое: сумеешь подготовить к взрыву мост и дамбу? Взрывчатка и средства подрыва, или как там подобное добро у вас называется, имеются в наличии?

– Так точно, сумею. Имеются.

– Тогда не задерживаю, выполняй. Как – тебе виднее, тут я не специалист. Но мне критически важно, чтобы в случае крайней необходимости мост рухнул в реку в совершенно неремонтопригодном виде. Желательно вместе с вражескими танками и пехотой. А разрушенная дамба устроила немцам небольшой потоп вдоль дороги. На все про все у вас не более двух часов.

– Разрешите идти?

– Работай. – Кобрин глянул на циферблат наручных часов. До отмеренного им срока оставалось еще четырнадцать минут. Уйма времени, можно позволить себе немного проветрить мозги. А подчиненные пусть совещаются, сейчас на них давить не только не нужно, но и вредно.

Выйдя на крыльце занятого штабом дивизии одноэтажного каменного здания, одного из немногих в поселке, Сергей расстегнул воротник гимнастерки и глубоко вдохнул сырой утренний воздух. Смешно, уже в третий раз оказывается в прошлом, а все никак не надышится. Уж больно воздух далекой прародины не похож на атмосферы известных ему планет. Хоть порой и пахнет не такой одуряющей рассветной свежестью, как

сейчас, а тротиловой тухлятиной, порохом и тяжелым амбре горелого человеческого мяса...

Прислушался. Со стороны переправы доносились частая ружейно-пулеметная трескотня и скраденные расстоянием и туманом хлопки ручных гранат. Гарнизон лейтенанта Величева сдерживал противника как мог, даже не представляя, НАСКОЛЬКО важно то, что он сейчас делает. Или как раз представляя? Сергей уже давно, еще со времен первого «Тренажера» и знакомства с особистом Зыкиным, перестал считать предков менее опытными, чем он. Какое там! Скорее наоборот, это как раз они куда как лучше разбираются в... да во всем, если честно! Просто возможности у предков зачастую не имелось, чтобы раскрыться в полной мере, таланты свои проявить. Немец пер напролом, сметая все на своем пути, вот и приходилось в прямом смысле этого слова ложиться под танки, чтобы хоть на час, хоть на сутки задержать этот смертоносный вал. Ничего, парни, держитесь, помочь будет! Недаром же он еще до начала совещания со своим штабом отдал приказ подполковнику Латышеву немедленно поднять по тревоге и отправить к мосту роту танков. Обер-лейтенанта Зигфрида Граберта, лично возглавившего группу поддержки, ждал крайне неприятный сюрприз. Конечно, отделение диверсантов, пять танков и до роты пехоты на бронетранспортерах – серьезная сила, ну да ничего, танкисты вместе с бойцами Величева должны справиться. А потом подойдут средние танки...

– Тарщ полковник, – запыхавшись, выдохнул побежавший адъютант. Фурражку, видимо, чтобы не потерять в спешке, он держал в руке. – Дозвонился, приказ передал. Обещали вылететь в течение десяти минут.

– Хорошо, Костя, – скромно улыбнулся Кобрин. – Очень хорошо. Будь при мне, скоро начнется.

– Э... – замялся, нахмурив лоб, Завьялов. – А что именно начнется, тарщ командир?

– Бой за ворота Ленинграда, – автоматически буркнул Сергей, тут же мысленно себя выругав. Какие еще, на фиг, «ворота»?! Это ж вроде фрицы так переправу через Лугу называли, а не наши. Хотя... да какая, собственно, разница?

– Ворота? – переспросил капитан, наморщив лоб и обдумывая услышанное. – Так точно, понял. Ну да, все верно, я карту хорошо запомнил. Впереди и на самом деле больше крупных рек нету, напрямую дорога идет. Если не удержим – точно им ворота откроем.

– Обломаются, – буркнул Кобрин. – Приоткроем немного, чтобы в свою удачу поверили и без особой опаски вперед сунулись. А потом

створочку так резко захлопнем, что все зубы им на хрен повыбиваем да нос любопытный раскровяним...

* * *

Приказ немедленно выдвинуться к Луге младший лейтенант Василий Серышев, командир роты легких танков, воспринял с энтузиазмом: давно бы так! Сколько можно в тылу отсиживаться, когда война уж второй месяц как идет! Даже стыдно как-то, поскольку фашистские танки он только на картинках и видел, назубок заучивая тактико-технические характеристики и уязвимые места. Взводные, правда, восторга командира, судя по выражению лиц, не разделяли, поскольку все трое успели побывать в настоящем бою. Кто на финской, как сержанты Лапин и Порывай, а кто и совсем недавно, в июне, попав в бригаду откуда-то из-под Минска, где немцы пытались окружить наши части в «котле». Пытаться-то пытались, да не срослось у них, вырвались наши. Это он молчаливого после контузии старшину Губина имеет в виду...

Приняв на броню десант, восемь БТ на максимальной скорости двинулись вперед, за несколько минут добравшись до заданного квадрата. Укрыв танки под деревьями лесной опушки, лейтенант, включив радиостанцию на прием, стал дожидаться команды. Когда над рекой повисла яркая звездочка сигнальной ракеты, Серышев отдал приказ запустить двигатели. Но рация молчала. Мучительно текли минуты – первая, вторая, третья...

По ту сторону реки шел бой, судя по интенсивности стрельбы, достаточно серьезный. Лейтенант с трудом сдерживался, чтобы не вызвать комбрига первым. Но нет, нельзя, ведь четко сказано: «ждать приказа». Вот только это самое «ждать» для мечтающего поскорее оказаться в *настоящем бою* ротного оказалось самым сложным. Наконец, рация захрипела, и подполковник Латышев спокойным голосом отдал долгожданный приказ...

На ближних подступах к мосту полыхали искореженный взрывом боекомплекта пушечный бронеавтомобиль и съехавший на обочину грузовик, от которого остался один остов. Столбы жирного черного дыма поднимались вверх практически вертикально – утренний воздух был неподвижен, стояло полное безветрие. Курился сизым дымом ДЗОТ с развороченной прямым попаданием амбразурой. Второй продолжал вести пулеметный огонь. Полукружья окопов, охватывающие мост по флангам, огрызались вспышками винтовочных выстрелов; то там, то тут вспухали

пыльные облачка разрывов ручных гранат – гарнизон охраны как мог сдерживал наступающего противника. Два в точности таких же ДЗОТа, молчаливыми приземистыми холмиками расположившиеся по обе стороны дороги на восточном берегу, пока молчали, угрюмо провожая колонну советских танков пулеметными стволами. О прибытии подкрепления бойцов гарнизона предупредили заранее, во избежание, так сказать. Так что их никто не встречал, лишь караульный, завидев приближающиеся танки, забросил за спину винтовку с примкнутым штыком и торопливо откинул кверху красно-белое бревно шлагбаума, показывая, что путь свободен.

На несколько секунд высунувшись из башни, Василий оценил обстановку. Похоже, вовремя поспели, нашим сейчас помочь в самый раз будет. Поскольку радиофицированными были только два танка, командирский и одного из взводных, младший продублировал сигнал флагами: «вступаю в бой, делай как я». И торопливо юркнул в башню, окунувшись в привычное густое, хоть ножом режь, амбре из запахов горячего масла, оружейной смазки, металла и солярки. Пусть броня у «бэтушки» и не шибко надежная, но внутри все одно как-то спокойнее.

Прижав к горлу эbonитовые кругляши ларингофона, младший лейтенант скомандовал мехводу:

– Кольша, мост проходим на максимальной скорости, как спустимся – спихиваешь с дороги горящий броневик и по тормозам. Укроешь машину за обломками, я еще раз осмотрюсь. Поможем нашим немца бить!

– Понял, – почти понятно булькнуло в наушниках танкошлема.

– Вперед!

Выбросив из патрубков сизые облачка солярного выхлопа, командирский БТ-7 М прибавил скорость, поднимаясь по пологому въезду на мост. Под плоскими траками гусениц загудел настил пролетов. Довернув башенный перископ, Серышев с удивлением заметил укрывающихся за фермами моста бойцов и зачем-то расставленные вдоль перил двухсотлитровые топливные бочки. Интересно, зачем? Мост, что ли, поджигать собирались? Так взорвать же куда проще...

Спустившись с переправы, танк с ходу спихнул на обочину искореженный бронеавтомобиль и остановился. Лязгнув стопором, лейтенант откинул верхний люк, осторожно осматриваясь и морщась от удущливого дыма, ощутимо пахнущего горелой человеческой плотью. Махнул рукой облепившим броню десантникам: прыгайте, мол, хватит задарма кататься. Пока все шло согласно первоначальному плану. Танки роты, съехав с дороги, двинулись вдоль линии окопов. Стволы спаренных пулеметов пульсировали огоньками выстрелов. Не ожидающие, что к

обороняющимся подоспел помочь, подбравшиеся к самым траншеям фашисты торопливо отползали. То один, то другой танк делал короткую остановку, стреляя из башенного орудия. Осколочно-фугасные гранаты подбрасывали невысокие фонтаны земли и измочаленного тротилом дерна. В первые же секунды подавив оба пулемета, бронемашины прошлись параллельно траншеям, расстреливая и давя гусеницами тех, кто не успел вовремя отступить или укрыться. Бежать в полный рост немцы даже не пытались: тех, кто решился на подобную глупость, срезали прицельными выстрелами воспрянувшие духом красноармейцы и подоспевшие им на подмогу пехотинцы. Спустя буквально пару минут все было кончено... по крайней мере, так казалось.

Поскольку с западной стороны к мосту уже подходила небольшая колонна из пяти немецких танков, следом за которыми двигались угловато-граненые бронетранспортеры с пехотой.

«Смотри-ка, практически одновременно прибыли, — автоматически подумал Серышев, ворочая перископом. — Ну, сейчас вы у меня ограбете, гады».

Покрытые пылью по самые башни танки он в первый момент не узнал — в реальности вражеские машины выглядели как-то немного иначе, нежели на не особо четкой черно-белой картинке в руководстве. Угловатый корпус, обильно утыканый мелкими заклепками, закругленная с боков башня с тонкоствольной пушкой и смешным блинном командирского люка сверху. Справа от пушки и в лобовом бронелисте — пулеметы в шаровых установках. Напоминающая Т-26 ходовая со множеством опорных катков малого диаметра, скомпонованных в две подрессоренные тележки, плюс дополнительный каток для натяжения гусеницы впереди. Ведущее и направляющее колеса выступают за габариты гусеницы. Именно последнее и позволило Василию понять, с чем придется иметь дело: ну, конечно, чешский легкий танк LT-35! Ну или «панцеркампфваген тридцать пять тэ»^[16]. Память услужливо подсказала нужные сведения: тридцатисемимиллиметровое орудие, два пулемета калибра семь-девяносто-два мэмэ, лобовая броня — двадцать пять, борт — шестнадцать. Ничего страшного, нашей пушечке такое на один зуб практически с любой дистанции, а до них и полукилометра не будет. Но и самим подставляться крайне нежелательно: пробьет, не особо и напрягаясь. Зато максимальная скорость — не больше 34 километров, по пересеченке — почти в три раза меньше, с их «бэтэшкой» даже рядом не стоял. Ну, в смысле не ездил...

В свою очередь заметив неожиданную опасность, гитлеровцы среагировали с похвальной быстротой: танки парами разошлись в стороны,

выстраиваясь для фронтальной атаки, по шоссе продолжил движение только один, вероятно командирский, бронетранспортеры спешили пехоту и двинулись позади, прикрывая бегущих солдат огнем курсовых пулеметов. Все, пора...

– Бронебойным заряжай! – скомандовал младший, приникая к прицелу. Сбоку сочно клацнул затвор, запирая в каморе унитар. – Коля, как выстрелю, сдашь назад, затем вправо и по газам. Маневрируй, в скорости мы их сильно превосходим. По команде «короткая» останавливаешься, после выстрела снова газуешь. Все, воюем, мужики.

Наведя прицельную марку на идущий первым танк (хорошо, если он и вправду окажется командирским), грузно переваливающийся на неровностях почвы, Серышев, едва не против воли задержав дыхание и до боли закусив губу – все же впервые не на полигоне по фанерным щитам стреляет, а по реальному врагу! – выстрелил.

Бум!

Танк легонько тряхнуло, выскоцила из казенника курящаяся сизым дымком гильза, в ноздри ударили тухлый запах сгоревшего кордита. БТ-7 М, свирепо рыкнув пятисильным дизелем, буквально отпрыгнул назад. Младшего лейтенанта мотнуло в сторону, но он все же успел заметить, как подсвеченный донным трассером снаряд, в считаные мгновения преодолев триста разделяющих противников метров, уткнулся точнехонько по центру бронированного лба. «Тридцать пятый» дернулся, сбрасывая и без того невысокую скорость, пока не застыл без движения. Массивный колпак верхнего люка откинулся, из башни показался танкист в черном комбинезоне. Однако выбраться наружу он уже не успел: изнутри выметнулся столб почти бесцветного пламени, башня подскочила на погоне, но не слетела. Ударная волна вышвырнула из люка изломанную фигурку, кучей дымящегося тряпья упавшую в десятке метров. В следующую секунду танк загорелся уже по-настоящему, окутавшись жирным черным дымом вспыхнувшего бензина из развороченных взрывом баков.

Лейтенанту хотелось заорать во весь голос от радости. А как иначе? Ведь попал! С первого выстрела сжег гада! Но опытным командирам, к которым он себя, пусть и с некоторой натяжкой, все же причислял, вести себя подобным образом, понятное дело, никак не положено. И потому Василий лишь шумно выдохнул сквозь плотно сжатые губы и хриплым от волнения голосом отдал команду механику-водителю. Во рту было солено – от волнения он ухитрился прокусить нижнюю губу, но Серышев этого не замечал, всецело поглощенный боем...

Стволы фашистских танков тоже окутались дымками выстрелов, но командиры БТ уже заметили противника, разворачивая свои машины лобовыми проекциями к врагу. Не повезло лишь одному. То ли мехвод не успел вовремя среагировать, то ли гусеница пробуксовала по рыхлой почве, но вражеская болванка воткнулась в борт моторного отсека, и разбитый двигатель мгновенно загорелся. Прежде чем пламя охватило танк, экипаж успел выбраться из обреченной машины, укрывшись в ближайшем окопе. И почти сразу же завертелся на месте, потеряв гусеницу, один из LT-35. Наружу панцерманы не полезли, видимо понадеявшись на защиту своей брони. И даже успели выпустить пару снарядов, прежде чем ближайший «бэтэ» добил танк прицельным выстрелом в борт. Боекомплект на этот раз не сдетонировал, даже бензин не загорелся, но из вяло дымящейся стальной коробки так никто и не показался.

«Короткая!» – азартно крикнул Серышев, поймав в прицел контур вражеского танка. Мехвод послушно сбросил скорость, плавно, без рывка останавливая машину. Но немец, будто ощущив направленный на него взгляд, неожиданно вильнул в сторону, выскальзывая из поля зрения. Зар-раза! Не отрываясь от налобника, Василий заработал маховиком, доворачивая башню на нужный угол. Ну где ж ты, сука?! Ах, вон где... ну нет, шалишь, не уйдешь!

Краем сознания скользнула мысль, что они слишком долго торчат на одном месте, а ведь на занятиях инструкторы упирали на то, что во встречном бою танк живет столько, сколько маневрирует. Но охваченный охотничьим азартом младший лейтенант уже не мог ничего с собой поделать. Треугольник прицельной марки, наконец, наполз на башню противника, пальцы привычно отработали маховичками точной наводки. Огонь!

Бум!

Толчок отдачи, погашенный массой танка, тонкий звон латуни о закраину казенника, выметнувшись к крыше башни клуб кислого дыма. Несущийся к цели светлячок донного трассера. Свирепый рев мотора – механик-водитель газует, стремясь вывести танк из пристрелянного противником сектора. И расцветший на срезе вражеского ствола огненный цветок: фашистский наводчик тоже успел прицелиться и выпалить. Короткий выстрел встретившейся с целью болванки: бронебойно-трассирующий снаряд угодил в маску пушки, своротив ее набок; а вот было ли пробитие – поди пойми. Но стрелять вражина уж точно больше не сможет. И тут же резкий рывок, впечатавший Серышева в выкрашенную белой краской внутреннюю поверхность брони – ответный снаряд

раздробил несколько траков гусеницы и снес направляющее колесо.

БТ по инерции крутнулся на месте, сползая с раскатавшейся ленты, но умница-мехвод вовремя среагировал, не подставив противнику борт. Увы, опасности это никоим образом не уменьшало. На таком расстоянии даже лобовая броня вражеский снаряд не удержит. Если попадут – проломит как миленький. А двигаться танк не мог: линейный БТ-7 – вовсе не опытная машина серии ИС, о которых им рассказывали в училище, и ехать на одной гусенице не умеет. Матерясь сквозь зубы – подставился, позволил врагу лишить машину маневренности, – младлей приник к прицелу. Лезть сейчас наружу не только глупо, но и смертельно опасно: перестреляют как куропаток. Да и бессмысленно: под огнем разбитые траки не заменишь и гусянку не натянешь – на это время нужно. Полчаса как минимум, а то и больше. Зато пушка цела. Значит, будут стрелять, пока... да неважно, что именно «пока»!

Отдавать команду наводчику не понадобилось: новый унитар уже был в казеннике. Прекрасно. Поскольку нужно еще должок вернуть, ага. По броне протарахтели комья глины: кто-то из немцев решил добить подранка, но в спешке промазал. Снаряд ударил возле самой гусеницы, окатив бронемашину фонтаном земли. Глухо выматерившись, заворочался на своем месте механик:

– Командир...

– Погоди, Кольша, не сейчас, – буркнул Серышев, занимаясь наводкой. Врешь – не уйдешь, все равно попаду!

Поврежденный танк отползал назад, выходя из боя, но прицелиться в него не удавалось – специально или нет, его прикрыл собой один из товарищей. Младший лейтенант скривил губы в злой ухмылке: ну, значит, сам напросился. Н-на, получи!

Выстрел!

И – промах.

То ли поспешил, то ли немец вовремя сманеврировал. Выстрел в ответ. Тоже мимо – Василий даже не заметил, где именно воткнулась в землю вражеская болванка.

– Да командир же! – заорал, потеряв терпение, механик-водитель. – Слушай, давай я дымовуху запалю и вторую гусеницу скину? Всех делов на пару минут. Уйдем на колесах. А ты меня из пулемета прикрывай. Если останемся на месте, спалят нас.

Размышлял Серышев не дольше секунды. Товарищ прав, вариантов у них всего два: или бросить совершенно исправную машину, или попытаться восстановить маневренность. А для этого нужно всего-то

выбить один из фиксирующих траки пальцев, размыкая гусеничную ленту. Вот только шансов уцелеть у того, кто этим займется, немногого...

– Действуй, – решился младший лейтенант, мельком подумав, что им здорово повезло воевать именно на дизельной «эмке» – у всех остальных моделей БТ эвакуационного люка в днище не было. – Давай через нижний люк.

Пихнув в бок заряжающего, мотнул головой в сторону места водителя:

– Ползи туда, тут я сам управлюсь. Руль установи и переключайся на колесный ход, как Коля гусянку разомкнет, сразу поедем.

Выдернув из укладки очередной унитар, пихнул его в казенник и приник к прицелу. Выстрел. Не особо прицельно, лишь бы показать, что машина еще способна огрызаться. Как порой и бывает в реальном бою, результат оказался неожиданным: бронебойный высек из башни немецкого танка сноп искр, ушел рикошетом в сторону... и влепился в бок одного из полугусеничных бронетранспортеров. «Вот бывает же, – меланхолично подумал младший, приникая к спаренному с орудием ДТ. – Рассказать кому – точно скажут, что сбрехал»...

Механик-водитель меж тем благополучно выбрался из обездвиженного танка, пристроив на надгусеничной поближе к двигателю полке коробку малой дымашки. Шипя, ДМ-11 выбросила клубы дыма, создавая впечатление, что танк подбит. Хитрость не ахти какая, но с расстояния в несколько сотен метров понять, так ли это на самом деле, практически невозможно. Снаружи раздались ритмичные металлические удары: присев возле гусеницы, Николай выбивал один из фиксирующих траки пальцев.

Серышев выжал спуск, и приклад пулемета ткнулся в плечо частой дробью отдачи. Разом высадив с четверть магазина, добил остаток короткими очередями, пытаясь ловить в прицел перебегающие фигурки фашистских пехотинцев. Не меняя диска – нет времени! – снова переместился к орудию. Закинув в казенник осколочно-фугасный выстрел, наскоро прицелился и выпалил.

Бум!

Подсвеченный коротким всполохом куст разрыва поднялся возле самой дороги, разметав в стороны пару темно-серых фигурок. Еще один пехотинец, видимо раненый или контуженный, выронил винтовку и, зачем-то сорвав с головы каску, пробежал, шатаясь, несколько метров, прежде чем упасть.

Бдзынь!

Резкий звук попадания, несмотря на шлемофон, отозвался в ушах короткой болью. Крохотный, с половинку ногтя, осколок пробил плотную

ткань комбеза и зло ожег плечо. Василий зачарованно скользнул взглядом по появившейся будто бы из ниоткуда продольной вмятине на вогнутой броне башни, окаймленной чешуйками отслоившейся краски. Сквозь узкую, едва лезвие ножа просунешь, десятисантиметровую щель внутрь задымленного боевого отделения проникал лучик света, в котором причудливо перемещались сизые клубы пороховой гари. Ух ты ж ё...

В наружную броню трижды звучно грюкнули чем-то металлическим. И Серышев, придя, наконец, в себя, заорал (в ушах ощутимо звенело) сидящему на водительском месте заряжающему Степке Иванову:

– Заводись! Как Кольша вернется, сразу врубай заднюю и трогай! Но не раньше!

Под ногами раздались сдавленные ругательства: механик-водитель, кряхтя, забирался через узкий эвакуационный люк обратно. Захлопнув створку, взглянул на командира снизу вверх. Левую руку он прижимал к изгвозданному глиной и солярой комбинезону – похоже, все-таки зацепило. Хрипло проорал – времени подключать разъемы ТПУ не было:

– Нормально, командир. Поехали, пока нас не подстрелили. С пяток метров Федька пусть прямо назад сдает, чтоб с гусянки съехать, а дальше уж неважно...

Пыхнув выхлопными патрубками, покалеченный БТ-7 М кормой вперед двинулся в обратном направлении. Недогоревшая дымовая шашка от рывка упала на землю, продолжая исторгать клубы мутного дыма. Никакого значения это уже не имело: маскироваться и дальше смысла не было. Используя короткую передышку, младлей осмотрелся, ворочая бронеколпаком командирского перископа. В целом пока все шло неплохо. Из пяти фашистских танков два горели и еще один – тот, что с перекошенной пушкой, – особой опасности не представлял. Позади, развернувшись почти поперек шоссе, жарко полыхал один из броневиков. Плюс подбитый случайным рикошетом: этот так и не загорелся, но двигаться самостоятельно, похоже, не мог. Рота Серышева потеряла всего две машины – подбитый в самом начале боя БТ-5 и еще один «седьмой», сожженный буквально минуту назад. Экипаж последнего погиб мгновенно – вражеский снаряд угодил в боекладку, и мощный взрыв сорвал с погона башню, разворотив бронекорпус. Мгновенно полыхнувший бензин довершил короткие танкистские похороны, превратив танк в многометровый погребальный костер. К сожалению, погибшая машина принадлежала Степке Курьшину, ротному-два. Так что теперь радиофицированной осталась только одна машина – пятящийся к мосту командирский БТ...

Оставшаяся пара LT-35 синхронно сбросила скорость, маневрируя между дорогой и лесом: поскольку шансов добраться невредимыми до моста у них практически не имелось, немецкие командиры судорожно решали, как поступить дальше. Пехотинцы залегли, рассредоточившись вдоль обочин. Установив пулеметы, лупили короткими очередями, хоть особого смысла в этом младлей и не видел – только зря боеприпасы пожгут. Тех, кто в траншеях, всяко не достанут, а танкистам их огонь не опасен, хоть звяканье очередной попавшей в броню пули и действует на нервы. Да и мехвода, вон, в руку подраницы. Наверняка попытаются потихоньку подобраться к переправе со стороны лесной опушки, ну да это уж точно не его проблема – на танке промеж деревьев особо не покатаешься. А там, у моста, найдется кому немчуру встретить да на ноль перемножить.

Остальные танки роты продолжали обстреливать противника, но вперед не совались. Вот повезло кому-то из наводчиков, и задымил развороченным капотом еще один бронетранспортер. Третий, так уж выходит. И почти сразу же крутанулся на месте, напороввшись на бронебойный снаряд, «тридцать пятый». Прежде чем Серышев успел порадоваться меткости своих бойцов, уцелевшие фашистские танки – единственный целый и его собственный «подранок», итого полтора, так сказать, – врубили задний ход, торопливо отступая. Экипаж подбитого, видимо, не рискуя и дальше испытывать судьбу, бросил бронемашину, спасаясь бегством. Следом отступили и пехотинцы – грамотно, нужно сказать, отошли. Небольшими группами, прикрывая друг друга, двигаясь короткими перебежками. Пулеметные расчеты снялись с места последними, до последнего прикрывая огнем отход боевых камрадов.

Неожиданная, как изначально планировал противник, атака захлебнулась.

Старший лейтенант Зигфрид Граберт, командир сводной диверсионной группы 8-й роты Lehrregiment «Brandenburg» z. b.V. 800, в начале атаки находившийся в идущем в авангарде танке, погиб мгновенно во время детонации боеприпасов. В том самом LT-38, что первым же выстрелом сжег младший лейтенант автобронетанковых войск РККА Василий Серышев...

А по мостовому настилу уже двигалась, заставляя мелко содрогаться несущие конструкции, четверка тридцатитонных Т-28Э, броня которых была густо облеплена советскими пехотинцами. Держаться красноармейцам было сложно, поручней на броне конструкторы не предусмотрели, приходилось цепляться за рым-болты башни и хитрым образом заведенные вдоль бортов буксировочные тросы. Позади, отстав на полсотню метров, пылили несколько полуторок с противотанковыми

сорокапятками на прицепе и угловатый санитарный автобус – комдив распорядился немедленно эвакуировать с передовой раненых. Еще пара тентованных грузовиков остановилась, не заезжая на мост, и спешившиеся бойцы начали торопливо выгружать из кузовов зеленые ящики и какие-то брезентовые мешки. Капитан Изварин, командир отдельного саперного батальона, приступил к минированию переправы. Вторая группа саперов, подготовив к взрыву Ивановскую дамбу, разделилась, скрытно двинувшись в обе стороны от моста. Им предстояло заминировать берег возле трех известных разведке бродов. Теоретически вражеская техника через реку переправиться не могла, а вот пехота – вполне. Потому стоило подстражоваться.

Откинув створку люка, младлей осторожно высунулся из башни. Не для того, чтобы осмотреться – все, что нужно, он и так увидел – просто глотнуть хоть немного свежего воздуха, после душной полутишины боевого отделения кажущегося бодрящим, словно родниковая вода. И инстинктивно втянул голову в плечи, когда низко над рекой пронеслась, звеня моторами, пара самолетов. Восходящее солнце высветило алые пятиконечные звезды на ярко-голубых плоскостях, и Василий расслабленно выдохнул: «наши»...

Глава 8

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

Выслушав доклад комбрига, Кобрин кивнул:

– Для начала неплохо, благодарю. Но особенно не обольщайтесь, пока мы только диверсантам по носу щелкнули. Настоящий бой начнется, когда к мосту подойдет группа полковника Руза в полном составе, не говоря уж об основных силах танковой дивизии. Вот тогда придется всерьез повоевать.

– Справимся, товарищ полковник, для того мы здесь и находимся. – На сей раз Латышев был абсолютно серьезен, ни малейшего намека на улыбку. – План я ваш уяснил, разрешите выполнять?

– Выполняйте. Самое главное – постоянное координирование действий с дивизией. Работать только вместе, *исключительно вместе*, любые отклонения от плана, даже самые незначительные, – согласовывать. Без поддержки пехоты ваши машины просто пожгут – артиллерии у противника достаточно, в том числе и противотанковой. Докладывать регулярно, радиостанции у вас имеются. Это понятно?

– Так точно.

– Свободны, товарищ подполковник.

Дождавшись, пока танкист покинет помещение штаба, Сергей оглядел стоящих вокруг стола подчиненных:

– Ну что ж, товарищи командиры, боевая задача, полагаю, ясна? Добро, тогда работаем. Относительно связи все слышали? Немцы оттого и воюют успешно, что связью пользоваться на все сто процентов умеют, а мы чем хуже? Прошу уделить этому вопросу особое внимание! Вопросы? Нет? Тогда тоже все свободны.

Махнув начштаба рукой – мол, погоди еще минутку, Кобрин подозревал адъютанта:

– Костя, что насчет штурмовиков выяснил?

– Ничего особенного, товарищ полковник. Есть на аэродроме четыре «Чаечки»^[17], но боекомплекта – всего на один вылет с неполной загрузкой. Эрэсов по четыре штуки на борт, бомб тоже маловато. Зато готовы поднять по первому требованию. Да, чуть не забыл, летуны просили передать, что у них имеется несколько контейнеров с ампулами АЖ-2, предлагают тоже использовать.

– Ну, хоть что-то, – задумчиво протянул Сергей. – Так, стоп, что ты сказал? АЖ-2 – это которые с жидкостью КС^[18] внутри, что ли? Те самые, что для ампулометов разрабатывались?

– Не знаю точно, – стушевался капитан. – Мне просто сказали: против бронетехники и живой силы имеются зажигательные ампулы. А я их, честно говоря, и в глаза не видал. Ну да, вы правы, там еще буквы КС в названии были, я точно запомнил.

– Ладно, будем иметь в виду, авось пригодится. Фриц – существо европейское, суть психически глубокоранимое, и потому к штурмовке с воздуха относится с большой опаской. Очень сильно они не любят, когда не они, а их с землей мешают. Комплекс «а нас-то за что?» одним словом. Так что, глядишь, и неполного боекомплекта хватит, чтобы они в форменные штаны качественно наложили. Особенно ежели сверху фосфором в керосинчике полить.

Не сдержавшись, Завьялов громко прыснул, тут же вытянувшись по стойке смирно:

– Виноват, тарщ полковник, не сдержался. Больше не повторится.

– Пока свободен, – сам с трудом сдерживая улыбку, скомандовал Кобрин. – Кстати, узнай заодно, что там касаемо завтрака.

– Слушаюсь.

Отпустив капитана, постаравшегося со всей возможной скоростью оказаться на улице, комдив взглянул на Марусова:

– Ну что, Анатолий Петрович, вроде все? Воюем? Но пока еще тихо, давай-ка мы с тобой вот еще о чем покумекаем. В качестве запасного варианта, так сказать...

* * *

Мост через Лугу, западный берег, 12 августа 1941 года

Спустившись с моста, трехбашенные «двадцать восьмые» попарно разошлись по обе стороны подъездной дороги, занимая позиции. Доставленные на броне красноармейцы и подоспевшие следом саперы занялись не самым любимым во все времена существования сухопутных войск делом: окапыванием боевой техники и подготовкой позиций. Уж больно здоровенными казались угловатые туши средних танков. Да и почему, собственно, казались? Больше семи метров длиной, почти три – шириной, да еще и высота немногим меньше – два с половиной. Поди

зарой эдакую махинищу в землю-матушку по самую артиллерийскую башню! Особенно когда противник ведет постоянный беспокоящий огонь – не столько надеясь в кого-то попасть, сколько заставляя работать, согнувшись в три погибели. Хорошо хоть почва неподалеку от реки рыхлая, не иссущенная августовским зноем и оттого легко поддающаяся лезвиям саперных и пехотных лопат. Да и экипажи танков, и средних, и легких, помогали как могли, нащупывая позиции особенно ретивых стрелков и долбя по ним осколочными гранатами. После того как удалось поджечь очередной бронетранспортер, немцы не выдержали окончательно, отступив еще на полкилометра, за изгиб дороги. На простреливаемом участке остались только замаскировавшиеся наблюдатели.

Противотанкисты, отцепив от грузовиков орудия и сгрузив из кузовов боеприпасы (полуторки тут же ушли обратно, как и приказывал комдив, категорически запретив автотранспорту маячить на передовой), занимались тем же самым. С теми же самыми простыми русскими словами на устах пластая шанцевым инструментом прибрежную глину, ведь для окапывания всего одной сорокапятки нужно было выбрать порядка тридцати кубов грунта. А полковая семидесятишестимиллиметровка требовала позиции почти вдвое большего объема. Располагались пушки куда дальше от створа моста, почти у самой лесной опушки: с этой точки дорога просматривалась на добрых три сотни метров, а угол обстрела постепенно нарастал от сорока с небольшим градусов до «прямо в борт», ежели фашистские танки подойдут вплотную к переправе. Учитывая дистанцию, шансы уцелеть у бронемашин противника стремились к нулю – главное попасть. А промазать с такого расстояния сложно, ага...

Восстанавливать разрушенный попаданием вражеского снаряда ДЗОТ саперы не стали: особой роли пулеметная точка уже не играла, да и времени не оставалось. Лишь вытащили наружу по просьбе лейтенанта Величева тела павших бойцов, разобрав завал из обрушенного ударной волной перекрытия. Раненых – и из состава гарнизона охраны моста, и танкистов – отправили в Ивановское, под завязку загрузив санитарный автобус и один из грузовиков. Лейтенанту Величеву осмотревший его санинструктор тоже предложил эвакуироваться – «не уверен, тарщ командир, но у вас, возможно, небольшая контузия», – но тот с негодованием отказался. Что еще за чушь такая? С какого, спрашивается, перепугу ему вдруг в тыл драпать?! Подумаешь, пулей по коже чиркнуло да каской по башке стукнуло! Медик, впрочем, не настаивал – пожав плечами, наложил на голову повязку, чтобы остановить сочающуюся из рассеченного виска кровь, и отправился к другим раненым.

Танк младшего лейтенанта Серышева также превратился в неподвижную огневую точку: ремонтировать ходовую было некогда и нечем, тем более что обе гусеницы, и разбитая вражеским снарядом, и сброшенная при отступлении, так и остались в предполье. А на колесном ходу по неровному грунту особенно не покатаешься. Пересаживаться на другую машину Василий не стал: какой смысл? Орудие цело, снарядов в боеукладке полно. А командовать потерявшей два танка ротой он и отсюда может, все одно радиостанция только у него одного имеется. Вторую радиофицированную машину немцы спалили в последние минуты недолгого боя.

Раненый в руку – немецкая пуля навылет пробила бицепс, – мехвод отправляться в госпиталь отказался категорически. Поскольку в танке делать ему было нечего, он снял кормовой ДТ, до сего момента так ни разу и не выстреливший, уложил в вещмешок полдесятка патронных дисков и устроился в паре метров от танка: «ты, командир, воюй себе спокойно, а я прикрою. Ни один гад с гранатой не подползет». Поглядев на решительного танкиста, на руке которого белела свежая повязка, помогавшие окапывать бронемашину саперы за несколько минут оформили ему настоящую пулеметную позицию – с бруствером, упором для ноги и нишней для запасных дисков или ручных гранат.

Подготовиться успели как раз вовремя: из штаба дивизии сообщили, что, по данным авиаразведки, немцы находятся примерно в трех километрах от реки. И ждать атаки следует в течение ближайшего получаса. Чему младший лейтенант в душе только порадовался: помахав лопатой наравне с саперами, он ухитрился натереть на ладонях, казалось бы продубленных намертво въевшимся в кожу маслом и солярой до каменной твердости, серьезные мозоли. То ли дело в танке – верти себе штурвал поворота башни и маховички тонкой наводки да стреляй по противнику...

А чуть позже, запоздав всего-то минут на двадцать, забухали немецкие орудия: оба дивизиона 76-го артполка начали артобстрел, развернувшись буквально «с колес». Поскольку оставленные в виду моста наблюдатели не были профессиональными корректировщиками (а выкатывать орудия на открытое место фрицы, понятно дело, не стали), существенного успеха недолгий артналет не имел. Осколочно-фугасные гранаты старательно перепахали предполье, падая то с недолетом, то с перелетом; пара снарядов подняла из реки фонтаны воды и ила, хоть прицельно по мосту артиллеристы и не стреляли, боясь повредить переправу. Немцам удалось поджечь один из легких танков и повредить ходовую другому; несколько

снарядов угодило в траншеи, но на этом их успехи и закончились. Не успел ветер растянуть завесившую окопы и огневые позиции дымно-пыльную взвесь, как из-за плавного изгиба дороги показались танки – фашистские командиры прекрасно понимали, что артобстрел не увенчался особым успехом, и стремились как можно скорее развить наступление.

Подошедшая к Луге кампфгруппа полковника Руза вступила в бой.

А в трех километрах восточнее который час в авральном порядке продолжались фортификационные работы. Село Ивановское превращалось в форпост обороны, сдавать который комдив не собирался ни при каких обстоятельствах. Отступать дальше категорически нельзя – изменившаяся история не для того предоставила этот шанс, чтобы не реализовать его в полной мере. На ЭТОТ РАЗ противник должен надолго остановиться перед «воротами Ленинграда», а в идеале – вовсе не суметь через них пройти. И сейчас у Кобрина имелись все шансы этого добиться...

Дивизия зарывалась в землю и подтягивала тылы. Занимал позиции вокруг Ивановского отдельный зенитный дивизион, готовясь прикрыть товарищем от немецких авианалетов. Из поселка эвакуировались последние жители – поначалу оказалось много несогласных, но в своем решении комдив был непреклонен, поскольку прекрасно понимал, что после нескольких дней боев он, скорее всего, перестанет существовать в качестве населенного пункта, оставшись лишь обозначением на довоенных картах. К проведению разъяснительных бесед с местными и организации вывода людей он подключил политотдел в полном составе, заодно озадачив и особистов – для пущей серьезности... и вообще. Пусть местные только попробуют спорить, особенно после озвученного приказа при неповиновении применять силу! Позже поймут, что все делалось ради их же собственного спасения. Так и не успевший полностью развернуться медсанбат тоже отходил подальше от линии фронта – Сергей не собирался рисковать ранеными и медперсоналом. В пригородах поселка оставались лишь пункты первой медицинской помощи и кое-какой транспорт для эвакуации раненых. Конечно, у него достаточно сил, чтобы не допустить неожиданного прорыва гитлеровцев в наш тыл – уж больноочно запали в память жуткие кадры архивных фото, запечатлевших чудовищные зверства, творимые фашистами в захваченных госпиталях...

Одновременно вдоль магистрального шоссе, вокруг самого села и даже на его территории создавалась сеть противотанковых опорных пунктов, перекрывавших наиболее важные участки местности. Кобрин снова форсировал события: хоть подобная схема противотанковой обороны

была известна в РККА еще с осени сорок первого – зимы сорок второго, в реальности ПТОПы стали массово применяться только в 1943 году, в частности во время Курской битвы. Особенностью их было расположение позиций ПТО на небольшом, не более восьмисот метров, расстоянии друг от друга. При этом орудия могли вести огонь не только по фронту, как при линейном размещении, а в разных направлениях, в то же время находясь в огневой связи с соседями и взаимно перекрывая друг другу сектора обстрела. При попытке противника вклиниваться между двумя соседними группами орудий танки попадали под кинжаленный огонь в борт. Помимо собственно артиллерии гарнизон ПТОП вооружался и противотанковыми ружьями, достаточно эффективными против не только легкобронированной техники, но и танков. В реальной истории, впервые столкнувшись с новой системой советской обороны, гитлеровцы весьма высоко оценили ее эффективность, присвоив ей название Pakfront, от немецкого обозначения противотанковой пушки^[19]. Правда, окружающий ландшафт не позволял реализовать в полном объеме все преимущества ПТОП: окрестности Луги – не белгородские или курские степи. Вести огонь сразу в три стороны вряд ли получится – слишком узкое дефиле, зажатое между лесом и болотистыми участками, но комдив все равно надеялся преподнести противнику весьма неожиданный сюрприз...

* * *

Разведгруппа «Луга-3», 12–13 августа 1941 года

Иди по лесу, даже заболоченному, достаточно легко. В том случае, если ты грибник, охотник или просто вышел в туристический поход. Но когда за плечами у тебя под завязку набитый взрывчаткой и боеприпасами вещмешок, шею оттягивает автомат, а двигаться при всем этом нужно максимально тихо, поскольку в любой момент можно встретиться с противником, даже небольшой переход предстает совсем в другом свете. Первые пару часов пролетают незаметно – в крови еще бурлит адреналин, выброшенный при получении боевого приказа, и передвигаться вовсе не сложно. Но дальше и сидор, и оружие с каждым пройденным километром становятся все тяжелее, лямки и ремни все сильнее врезаются в плечи, и все труднее выдерживать заданный темп, поднимаясь на гудящие ноги после очередного привала. Но останавливаться нельзя, никак невозможно. За световой день нужно удалиться от линии фронта как можно дальше и

уже там, в глубоком вражеском тылу, приступить к тому, ради чего их и отправили в рейд.

Их – это четыре разведгруппы, по десять бойцов в каждой. Четкого, «от сих до сих», задания комбат Гареев, к немалому удивлению командиров, не ставил. Но боевая задача тем не менее оказалась ясна, как никогда. Глубокая разведка и диверсионные мероприятия в тылу противника, имеющие целью максимально усложнить тыловое снабжение его частей на передовой. Потому и перли на горбу столько тротила, словно собирались разнести в пыль тот самый мост через Лугу, к которому так стремился фашист. Пока светло – наблюдать, замечать, фиксировать, при обнаружении чего-то особо важного – немедленно информировать штаб. А ночью, после недолгого отдыха, начнется совсем иная работа...

– Все, мужики, шабаш. Привал, – хрюплю выдохнул младший лейтенант Конышев, подавая пример и первым сбрасывая лямки вещмешка. Прислонив автомат к комлю, Анатолий устало пошевелил плечами, разминая затекшие мышцы, сделал руками несколько упражнений, разгоняя кровь.

– Отдыхаем долго, целых полчаса. Оправиться, перекусить, портянки перемотать, кому нужно. И вообще, ноги беречь как зеницу ока! Серый, Влад – пробежаться по округе, затем в охранение, через пятнадцать минут сменим. Все, не теряем времени. Вода тут есть, перед выходом наполнить фляжки.

Просить себя дважды разведчики не заставили, освобождаясь от груза и разбредаясь по крохотной полянке, неподалеку от которой журчал небольшой ручеек. Рассевшись под деревьями, с наслаждением вытянули гудящие ноги, вскрыли ножами банки с тушенкой, по одной на двоих, щедро наваливая консервированное мясо на сухари.

Раскрыв на коленях планшетку, младший сверился с картой, убеждаясь, что группа не отклонилась от курса. Собственно говоря, никакой сложности в ориентировании не было: главное – от дороги значительно не удаляться. Но и постоянно двигаться вдоль нее тоже опасно, немцы вполне могли озадачиться собственной разведкой – только не хватало напороться и нашуметь. Отбиться б наверняка отбились, но задание провалили: диверсант любит тишину. А тот, кто этого правила не придерживается, или плохой диверсант, или мертвый диверсант. Правда, до этого задания именно диверсантами им бывать не приходилось, но, как выразился товарищ майор, все когда-то приходится делать впервые...

– Держи, командир. – Благодарно кивнув товарищу, Толик захлопнул полевую сумку и взял протянутый «бутерброд», разом откусив добрую

половину. Захрустел размякшим от жира сухарем. Прожевав, запил согревшейся, затхло пахнущей флягой водой – ничего, перед выходом наберет из ручья свежей, холодненькой. Которую прямо сейчас, взмыленному после многокилометрового марш-броска, пить категорически нельзя – опасно. Во время глубокого рейда болезни не предусмотрены: только ранения, да и то нежелательно, ага...

Отдохнув и замаскировав следы привала, разведчики продолжили путь. День понемногу клонился к вечеру, часа через два начнут сгущаться сумерки, и оставшееся время стоило использовать с толком. Шли параллельно шоссе, примерно в километре – если прислушаться, можно уловить далекий гул едущей техники. С наступлением темноты интенсивность движения снизится: ночью фашист ездить не любит, стараясь успеть засветло. Вот тогда и настанет черед той самой ночной работы. Поскольку места, которые противник может выбрать для ночной стоянки как наиболее удобные и безопасные, на карте были отмечены заранее. К одному из них и двигалась на пределе своих возможностей разведывательно-диверсионная группа с позывным «Луга-три». Атаковать боевые подразделения они не собирались, по крайней мере пока не подвернется беспроигрышный вариант – не тот расклад сил. Интересовали именно тыловики, те, кто следует за войсками, доставляя к передовой горючее и боеприпасы. Эти точно ночью никуда не поедут – спешить им пока некуда. Да и с дисциплиной у них, как правило, похуже, потому есть все шансы подловить, устроив диверсию. Ближе к утру, когда даже самым ответственным и подозрительным часовым захочется спать, а скорый рассвет подарит обманчивое ощущение безопасности... Главное, чтобы подвернулась подходящая возможность, а уж использовать ее бойцы сумеют, обязаны суметь...

Возможность подвернулась к наступлению сумерек, когда группа вышла к крохотной деревеньке, скорее хутору из четырех подворий, где расположилась на постой колонна немецких заправщиков. Существенным плюсом деревни с точки зрения немцев было близкое, не больше полукилометра, расположение к шоссе. И полное отсутствие местных жителей, то ли эвакуировавшихся, то ли спрятавшихся в лесу, когда мимо двинулись части танковой дивизии. Уже неплохо, значит, не придется решать вопросы с местным населением, от которого никогда не знаешь, чего ожидать. Жаль только, что, уходя, русские унтерменьши забрали с собой живность, значит, не удастся ничего присовокупить к вечернему пайку. Еще и этот самый лес подступает к самой окопице, что требует дополнительной охраны, да и автомашины пришлось расположить излишне

скученно, частично на небольшом выгоне, частично просто вдоль обочин узкой подъездной дороги. С другой стороны, чего бояться? Партизан тут нет, а если бы и были, не рискнут сунуться на пулеметы, которых на сопровождавшем колонну бронетранспортере целых две штуки.

Понаблюдав за погруженным в темноту хутором, Конышев убедился, что существенных сложностей, пожалуй, не предвидится – главное, одновременно нейтрализовать пулеметы и часовых. Водители, судя по всему, расположились в трех дальних избах, двое сопровождавших колонну офицеров – в четвертой, возле крыльца которой выставили отдельный пост. Там же, возле самого крыльца, припарковалась и командирская машина, совсем небольшая, с брезентовой крышей и колесом на капоте. Если атаковать грамотно, даже взрывчатка не понадобится, машины достаточно просто поджечь, остальное доделают тесно стоящие в кузовах бочки с топливом и маслом. На выкрашенных темно-серой краской бортах – крупные буквы «В» или «В и. Г», более мелко – «Feuergefährlich. Rauchen verboten!»^[20]. Насчет букв Конышев не понял, предположив, что заглавное «В» может означать «бензин»; другую надпись более-менее перевел: что-то типа «огнеопасно» и запрета на курение. Тот факт, что в составе колонны не оказалось ни одной автоцистерны^[21], только самые обыкновенные грузовики с накрытыми брезентом бочками и канистрами в кузовах, младлея немало удивил. Это что же, у фашистов нормальных заправщиков, как в дивизии, не хватает, так выходит? Оттого и взят ГСМ в бочках? Видимо, так и есть: ручками горючее в баки танков качают, ручками...

Кстати, хорошо, что нет местных жителей, иначе пришлось бы работать осторожно, чтобы не пострадали гражданские. А в том, что жители оставили поселение, Толик нисколько не сомневался: сам родился и вырос в глухой деревне, всего-то на пару дворов побольше, чем эта, так что разбирается. Двери хозпостроек распахнуты настежь, ни скота, ни даже кур не видно. На выезде с хутора – просевшая передком телега, какое-то тряпье вокруг. Видимо, лопнула ось, вот и пришлось бросить, поскольку эвакуировались в спешке, не было времени чинить. Лошадь, понятно, выпрягли да ушли поскорее. Воду из колодца немцы тоже самостоятельно таскают – останься в деревне кто из жителей, наверняка заставили бы их. А самое главное – нет ни одной собаки, а без собак в деревне никак, это каждый знает...

Оставив двоих наблюдателей, младший лейтенант отвел группу метров на триста обратно в лес. После ходового дня необходимо как следует отдохнуть, поскольку после нападения на заправщики спать уж

точно не придется – придется уходить, и как можно скорее. Вряд ли их станут преследовать – пока разберутся, отчего именно полыхнул бензин, группа будет уже далеко, но осторожность не помешает. Сам Конышев нормально заснуть, как ни старался, так и не сумел. Сначала бесконечно прокручивал в уме детали предстоящей операции, пытаясь отыскать в собственном плане ошибки и недоработки. А как иначе? Раньше ему ничего подобного ни планировать, ни тем более делать не доводилось, глупо будет оплошать... Ну а после – просто не мог уснуть. Так и лежал, мысленно злясь на самого себя и глядя на далекие равнодушные звезды, видимые сквозь разрывы ветвей над головой. Звезды никакого интереса в ответ не проявляли, отсчитывая время неспешным движением по небосводу. Незадолго до назначенного срока побудки Конышев все же отключился, от силы на полчаса провалившись в темный омут тревожного полуслна-полуяви. Вроде бы и спал, но при этом слышал все, происходящее вокруг. И практически тут же пришел в себя, разбуженный осторожным касанием к плечу:

– Командир, время. Через час светать начнет, пора...

Взяв сонных часовых в ножи – нападения немцы и на самом деле не ожидали, так что сигнал тревоги никто из них подать не успел, разведчики разделились, бесшумными тенями разойдясь по поселку. Одна группа двинулась к избам, вторая к бронетранспортеру, третья прикрывала. Подсаженные товарищами, двое бойцов атаковали броневик с противоположных бортов. Задремавший стрелок курсового пулемета не успел ничего понять, когда лезвие НР-40 чиркнуло ему по горлу позади ремешка каски. Другой, с унтер-офицерскими лычками, оказался опытнее (или просто не спал), успев отпихнуть локтем навалившегося противника, в темноте промахнувшегося ножом мимо цели. За пулемет он хвататься не стал, прекрасно понимая, что это его не спасет, наоборот, отнимет лишнюю секунду, и дернул откуда-то с лавки автомат. Разведчик наотмашь рубанул клинком, целя чуть ниже белеющего пятна вражеского лица. Но лезвие лишь металлически скрежетнуло по корпусу подставленного под удар оружия, сорвавшись в сторону. Ах ты ж, гад...

– Alarm! – Крик вышел хриплым, и с десятка метров не расслышишь.

– Н-на! – Сдавленно хэнкнув, разведчик нанес ножом прямой удар в грудь, добавил коленом, отбрасывая врага к самому борту.

Перед смертью немец успел-таки дотянуться до спускового крючка, и автомат коротко рыкнул, ослепив обоих противников. В последний миг боец успел подбить ствол локтем, и очередь ушла в небо. Выпустив оружие, фашист грузно осел на сиденье и больше уже не двигался; из

уголка рта потянулась кажущаяся черной ниточка крови. Впрочем, это уже не имело ровным счетом никакого значения и ничего не могло изменить. По всполошившимся немцам, полуодетыми выскакивающим из домов, затарахтели пистолеты-пулеметы и карабины разведчиков. Гулко бухнула, вышибая оконные стекла, парочка гранат. Сопротивления гитлеровцы, ошеломленные внезапностью нападения, практически не оказывали, успев неприцельно пальнуть в ответ буквально несколько раз. Да и чему удивляться: не боевая ведь часть, одно слово, тыловики. Немногих уцелевших добивали сразу – оставлять свидетелей ночной атаки было нельзя.

Не теряя ни секунды, захватившие бронетранспортер разведчики развернули оба МГ-34, длинными очередями проходясь по бортам автомашин. Пулеметные пули с легкостью прошивали доски и стоящие впритык друг к другу бочки, сразу по несколько, на излете выбивая щепу с противоположной стороны. Часть патронов в лентах оказалась трассирующими, и грузовики начали загораться, превращаясь в многометровые огненные факелы: сначала один, затем другой, третий... Неверный, мечущийся свет залил окружающую местность. Вытекающий из пробитых пулями или лопнувших от температуры бочек бензин огненными потоками рукотворной лавы растекался по земле, поджигая все новые машины. Стоящие в отдалении заправщики подрывали ручными гранатами – взрыва всего одной вполне хватало, чтобы поджечь несколько бочек, остальное доделывало мгновенно полыхнувшее горючее. Спустя буквально пять минут стоянка превратилась в огненный ад, и младший лейтенант дал приказ отходить – находиться здесь и дальше становилось просто небезопасно, поскольку раскалившиеся в огне емкости взрывались в одной им известной последовательности. Трофеев практически не было, лишь пару захваченных в сгоревшем броневике автоматов, пистолет убитого офицера, бросить который у Конышева, что называется, рука не поднялась, да с десяток гранат взамен израсходованных.

Спустя полтора часа, удалившись километров на пять от места боя, разведгруппа остановилась на короткий привал. Как раз подошло время очередного сеанса связи, и в эфир полетел кодированный радиосигнал:

«Луга-3» – «Нева». В квадрате 59–73 уничтожена колонна транспортировщиков топлива в составе 14 единиц автотехники, пулеметного бронетранспортера и командирской машины. Потерь не имею, продолжаю выполнение задания. Связь по плану. Конец связи».

Интерлюдия 3

Москва, Кремль, август 1941 года

Несмотря на буквально излучаемый хозяином высокого кабинета скепсис, Лаврентий Павлович прекрасно понимал, что ни одно произнесенное им слово не пропадает втуне. Вождь просто не умел слушать вполуха, воспринимая любую доводимую до него информацию от и до, как говорится. Но вот какие именно выводы он из нее сделает – большой вопрос...

Остановившись подле выходящего во внутренний двор окна, Сталин несколько секунд стоял, сдвинув в сторону тяжелую портьеру и что-то изучая снаружи. Или, что вернее, делая вид, что изучает. Затем произнес, не оборачиваясь:

– Пока ты меня не убедил, Лаврентий. Сам ведь знаешь, как я отношусь к подобной, – Иосиф Виссарионович помедлил, подбирая подходящее слово, – антинаучной фантастике. Какая-то, понимаешь ли, машина времени, про которую еще господин Уэллс писал. Ну, так он много о чем писал, если мне память не изменяет. Может, и про марсиан тебе этот лейтенант тоже рассказывал?

Говорили на грузинском, как частенько и случалось, когда разговор касался особенно деликатных вопросов.

– Про марсиан точно не рассказывал, – внутренне усмехнувшись, ответил Берия. То, что вождь шутит – это хорошо. Уж больно тема сегодня... необычная. Да что там необычная? Скорее выходящая за все возможные и невозможные рамки.

Вождь неторопливо прошелся к рабочему столу, уселся в кресло. Задумчиво побарабанил кончиками пальцев по столешнице, покрытой зеленым сукном, зачем-то переложил с места на место несколько листков:

– Хорошо, оставим марсиан в покое. Сам ты, насколько я понял, в рассказе этого Зыкина не сомневаешься, так?

– Именно так, товарищ Сталин. Не сомневаюсь. Такое не выдумаешь. Да и психотип полностью соответствует. Как минимум сам он нисколько в своих словах не сомневается. Как и в том, что капитан Кобрин и на самом деле прибыл из далекого будущего.

– Почему – спрашивать не стану, тебе видней. Человек ты опытный, разберешься. Доклад твой я прочитал. Не сомневайся... очень внимательно прочитал. – Вождь едва заметно усмехнулся самыми краешками губ: мол, оцени шутку, товарищ народный комиссар, неужели товарищ Сталин может читать что-то невнимательно? – Даже пометки на полях делал, знаешь, как я привык?

Шутку Лаврентий Павлович, разумеется, оценил, хоть вида и не подал.

– Ладно, Лаврентий, давай ненадолго допустим, что все это и на самом деле правда. Значит, ты объясняешь происходящее на фронте именно действиями этих... гостей из будущего? Они так хорошо умеют сражаться? Лучше наших кадровых командиров? Я имею в виду несоответствия рассказа Зыкина с тем, о чем нам сообщают с передовой?

– Не совсем так, товарищ Сталин. Не лучше. Да и не в том дело.

– Поясни? – Хозяин кабинета раздраженно дернул ладонью.

– Сейчас, – кивнул наркомвнудел. – Так вот, мое мнение таково: этот самый Кобрин просто подталкивает в нужный момент наших бойцов и командиров, подсказывает, как правильно поступить, ведет за собой и остегает от ошибок, которые были совершены, гм, в ином варианте развития событий. Все остальное делают исключительно наши люди, простые красноармейцы. Воюют они, и только они. Героически воюют. Просто... порой им не хватает грамотного командования, а их командирам – знания реальной обстановки на фронте.

– «Ином варианте» – это как в рассказе твоего лейтенанта? – оставил без внимания несколько последних фраз Берии (что, впрочем, отнюдь не означало, будто он не обратил на сказанное внимания – еще как обратил, ага), хмыкнул Иосиф Виссарионович. – То, что произошло бы, не появись у нас гость из будущего? Ладно, не отвечай, я понял. Давай дальше.

– Гости, Иосиф Виссарионович...

– Даже так? – Вождь с искренним удивлением изогнул бровь. – Во множественном, значит, числе? Давай подробнее.

– Согласно моей информации речь все-таки идет именно о НЕСКОЛЬКИХ «гостях», появившихся в нашем времени, а не об одном-единственном человеке. Просто этот Кобрин, скажем так, добился наиболее заметных успехов. Поэтому я и докладываю в основном о нем. Проверка остальных... фактов еще проводится моими людьми. Пока твердо установлено только одно – в ночь на двадцать второе еще несколько командиров нарушили приказ и подняли батальоны ДО немецкого нападения. Правда, не всем из них удалось всерьез замедлить продвижение противника, к исходу первых-вторых суток боев фашистам удалось подавить сопротивление и восстановить темп наступления. Кроме того, некоторые из этих командиров погибли. Но все эти случаи объединяет одно: потеря памяти. Практически полная ретроградная амнезия. Они прекрасно помнят все, что происходило до 22 июня, – и ничего из более поздних событий.

– Возможно, контузия? – предположил Иосиф Виссарионович.

– Допускаю, как вариант. Но не у всех же одновременно...

– Хорошо, когда узнаешь подробности – докладывать немедленно. Подробно. Давай дальше про этого Кобрина.

– Мне кажется, что Кобрина не зря отправляют в ключевые, так сказать, моменты. Своими действиями в июне он предотвратил два котла, грозивших нашим войскам колоссальными потерями в людях и технике и существенно упрощавших противнику наступление. Затем помог удержать Смоленск – если сравнивать с информацией Зыкина, мы выиграли как минимум месяц. По сути, гитлеровским планам молниеносной войны конец. Мы бы и сами справились, причем приблизительно в те же сроки, но так получилось, гм, быстрее, что ли? И с куда меньшими потерями для нас. Ну а затем Ленинград, Лужский рубеж. Тут и вовсе страшно представить, чего бы нам стоила почти трехлетняя блокада.

– Хочешь сказать, что наши... – Сталин замялся, но все же произнес, видимо, не слишком нравящееся ему слово:

– Потомки неожиданно решили нам помочь? Помочь после того, как развалили страну, разрушили и просрали все, что мы с таким трудом, кровью и потом собирали столько лет, и с потрохами продались капиталистам? Какое-то странное решение, не считаешь?

– Наоборот. С моей точки зрения вовсе не странное.

– Полагаешь, они одумались? И теперь пытаются все исправить? Так что-то поздновато спохватились. Сколько там времени прошло – двести лет, триста?

– Возможно, – неопределенно кивнул Берия. – Тут полной ясности пока нет. Этот Кобрин лейтенанту Зыкину странную фразу сказал – мол, он здесь не только, чтобы нам помочь, но и себя проверить. Мне не совсем понятно, что имелось в виду. А что поздно спохватились? Допустим, они решили предпринять попытку изменить собственное прошлое, как только уровень их науки позволил, гм, эти самые путешествия во времени. Может, они и раньше были не против вмешаться, но не могли. Не имелось, так сказать, технической возможности.

– А сейчас, значит, смогли?

– Вероятно, да. Это исключительно мое умозаключение, товарищ Сталин, но оно, тем не менее, основано на известных нам фактах. Пока неподтвержденных, умозрительных, но мы работаем, проверяем.

В кабинете повисло долгое молчание. Иосиф Виссарионович, словно потеряв к собеседнику всякий интерес, занялся трубкой, до того лежащей на краю массивной хрустальной пепельницы. Берия не торопил события, прекрасно зная, что это время нужно вождю на обдумывание услышанного.

Закурив и сделав несколько затяжек, Сталин снова заговорил:

– Допустим и это. Пока допустим. Что ты предполагаешь делать дальше?

– То, что я и излагал в докладе. Вторая фаза операции. Условное название – «мозг». Мы ведь по-прежнему практически ничего не знаем про этого Кобрина. Возможно, это даст нам больше информации. Зыкин запомнил многое, очень многое, но определенно не все, что может нас интересовать. Да и Кобрин практически наверняка не собирался ему рассказывать ВСЕГО. Сейчас же у нас, вполне вероятно, появится шанс получить ПОЛНУЮ информацию о будущем. «Предупрежден – значит, вооружен», как древние говорили.

– Да, я читал, – привычно морщась от табачного дыма, кивнул вождь. – Кстати, а этот твой Зыкин в курсе?

– Нет, – мотнул головой народный комиссар. – Непосредственно сейчас я не собираюсь ставить его в известность. Возможно, и вовсе не стану этого делать. Пусть набирает группу и работает. На оперативном, так сказать, уровне. Выявление объекта, имевшего контакт с гостем, сбор первичных сведений, работа с его окружением. Об остальном ему знать необязательно. Зыкин – твердый профессионал, но полевая работа – его предел. Собственно, он и про других «гостей» даже не подозревает, считая, что Кобрин единственный.

– Грамотно. Так и поступай. Впрочем, тебе виднее, если передумаешь – решай сам. Главное, контролируй, уж больно он много знает. Специалистов для второй фазы нашел?

– Нашел. Первый – ученик самого Бехтерева, один из врачей Владимира Ильича, заслуженный деятель наук. Он уже в Москве.

– Осипов^[22], помню, – кивнул собеседник, в который раз заставив Берию подивиться тому, сколько всевозможной и разносторонней информации он держит в голове.

– Именно. Меня твердо заверили, что лучшего спеца по неврологии и, главное, психиатрии не найти. Должен справиться. Второй – Бернард Кажинский^[23], тоже сотрудничал с Бехтеревым, Циолковским и даже, – Лаврентий Павлович коротко усмехнулся, – плотно общался с нашим известным писателем-фантастом Беляевым. Полагаю, может оказаться весьма полезным. Поиском других занимаются мои люди.

– Не знаю такого, – нахмурился Stalin. – Но любопытно, да. С писателем, говоришь, общался?

Вождь выдержал небольшую паузу, что-то обдумывая:

– Хорошо, Лаврентий, я тебя понял. Кстати, а сам ты уверен, что глубокий гипноз поможет в нашем, хм, *расследовании*?

– Думаю, полной уверенности тут быть просто не может, но шансы достаточно велики. Мы ведь не знаем, что именно происходит и как именно... – теперь помедлил, подбирая слова, уже наркомвнудел, – «гость» овладевает сознанием наших командиров. Но специалисты считают, что после его, гм, ухода в их памяти вполне могут остаться все его собственные воспоминания и знания. А это именно то, что нам нужно. Та самая поистине бесценная информация о будущем. Кстати, между собой они называют «гостя» донором, а Минаева и остальных – реципиентами. Это медицинские термины, вроде бы что-то из области переливания крови, если я правильно понял. Один отдает, другой принимает, или как-то так. Я не вдавался.

Иосиф Виссарионович ухмыльнулся в прокуренные усы:

– Не вдавался? Совсем на тебя не похоже. Шучу, конечно. Да, кстати, а что там с генералом Пядышевым? Ну, ты в курсе, о чем я.

Берия чуть помедлил, прежде чем ответить. Поправил пенсне:

– Арестовывать его особенно не за что. Да, числятся за ним грешки, высказывания эти, опять же. Ну а за кем их нет? Материал, разумеется, собран, но не вижу смысла. Пядышев – грамотный и опытный командир, его авторитет в войсках достаточно велик. Особенно теперь, когда удалось отстоять Ленинград. Да и про качество оборонительных сооружений Лужского рубежа бойцы высоко отзываются. Возможно, стоит провести с ним... беседу? Правда, товарищ Ворошилов...

– Климент пусть тебя не волнует, сам разберусь, – усмехнулся вождь. – Ладно, Лаврентий, работай. Это не значит, что я окончательно поверил всему этому, но проработать твою версию нужно досконально. Чтобы ни одного неразрешенного вопроса не осталось! Разумеется, не в ущерб всему остальному, ты знаешь, о чем я. Работы у тебя много, а заменить некем. Иди. Хочу немного подумать...

Глава 9

Лужский рубеж, 12 августа 1941 года

Возможно, полковник Эрхард Раус сильно хотел получить Рыцарский крест за захват позиций на Луге^[24] (о котором он, впрочем, пока даже понятия не имел по вполне понятным причинам). Возможно, просто не воспринял всерьез неудачу «бранденбургов» или недооценил силы защищавших мост русских – этого получавший данные с передовой практически в том самом недавно помянутом «режиме реального времени» Кобрин не знал. Но, как бы там ни было, Раус двинул вперед все имеющиеся у него силы, все еще надеясь с ходу захватить Ивановское и закрепиться на восточном берегу.

Фронтальная танковая атака при поддержке пехоты успеха не добилась: пока маневренные БТ имитировали встречный бой, короткими атаками и отходами завлекая противника в глубь наспех подготовленной обороны, наводчики ПТО и превращенных в огневые точки «двадцать восьмых» не спеша разобрали цели. И открыли огонь с дистанции гарантированного поражения. Потеряв в первые же минуты боя пять машин, немцы откатились назад... оставив в предполье еще три панцера. Тонкая броня чешских танков не могла противостоять ни снарядам сорокапяток, ни тем более семидесятишестимиллиметровых Л-10 средних танков – и те, и другие порой пробивали вражеские машины буквально навылет. Пехоте закрепиться тоже не удалось, тем более без поддержки брони это теряло всякий смысл.

Дождавшись, пока танки отойдут, снова заговорили немецкие пушки, пытаясь нащупать позиции противотанкистов и поразить вкопанные в землю Т-28. Но, как и в первый раз, без существенного успеха. Не удалось повредить ни одного танка, а пехотинцы переждали короткий артналет в окопах, отделавшись несколькими ранеными, которых тут же переправили на ту сторону. Зато в ответ из-за реки прилетело с полтора десятка крупнокалиберных осколочно-фугасных гранат – привет от одного из дивизионов гаубичного артполка.

Первые снаряды старательно перепахали поворот шоссе, буквально в клочья разнеся потерявший ход фашистский танк, в бою всего лишь потерявший гусеницу. Второй залп лег дальше – многометровые фонтаны поднялись над верхушками придорожных деревьев: корректировщик,

оседлавший одну из ажурных арок моста, старался, как мог. Несколько попаданий оказались весьма удачными. Близкие разрывы перевернули и подожгли пару бронетранспортеров, а один из последних «чемоданов», с журчанием пронесшийся над мостом, видимо, угодил в боекомплект немецкого орудия, поскольку на этот раз рвануло куда сильнее, и над лесом лениво поднялся здоровенный клуб темно-серого дыма. На этом «контрбатарейный» артналет закончился: Кобрин берег боеприпасы, прекрасно понимая, что вскоре, когда к реке подойдут основные силы ТД, они понадобятся куда как сильнее.

После короткой передышки фрицы атаковали снова. На этот раз под прикрытием минометных батарей, буквально засыпавших русские позиции минами. У наводчиков 8-см Granatwerfer 34 дело, к сожалению, пошло лучше, чем у стрелявших с закрытых позиций артиллеристов: миномет – не пушка и стреляет быстрее, и времени для развертывания нужно куда меньше, и огонь корректировать проще. Пока смертоносные чугунные капли с душераздирающим воем падали вниз, заставляя советских бойцов вжиматься в землю, и рвали осколками щиты противотанковых пушек, вперед двинулись танки. Мехводы выжимали из движков все возможное, пытаясь проскочить простреливаемый участок, прежде чем русские канониры успеют открыть прицельный огонь. Кроме того, часть мин оказалась дымовыми Wgr. 34 Nb., и клубы мутного серо-белого дыма затянули позиции, мешая наводчикам. Идущие с флангов бронемашины сразу же развернулись в сторону ПТО, намереваясь уничтожить их раньше, чем русские артиллеристы успеют выбить большую часть танков. Основная же часть вместе с пехотой двинулась по дороге и обеим обочинам прямиком к мосту.

И все же вторая попытка тоже серьезным успехом не увенчалась. Несмотря на дымовую завесу, добраться до линии окопов не удалось, хоть на этот раз они и продвинулись гораздо дальше. Стреляя с коротких остановок, немцам удалось подбить два БТ и повредить механизм поворота башни одному из Т-28. Несколько панцеров, укрываясь за дымом и корпусами подбитых товарищей, подавили огнем и гусеницами противотанковую батарею левого фланга, обслуга которой и без того понесла серьезные потери от минометного обстрела. Казалось, победа близка. Еще одно, последнее усилие – и проклятые Иваны дрогнут, не в силах и далее сдерживать неукротимый натиск немецкой брони. Приободрились и атакующие вместе с танками пехотинцы, с первых же минут боя отставшие от идущих на максимальной скорости боевых машин, а затем прижатые к земле пулеметами.

Но, как выяснилось буквально через полминуты, только казалось...

Командиры трех последних БТ, грамотно используя преимущество своих машин в скорости и маневренности, ударили оттуда, откуда фашисты опасности уже не ожидали – со стороны погибшей батареи. Пройдя вдоль кромки леса и смешавшись с вражескими танками, били с минимальных дистанций, практически в упор: в борт или корму. Промазать с такого расстояния было просто немыслимо, вот они и не промахивались. И тут же снова срывались с места, меняя позицию, прикрываясь от ответного огня только что подбитыми противниками. Наводчики «двадцать восьмых» и уцелевшие сорокапятки тоже вносили свою лепту, стреляя настолько быстро, насколько вообще возможно успеть перезарядиться и прицелиться. Стиснутое с флангов лесом, пересеченное рекой узкое дефиле занавешивалось все новыми и новыми столбами дыма – уже не серого, химического, от горящего дымсостава, а иссиня-черного, чадного, бензинового. Внезапно оказавшаяся в буквальном смысле под гусеницами пехота не выдержала первой – если от ружейно-пулеметного огня еще можно укрыться, вжимаясь в землю или прячась в складках местности, то как спастись от обезумевших *russische panzer*?! Того гляди, так в землю *вожмут*, что уже и не встанешь... А не попадешь под траки, так из пулемета достанут – от танка на ровной местности не убежишь, как ни старайся...

Не дожидаясь приказа, гитлеровцы начали отступать, где поодиночке, где сразу целыми группами. Передвигались кто ползком, кто короткими перебежками, надеясь успеть отыскать новое укрытие раньше, чем противник это заметит и перенесет огонь. Отходили организованно: доблестных солдат победоносного Вермахта ведь обучают не только атаковать, но и грамотно отступать. Временно, разумеется, исключительно для перегруппировки и подготовки новой атаки...

Вот только когда из-за реки вдруг захлопали минометы, на сей раз советские, хоть и схожего калибра, пехотинцы просто побежали, мгновенно позабыв про любой «организованный отход» и не дожидаясь, пока большевики успеют как следует пристреляться. Первые мины упали с перелетом, но опытные наводчики внесли поправку, и следующая серия легла точно по цели, поднимая на шоссе и по обочинам подсвеченные короткими всполохами дымно-пыльные кусты разрывов. После чего минометная батарея заработала с завидной скоростью, словно исполнская скорострельная пушка: когда взрывается, раскидывая комья земли и жужжащие иззубренные осколки, первая мина, вторая уже переваливает верхнюю точку баллистической кривой, а третья как раз скользит вниз по

стволу к жалу ударника...

Следом начали разворачиваться и уцелевшие танки. Тем более что отчаянные русские панцерманы, несмотря на свою безумную атаку ухитрившиеся не потерять ни одной из трех машин, с началом обстрела слаженно откатились назад, опасаясь попасть под собственные мины. Небезосновательно, как выяснилось, опасаясь: одна из мин воткнулась точнехонько позади башни Pz.Kpfw 35 (t), вызвав детонацию боекомплекта. Рвануло так, что клепаный корпус разошелся по швам, а саму башню отбросило на несколько метров. Следующая взорвалась в полуимetre от ходовой другого танка, сорвав гусеницу и продырявив осколками борт и внутренний бензобак. Экипажи обеих боевых машин погибли, один мгновенно, второй – пытаясь покинуть охваченный пламенем танк. Собственно, удивляться тут нечему: взрыв 82-мм осколочно-фугасной мины примерно равен по мощности артиллерийскому снаряду аналогичного калибра. Да и некому было удивляться...

Сдавленно выругавшись себе под нос, полковник Раус опустил бинокль и, опираясь на протянутую адъютантом руку, спрыгнул на землю с капота штабного бронеавтомобиля. Не глядя конкретно ни на кого из окружающих офицеров, буркнул, зная, тем не менее, что его услышат все, кому положено:

– Скомандовать отход. Немедленно. Иначе отходить уже будет некому...

Плюхнувшись на сиденье, покрытое вездесущей пылью, преследующей его буквально с первых дней войны и оттого успевшей надоест до печенок, излишне сильно лязгнул бронедверцей, обратившись к застывшему изваянию на своем месте шоферу:

– Поехали на КП, пока большевикам не пришло в голову снова пострелять из своих гаубиц. Впрочем, они и минами смогут достать, если захотят. Здесь мне пока делать нечего...

* * *

Выслушав очередной доклад с передовой, Кобрин усмехнулся:

– Ну что ж, товарищи командиры, с почином, так сказать! Судя по озвученным потерям в технике, герр Раус из игры практически выбыл. Одной пехотой и артиллерией ему мост не взять. Значит, будет покусывать, пока танки не закончатся, и дожидаться подхода основных сил. Но, к сожалению, расслабляться не только рано, но даже и преступно. Работаем.

– Товарищ комдив, разрешите? – подал голос подполковник Латышев.

– Конечно, Иван Ефимыч, слушаю внимательно. Есть предложения?

– Скорее вопрос. Из легких танков на ходу осталось три единицы, «двадцать восьмых» – столько же. У четвертого пушечную башню намертво заклинило, снаряд прямо под погон угодил да там и застрял. А от пулеметных башен в такой ситуации много ли толку? Может, им помочь, техники подкинуть?

Сергей помедлил с ответом – прокручивал в уме количество имеющихся в наличии танков, благо представление о подобном после прошлогоднего «Тренажера» имел более чем полное: как-никак сам бригадой командовал. Кивнул:

– А пожалуй. Отправьте туда еще роту легких танков, можно даже «двадцать шестых», БТ нам еще пригодятся. Поврежденные машины, пока заташье, эвакуировать, нечего им там делать. Это я про Т-28 и тот легкий, что гусеницы в бою растерял. Не немцам же оставлять, когда за реку отойдем, а бросать жалко. Кстати, как фамилия того младшего лейтенанта, что ухитрился вывести танк из боя на колесах?

– Младший лейтенант Серышев, комроты, – задумавшись лишь на миг, отрапортовал комбриг. – Также в этом бою его экипаж уничтожил как минимум один вражеский танк и бронетранспортер.

– Молодчина этот ваш Серышев! Полагаю, не каждый наш командир догадался бы так поступить. Следует его отметить, заслужил. И механика с заряжающим тоже, не самостоятельно ж он вторую гусеницу под пулями скидывал. Пишите представление на весь экипаж.

– Слушаюсь.

– Как у наших саперов дела, доложились?

– Мост подготовлен к уничтожению, заминированы все три опоры, дополнительные заряды размещены под пролетами, – четко доложил помощник начштаба майор Путейцев. – Капитан Изварин гарантирует, что восстановить будет невозможно, только новый строить. Ну, или понтоны наводить, ниже по течению. Дамба тоже подготовлена к взрыву. Заканчивают работы по минированию разведенных бродов. Правда, после этого ни мин, ни тротила не останется, все запасы выгребли.

– Добро, Игорь Иванович, порадовали. Пусть ждут команды до последнего, коль уж взрывать переправу, так вместе с немецкими танками, не так обидно. Костя, что там у летунов? Слышал, летал кто-то над головой?

– Так фрицы ж по инструкции воюют, как вы и говорили, тарщ полковник, – усмехнулся адъютант, с особым удовольствием вставив в речь

подслушанное у комдива словечко «фрицы», до того ни разу им не слышанное. – С полчаса назад послали авиаразведчика, но наши его перехватили да и того... приземлили, одним словом.

– Сбили?

– Так точно, где-то в лесу упал, километрах в пяти восточнее. Наблюдатели засекли взрыв. С парашютами никто не выбросился, не успели, видать. Или пулями в кабине посекло.

Капитан Завьялов выглядел таким довольным, словно собственоручно и ссадил с небосклона помянутый «костыль»^[25].

– Молодцы. Хорошо, держи связь с авиаторами, пусть будут готовы подняться в любой миг. Чувствуешь, скоро для них еще работа будет – немец без авиаподдержки воевать не привык, и герр Раус не исключение. Наверняка запросит помочь пикирующих бомбардировщиков, чтобы те вскрыли и пропахали бомбами оборону моста. Он ведь не в курсе, что серьезных сил у Поречья нет. Вот пусть наши соколы их встретят да потреплют как следует. Так и передай летунам.

– Слушаюсь, тарщ полковник.

Сергей взглянул на начштаба:

– Товарищ подполковник, если отбросить мелочи и прочие недоделки, мы в целом готовы встретить долгожданных гостей?

– Ну, ежели отбросить – то да, – твердо кивнул Марусов. – Хотя мелочи тоже важны. Особенно когда их немало...

– Ничего, немного времени у нас в наличии пока что есть, работайте. Согласно данным авиаразведки раньше вечера или даже ночи передовые части к переправе не подойдут, а остатки группы Рауса особой опасности уже не представляют, сдергим. Пусть возятся у моста, шансов у них все равно никаких. Главное только, чтобы они сами об этом раньше времени не догадались...

* * *

Разумеется, Кобрин оказался прав. Немедленно бросать в атаку остатки кампфгруппы полковник Раус не стал, связавшись с ближайшим аэродромом и вызвав авиаподдержку. Одновременно несколько наспех сформированных штурмовых групп двинулись через лес, намереваясь атаковать и захватить русские траншеи сразу после окончания авианалета. Не прошло и получаса, как в небе показались восемь «Юнкерсов». Самолеты, как и предписывала инструкция, шли на четырех с лишним

тысячах метров, откуда обычно и начинали бомбардировку, разгоняясь в пикировании до максимальной скорости. Сброс бомб происходил с высоты от тысячи до пятисот метров, после чего Ю-87 выходили из пике, идя на следующий заход или отворачивая в сторону аэродрома, если боекомплект подошел к концу. Никаких сомнений, что и сейчас все произойдет штатно, пилоты пикировщиков не испытывали: мост, согласно поступившим разведданным, собственной системы ПВО не имел. Значит, русские, как уже не раз бывало за два месяца войны, к отражению воздушного налета оказались не готовы. А огонь из стрелкового оружия бронированным машинам практически не страшен – да и попробуй попади! Собственно говоря, вот как раз мост бомбить и не следовало ни в коем случае, это полученный приказ оговаривал особо: переправа, открывающая прямую дорогу на Leningrad, была нужна подходящей к реке танковой дивизии. От пилотов же требовалось как следует проучить Иванов, неожиданно возомнивших, будто они сумеют остановить продвижение победоносного Вермахта. Ничего сложного, если так подумать. Рутина.

В нескольких километрах от цели бомбардировщики слаженно разделились на пары. Первые два пикировщика, врубив сирены, кувырнулись через крыло, устремляясь к цели. Четыре сорвавшиеся с пилонов внешней подвески фугасные бомбы вздыбили фонтаны земли в нескольких десятках метров от реки, накрыв край левого фланга окопов, а самолеты, разойдясь в стороны, начали набор высоты. Их место тут же заняла следующая пара. Вой сирен, короткий свист падающих бомб, гулкие удары взрывов, затянувший позиции дым. Все штатно, словно на учениях...

И в этот момент со стороны расположенного восточнее Ивановского часто застучали тридцатисемимиллиметровые скорострелки 61-К, пятная иссиня-голубое небо разлапистыми кляксами разрывов, похожими на грозовые тучи в миниатюре. Один из «Юнкерсов» первой пары, так и не успев набрать высоту, напоролся на прямое попадание, рассыпавшись в воздухе огненной гроздью обломков, второй успел уйти. Вторая пара рванула в сторону, сбивая русским наводчикам прицел: опытным пилотам уже приходилось сталкиваться с этими автоматическими зенитками, и рисковать почем зря «птенцы Геринга» вовсе не собирались. На четырех тысячах подбить «восемьдесят седьмой» крайне сложно, как и в пикировании. Но вот сразу после бомбометания, когда самолет идет на минимальной высоте, существенно потеряв в скорости, – более чем реально. Значит, нужно срочно менять план – разведка ошиблась, мост все-таки оказался прикрыт с воздуха. Конечно, до Ивановского больше двух

километров, но это по земле, а при стрельбе по воздушным целям подобное удаление вовсе не существенно – дальности хватит с избытком. Что русские зенитчики только что и продемонстрировали...

Два звена толстолобых краснозвездных истребителей появились словно из ниоткуда, набросившись на замешкавшиеся бомбардировщики сразу с нескольких сторон. Вот этого-то гитлеровские пилоты точно не ожидали. Нет, им доводили, что неподалеку от моста расположен вражеский аэродром. Да и о превосходстве в воздухе в последнюю неделю, честно говоря, можно было только мечтать – на этом участке фронта русские достаточно плотно прикрывали свои наземные части. И все же атака истребителей оказалась для них крайне неприятной неожиданностью. «Юнкерс-87» – отличный пикирующий бомбардировщик, равного которому у противника просто нет. Но против юркого перехватчика шансов у него немного. Особенно если его пилот не настолько глуп, чтобы подставляться под крыльевые пулеметы или атаковать со стороны задней полусферы, прикрытой MG-15 бортового стрелка. Русские летчики глупцами, разумеется, не были. И, максимально используя преимущества в скорости и маневренности, атаковали так, чтобы не попадать в прицел.

Двоих сбили практически сразу, в первые же минуты воздушного боя. Первый рухнул в реку, в километре от моста, другой взорвался в воздухе, добравшись до грунта в виде трех крупных фрагментов и множества мелких обломков. Третий «лаптежник», получив в двигатель очередь ШКАСа, задымил и отвалил в сторону, упав где-то в лесу. Остальные, окончательно сломав строй, вышли из боя, неприцельно сбросив бомбы и на форсаже уходя на свой аэродром. Под самый конец недолгого боя не повезло еще одному: пристроившийся в хвост «ишачок» прошел парой очередей фюзеляж и левую плоскость, видимо, повредив управление рулями высоты. Сбить не сбил, но летел бомбардировщик тяжело, неуверенно рыская из стороны в сторону. Глядишь, и грохнется где-нибудь...

Преследовать их не стали: противнику вовсе не стоило знать, что горючего и боеприпасов у И-16 было в обрез, максимум еще на два-три вылета, и когда пополнят запасы и того, и другого, никто из пилотов не имел ни малейшего понятия...

* * *

На этот раз немецкий артобстрел продлился куда дольше. Видимо,

вымещая злость за сорванный авиа-налет и погибших камрадов, фрицы непрерывно обстреливали позиции почти сорок минут, словно старались растратить все имеющиеся боеприпасы. Одновременно работали и пушки, и минометы: полковник Раус использовал всю имеющуюся в наличии огневую мощь. Не обошлось без серьезных потерь и в технике, и в живой силе. Прямыми попаданиями был уничтожен один из легких танков и повреждена ходовая другого; разбит двигатель Т-28 – осколочно-фугасный снаряд угодил точно в МТО. Прячущимся в наспех открытой щели танкистам удалось сразу же потушить вспыхнувший бензин, однако двигаться самостоятельно танк больше не мог, на буксире разве что. Потери среди пехоты и бойцов лейтенанта Величева оказались более значительными: окопы – не танк, с места не сдвинешь и броней не закроешь, а время на то, чтобы пристреляться, у фашистов имелось. Повезло еще, что в составе кампфгруппы не было гаубиц, только обычные полевые пушки калибром не более 75 миллиметров и минометы. Впрочем, мощности снарядов даже этих орудий более чем хватало, чтобы перемешивать с землей траншеи. Не уцелел и последний ДЗОТ, накрытый сразу двумя попаданиями. Сначала в полуเมตรе от амбразуры упала минометная мина, а буквально секундой спустя немецкий снаряд, пробив бревенчатый накат, взорвался внутри. Пулеметный расчет погиб мгновенно.

Накрывшие левый фланг авиабомбы унесли жизни пятерых бойцов, еще несколько человек были ранены и контужены. Впрочем, если бы не вовремя поднятые с аэродрома в Ястребино И-16, жертв оказалось бы несравненно больше. Расположенная неподалеку от опушки батарея ПТО тоже понесла потери, к счастью, не человеческие: сняв прицелы и заткнув ветошью стволы сорокапяток, чтобы близкими взрывами в них не набросало земли, артиллеристы с первыми же залпами укрылись в лесу. Вот только после окончания артналета оказалось, что уцелели всего две пушки из четырех – одну разбило прямым попаданием, другую перевернуло близким разрывом, искорежив ствол.

И в этот момент, не дожидаясь, пока ветер отнесет в сторону поднятую взрывами пыль и дым, с обоих флангов атаковали штурмовые группы, подобравшиеся по лесу под прикрытием артподготовки. Именно на эти группы полковник Раус и возлагал особую – или, скорее, последнюю – надежду: пока русские будут укрываться от мин и снарядов, пехотинцы сумеют подобраться если не к самой линии окопов, так хотя бы на расстояние одного-двух бросков до них. А уж остальное, когда они ворвутся в траншеи, окажется делом техники – захватывать

оборонительные позиции противника их учили, и учили хорошо. А чуть позже в атаку пойдет оставшаяся броня. Несколько предусмотрительно выставленных в зарослях заслонов снесли с ходу: грохот канонады надежно заглушил выстрелы и взрывы гранат, а серьезного сопротивления превосходящему противнику небольшие, по пять-семь человек, группы бойцов, вооруженных одними винтовками, оказать не могли. Путь к окопам линии обороны был открыт...

— Ах ты ж, м-мать твою за ногу! — Завидев непонятно откуда появившиеся силуэты немцев, лейтенант НКВД Павел Величев вскинул ППД. С гимнастерки и криво сидящей на голове каски сыпалась земля, ноздри забивали пыль и тухлая вонь сгоревшей взрывчатки — близкий взрыв почти обрушил окоп, щедро привалив укрывающихся в нем красноармейцев глиной и клочьями дерна. Откуда только взялись, сволочи?! Хотя, какие могут быть сомнения — из лесу вестимо, как классик русской литературы писал, со стороны которого и бегут, низко пригибаясь. Обошли-таки, падлы!

Автомат против ожидания — поди, знай, как он себя поведет после того удара? — не сплоховал. Приклад толкнулся в плечо дрожью отдачи, на срезе ствола запульсировал венчик белесого огня. Бегущий первым фриц несколько раз судорожно дернулся, складываясь в поясе. Второй пережил камрада буквально на пару секунд и несколько метров, боком завалившись на землю следом за ним. Неподалеку гулко затарахтел пулемет, строчка невысоких фонтанчиков пролегла между бруствером и атакующими гитлеровцами, заставляя их залечь. Забухали самозарядки и трехлинейки заметивших новую опасность бойцов. Плечом к плечу с командиром вел огонь опытный вояка Галкин, стреляя короткими, экономными очередями. Где-то хлопнула граната не пойми чья, над головой знакомо заныли пролетающие осколки. Упал еще один немец, остальные залегли. Ненадолго, впрочем: и десятка секунд не прошло, как они снова атаковали, где перебежками, где ползком приближаясь к желанной цели. Пули зло свистели над головой, с шорохом ударяли в бруствер, поднимая пыльные сultanчики. В нескольких метрах со стоном сполз вниз, выронив трехлинейку, один из красноармейцев. Сосед дернулся было помочь товарищу, но вовремя вспомнил, что отвлекаться смертельно опасно, и снова приник к прищелу СВТ, размеренно опустошая десятизарядный магазин.

«А ведь с этими придется самим справляться, тут ни танкисты, ни минометчики уже не помогут, — отстраненно подумал Павел, ловя в прицел очередного фашиста, видимо, второго номера пулеметного расчета —

карабин за спиной, в руках коробки с патронными лентами. – Интересно, а сам пулеметчик-то где? Успел залечь? Пристрелили?»

Тра-та-та-тах! – отозвался автомат, отплевываясь стрелянными гильзами, и немец, будто со всего разбегу наскочив на невидимую глазу преграду, ткнулся мордой в траву. А вот нечего тут бегать, разбегался, понимаешь ли...

– Командир, патроны береги! – прорвался сквозь грохот выстрелов неестественно спокойный голос старшины. – Не части, новых-то неоткуда взять...

Со всех сторон грохотали выстрелы, бухали гранаты, раздавались крики раненых и стоны умирающих. Добраться до линии окопов основной массе немцев все-таки не позволили, прижав огнем и закидав гранатами, которых оставалось все меньше и меньше, метрах в двадцати от бруствера. Но кое-где фашистам это удалось, и там началась рукопашная. С карабином в узкой траншее не развернешься, и в ход пошло то, что оказалось под рукой: автоматные приклады, штыки, пехотные лопатки и даже каски, свои и чужие.

Полковник Раус все-таки немного ошибся: да, захватывать траншеи противника его пехотинцев учили. Проблема оказалась в том, что их НЕ УЧИЛИ захватывать именно русские окопы, защитники которых не собирались ни сдаваться, ни отступать... только умирать, перед этим забирая с собой нескольких врагов...

Первого перемахнувшего через бруствер фрица Величев встретил короткой, на три патрона, очередью в живот. После чего боек щелкнул вхолостую – последний диск опустел. А на Павла уже лез следующий. Лицо исказено гримасой ярости, глубокая каска съехала на лоб, форма перепачкана глиной, винтовка наперевес. Времени выхватить пистолет не осталось. Не задумываясь, лейтенант перехватил автомат за ствол – горячий кожух обжег ладони, но он просто не обратил на это внимания – и, коротко замахнувшись, ударил немца прикладом. Выронив карабин, гитлеровец вскрикнул – похоже, удар перебил ему ключицу – и попытался дотянуться здоровой рукой до висящего на поясе штыка. Не успел: превратившийся в импровизированную дубину ППД снова опустился сверху вниз, швыряя немца на усыпанное стрелянными гильзами и зарядными планками дно. Третий удар пришелся по шее, чуть ниже среза каски. Готов...

Отбросив бесполезный автомат, Павел несколько мгновений оторопело глядел на обожженные ладони, затем выдернул из кобуры ТТ, передернул затвор и трижды выстрелил в спину фашиста, борющегося со старшиной.

Галкин был опытным бойцом, но навалившийся на него немец заметно превосходил старшину по комплекции – сил Василия едва хватало, чтобы удерживать предплечьем руку противника с зажатым клинком. Вторая рука ничем помочь не могла: в начале схватки он пропустил удар, и лезвие рассекло мышцу.

Отпихнув обмякшее тело, Галкин судорожно вздохнул, зажав ладонью кровоточащий бицепс, видимый сквозь лохмотья рукава гимнастерки:

– Сп... спасибо... командир... Сзад...

Не дожидаясь окончания фразы, Павел резко обернулся, не целясь, нажимая на спусковой крючок едва ли не раньше, чем успел разглядеть врага.

Пара пистолетных выстрелов потонула в гулком грохоте «маузера». Пошатнувшись, гитлеровец выронил карабин и рухнул на наполовину осыпавшийся бруствер. Не зафиксированная подбородочным ремешком каска сорвалась с головы, кверху дном плюхнувшись на дно окопа. Мокрые от пота, всклокоченные русые волосы были обильно перемазаны кровью – вторая пуля угодила в лицо.

– Командир!

– Ничего, просто голова... закружилась... – Опустив руку с пистолетом, лейтенант сполз по осыпающейся стенке, опустившись рядом с товарищем. – Вась, ты это, винтовку у него забери... сейчас снова полезут, а у меня патронов только три штуки осталось...

– Пашка, глаза не закрывай! На меня смотри! – Здоровой рукой старшина забрал у Величева пистолет, обильно перемазав оружие алым. Пошатываясь, поднялся на ноги и выглянул наружу, прикрываясь телом убитого фашиста. Стрелять ни в кого не пришлось. Атака, судя по всему, захлебнулась окончательно, уцелевшие немцы торопливо отходили к лесу. Вернее, отползали, поскольку советские окопы продолжали огрызаться огнем, пусть и куда реже, чем несколькими минутами назад. Судя по количеству неподвижных тел в фельдграу, противник потерял не меньше половины личного состава штурмовых групп. А скорее всего больше – сколько еще полегло во время рукопашной, не знал никто. Как и того, сколько погибло красноармейцев...

– Пашка, не смей мне умирать, слышишь?! Не вздумай даже! Подумаешь, пулю он схлопотал, великое дело... – Галкин, морщась от боли, вытащил из кармана галифе перевязочный пакет, зубами надорвал оболочку из вощеной бумаги... и неожиданно понял, что перевязать командира самостоятельно просто не сможет. Себя – тем более, поскольку раненая рука висела плетью, проклятый фриц распахал плечо чуть ли не до

кости. Значит, придется звать кого-то на помощь...

Глава 10

Лужский рубеж, 12 августа 1941 года

Решив, что выждал достаточно и добравшаяся до окопов пехота с минуты на минуту захватит позиции и, значит, помочь окажется им в самый раз, Раус бросил вперед все, что у него оставалось – восемь легких танков и десяток бронетранспортеров с пехотой, пристроившихся следом за ними. Бэтэ-эры, долбя из передних пулеметов, шли клином вдоль дороги – соваться на перепаханную советскими и немецкими минами и снарядами землю водители не рисковали, боясь застрять. Учитывая, что на ходу оставался всего один БТ, шансы доползти до линии траншей, к этому времени уже наверняка захваченных штурмовыми группами, и окончательно завладеть переправой, у немцев на сей раз имелись. По крайней мере, так казалось полковнику. Разумеется, как уже было до того, он снова ошибся...

Прежде чем гитлеровцам удалось подбить маневрирующий в предполье перед мостом БТ-7, последний уничтожил три тихоходных «чеха», влепив каждому по бронебойному: одному в переднюю проекцию, двум другим – в борт. Но на этом удача закончилась: фашистская болванка разворотила ходовую по правому борту, превратив танк в неподвижную мишень. Покидать машину экипаж не стал, ведя огонь с места до последнего. Танкистам удалось сжечь вместе с пехотинцами один из бронетранспортеров и разворотить двигатель другому. Когда полыхнул бензин из раскуроченного бака, выпрыгнуть из охваченного огнем десантного отсека успели лишь трое. Добить дымящего искореженным капотом подранка уже не успели: прямое попадание в корму от подбравшегося с фланга LT-35 мгновенно превратило боевую машину в высокий огненный факел.

– Ваську спалили, сволочи... – не отрываясь от липкого от пота налобника прицела, скрипнул зубами Серышев. – Ну, счас помянем боевого товарища... Степа, чего возишься, выстрел давай!

Под рукой сочно клацнул затвор орудия.

– Готово, командир!

– Вот и у меня тоже... – буркнул себе под нос Василий, фиксируя прицельную марку на корпусе фашистского танка, на несколько секунд сбросившего скорость, чтобы обехать оставленную артснарядом

воронку. – Получай, гад!

Бум!

Несколько сотен метров, разделявших стоящий в неглубоком окопе БТ и вражеский танк, бронебойный преодолел за считаные мгновения. Промахнуться младший лейтенант не мог. Короткий вы闪光к попадания почти по центру лобового листа, подскочившая на погоне башня, из-под которой на долю секунды выметнулось полотно чистого белого пламени, подброшенные ударной волной крышки обоих люков, и командирского, и мехвода, жирный черный дым вспыхнувшего топлива. Есть, горит, сволочь!

Вражеский снаряд ударила в невысокий отсыпной бруствер перед танком, по башенной броне заколотили комья земли и осколки – немец, похоже, стрелял осколочным. Нашупал, гад! Еще и оптику пылью запорошило, чтоб его! Теперь кто быстрее наведется, с места-то им никак не тронуться... Младлей завертел маховик поворота, пытаясь успеть обнаружить излишне меткого противника первым. Ага, вот и он, маневрирует, тяжело переваливаясь по полю, метрах в ста. Ну, сейчас получишь ответку, падла...

Снова лязг затвора и тухлая кордитная вонь, лезущая в ноздри. Угольник прицельной марки не спеша наползает на проекцию вражеского танка. Панорама обильно запорошена землей, но целиться можно. Да и как ее очистишь, не вылезать же под пули? Еще чуть-чуть... все, готово. Огонь!

Выстрел, привычный толчок отдачи, едва слышный сквозь шлемофон звон выброшенной казенником гильзы. Промазал, бл-лин: светлячок донного трассера проходит буквально в считанных сантиметрах от противника, бронебойный втыкается в грунт где-то позади него, подкидывая невысокий фонтан из выдранных глинистых комьев и клочьев дерна. Ох, как же не вовремя ты в сторону-то вильнул, ведь верный был прицел! Словно почувствовал, вражина! Ладно, сейчас исправим...

– Степа, выстрел! Скоре...

Удар попавшего в башню снаряда сотряс корпус «бэтушки», сбрасывая Серышева со своего места. Орудие со скрежетом вывернуло под явно непредусмотренным конструкцией углом. Массивный казенник впечатался в бок, под плотной тканью комбеза что-то хрустнуло, отдаваясь короткой, злой болью, от которой на миг потемнело в глазах и стало трудно дышать. В наушниках ТПУ раздался страшный вскрик заряжающего, тут же и оборвавшийся, перешедший в какое-то жуткое бульканье.

Пробив пятнадцатимиллиметровую броню, вражеская болванка своротила набок пушку и практически разорвала тело башнера пополам. После чего выбила кусок перегородки МТО и на излете повредила

двигатель. К привычному тяжелому духу горячего масла, солярки и кордита немедленно присоединился запах свежего дыма: соляр – не бензин, мгновенно не вспыхнет, но уж коль разгорится… выбираться наружу надо, вот что, да поскорее!

Последняя мысль показалась младшему лейтенанту наиболее важной. Несколько долгих секунд Василий пытался осмысливать, о чем он, собственно, только что подумал. Мысли в голове, внезапно ставшей тяжелой, словно чугунный котел, и одновременно легкой, как первомайский воздушный шарик, ворочались с трудом, двигаться и вообще что-либо делать не хотелось просто отчаянно. Но Серышев все же заставил себя приподняться, оттолкнувшись руками от пола боевого отделения. Ладони скользили по отчего-то ставшему липким металлу; едкий дым, которого внутри танка с каждым мгновением становилось все больше и больше, резал глаза и перехватывал дыхание. Зачем-то потормошив то, что совсем недавно было боевым товарищем, башнером Степкой Ивановым, младлей, судорожно перхая и почти теряя сознание от боли в сломанных ребрах, пополз в сторону переднего люка. Скользкие от чужой крови пальцы нашупали рукоятку замка, толкнули квадратную бронезаслонку, маля светлую краску черно-алыми разводами. Безрезультатно, верхняя половинка люка не сдвинулась с места ни на сантиметр. Вокруг немного посветлело, по внутренней поверхности брони судорожно замельтешили оранжевые всполохи, и затянутой пропотевшим комбинезоном спине стало жарко – разбитый двигатель все-таки загорелся.

«Не открывается, заклинило, видать! – мелькнула паническая мысль. Впрочем, особого страха не было – полученная контузия, как могла, защищала разум хозяина. – Ну, да и хрен с ним. Главное, не зря погиб, вон сколько фашистов сегодня на тот свет спроводил… нет, точно не зря… а ребята за нас со Степкой отомстят».

И в этот момент крышка люка внезапно откинулась, звучно скрежетнув петлями, и в светлом – аж немного ослепило привыкшие к полутьме глаза – прямоугольнике показалось чумазое лицо механика-водителя.

Сильные руки подхватили Серышева под мышки, рванули на себя:

– А ну-кась, давай, командир, подмогни мне! Да ты хоть ногами, что ль, отталкивайся, тут, чай, не двери, а вроде как люк! Эх, бедолага. Вот так, молодцом, еще давай, почти вытянул…

Последним, что еще успел осознать, прежде чем надолго провалиться в беспамятство, командир роты легких танков младший лейтенант Василий Серышев, был вливающийся в обожженные легкие чистый воздух и

затянутое пеленой дыма синее небо над головой. И расплывающееся, будто глядишь сквозь слой воды, озабоченно-хмурое лицо склонившегося над ним мехвода.

Затем он потерял сознание, очнувшись уже только в госпитале следующим утром...

А по мосту уже шли, ревя моторами, присланные комбригом на помощь легкие Т-26, с ходу вступая в бой. Последние вражеские танки, которых к тому моменту осталось лишь четыре штуки, спалили сразу. Затем расстреляли, словно в тире, удирающие на максимальной скорости бронетранспортеры – до спасительного поворота дороги кое-как доковыляли лишь две штуки. При этом экипажи боевых машин даже не попытались принять обратно под защиту брони пехотинцев, которым пришлось отступать на своих двоих. Учитывая плотность ружейно-пулеметного огня, частые выстрелы минометов и танковых пушек, удалось это немногим. Затем танки разделились и двинулись вдоль окопов в сторону опушки, добивая из пулеметов и давя гусеницами остатки штурмовых групп.

Большая часть личного состава 2-го батальона 4-го пехотного полка так и осталась в предполье перед рекой. А вот шестая рота 114-го полка полегла практически в полном составе еще в первых атаках. Убитых, вероятнее всего, было не столь и много, гораздо больше раненых, но эвакуировать их с поля боя никто не собирался. Гитлеровцы просто не представляли, что русские позволили бы им это. Кто мог, перевязывался самостоятельно и потихоньку отползал; некоторые при этом даже помогали камрадам. Остальным же оставалось лишь бесцельно звать на помощь санитаров...

Последняя атака Kampfgruppe Raus, переставшей существовать практически в полном составе, завершилась. Атаковать полковнику Эрхарду Раусу больше было просто нечем, оставалось дожидаться подхода передовых подразделений танковой дивизии.

Убедившись, что наступление противника отбито, «двадцать шестые» заняли оборону перед мостом. Т-28 с заклинившей башней своим ходом уполз на восточный берег. Перед этим танкисты перегрузили неизрасходованные боеприпасы в два остающихся на позиции танка. Второй средний, тот, что лишился хода после попадания в двигатель, подполковник Латышев после недолгих колебаний решил оставить на месте: вести огонь он по-прежнему мог. А семидесятишестимиллиметровая пушка в обороне лишней точно не будет. Отправили в тыл и раненых: с той стороны моста уже дожидался знакомый автобус и несколько полуторок.

Последние уцелевшие сорокапятки в количестве двух штук окопали позади линии окопов, уже не столько в качестве ПТО, сколько просто для огневой поддержки. Зато за мостом развернулись две полнокровные батареи 82-мм минометов, весьма неплохо зарекомендовавших себя в недавнем бою. Боезапас для гаубиц Кобрин распорядился беречь до самого крайнего случая, а вот мин к батальонным БМ-37 пока что имелось в достатке. Да и сил для того, чтобы вовремя утащить в тыл семидесятикилограммовый миномет, много не нужно: хоть на автомашине, хоть руками расчетов.

После того, первого в его жизни «Тренажера», он вообще откровенно полюбил это простое, но чрезвычайно эффективное – особенно при грамотном использовании – оружие. А пользоваться ими наводчики умеют, доказали уже. Выручили тогда, помогут и сейчас. Все-таки со скорострельностью миномета никакая пушка не сравнится; даже с учетом визуального контроля выхода из ствола предыдущей мины перед заряжанием следующей – предохранителей от повторного заряжания пока еще нет, насколько помнил Сергей, они появятся несколько позже. Да и дальность впечатляющая – больше трех километров. Эх, были бы у них корректировщики в тылу, можно было еще в прошлый раз герра оберста куда серьезней потрепать. А то отвел за поворот свои бронекоробки – и все, спрятался. Но не срослось. Хотя он и без того нормально по сусалам ограб, надолго запомнит. Жаль уцелел. Ничего, вой-на долгая, глядишь, еще получит свое. По крайней мере, генерала он в ближайшее время точно вряд ли получит, да и командующим 4-й танковой армией в сорок третьем вовсе не факт, что станет. Адольф вполне может ему Лугу и не простить...

Для обеих сторон настала не слишком долгая, то ли до наступления темноты, то ли до рассвета, передышка...

* * *

Лужский рубеж, с. Ястребино, военный аэродром, 12 августа 1941 года

На полевом аэродроме, расположенному в километре от небольшого, всего в тридцать пять дворов, села, царило оживление. Бойцы БАО, вручную откатив приземлившиеся истребители под прикрытие крайних деревьев лесной опушки, пополняли боекомплект, заправляли машины топливом и маслом; техники копались в движках, проверяя, все ли в

порядке. Потрепанный трехосный БЗ-35, некогда выкрашенный в уставный зеленый цвет, а ныне грязно-пятнистый, с местами начисто съеденной бензином краской, поочередно объезжал самолеты. Беззлобно матерясь, баошники торопливо тянули раздаточные шланги, заливая в баки положенные две сотни литров горючего, после чего заправщик, тарахтя изношенным мотором и тяжело переваливаясь на неровностях грунта, переезжал к следующему самолету.

Пилоты же, устроившись на расстеленном на вытоптанной траве брезенте, перекусывали сухпайком, обмениваясь впечатлениями. Поговорить было о чем: все ж таки не каждый день удается за считаные минуты завалить аж три бомбардировщика и всерьез подранить четвертый, не потеряв при этом ни одной машины! Да что там «не потеряв»: несмотря на плотный заградительный огонь, на фюзеляжах и плоскостях юрких «ишачков» техники не нашли ни одной пулевой отметины, вообще ни одной! Эх, вот так бы да в каждом вылете...

Неслышино подошедший комэск несколько секунд слушал веселый треп подчиненных, затем тяжело вздохнул и откашлялся, привлекая внимание. Летчики торопливо вскочили на ноги, приветствуя командира.

– Товарищи пилоты, только что звонили из штаба дивизии. Полковник Лукьянин выражает вам благодарность за проявленный героизм и прочую... гм... – Капитан Антифеев неожиданно сился с официального тона, закончив вовсе не так, как собирался. Ну не мастак он речуги двигать, что ж тут поделать? Его дело в небе летать да немца на землю саживать, а не всякое-такое. Для умных слов вон товарищ политрук имеется...

– Короче, мужики, комдив нам большое спасибо передает. И напоминает, чтобы не расслаблялись.

– Так разве ж мы расслабляемся? – захлопал белесыми ресницами младлей Гурко, командир второго звена. – Расслабляться – это когда по сто грамм можно тяпнуть да на боковую, а тут просто прием пищи в виде сухого пайка.

– Я не о том, – отрезал комэск, не поддержав шутку, хотя обычно вовсе не был против побалагурить с подчиненными. – Ну, чего застыли? Вольно. Присаживайтесь.

Опустившись на краешек брезента, капитан продолжил:

– Товарищ комдив считает, что немцы нам этого разгрома могут и не простить, прилететь с ответным, так сказать, визитом. Потому по аэродрому попусту не шляться, проверить маскировку машин и быть готовыми немедленно подняться в воздух. Зенитчики наши... ну, тут вы сами все понимаете, серьезного сопротивления они со своими

«Максимками» немцу оказать не сумеют. Четыре ствола – штука, конечно, скорострельная, но против бронированного «Юнкерса» играет слабо. Так что... быть готовыми, одним словом. Понятно?

– Так точно, – нестройно отрапортовали пилоты, обмениваясь многозначительными взглядами.

– Вот и ладно, я у себя. – Комэск поднялся на ноги, машинально отряхивая с галифе налипшие травинки.

– Тарщ капитан, а как оно там... вообще? – не сдержался Гурко. – Ну, у моста, в смысле?

– Пока держатся, говорят, фашистов наколотили – жуть, – наконец позволил себе улыбнуться Антифеев.

– Так ведь еще идут, гады, – подал голос старший сержант Арзунян, переглянувшись с товарищами. – Я утром на разведку летал, видел. Целая дивизия к реке прет, то ли сегодня ночью, то ли завтра к рассвету будут у Луги. Сдержат ли?

– Товарищ полковник знает, что делает, – мотнул головой комэск. – Значит, сдержат. А мы поможем. Все, заканчивайте прием пищи и отдыхать.

– А немцы? Ну, те, которые мстить нам станут?

– Может, станут, а может, и нет, – пожал плечами капитан. – Прилетят – так встретим. Так встретим, что надолго запомнят. Боеприпасы и топливо обещали только завтра к обеду подвезти, потому до этого времени растягиваем, что имеем. Не увлекаясь, так сказать.

– А «сто пятьдесят третьи»? Когда наши «чаечки» в бой-то пойдут? Могли бы и подмогнуть в случае чего, из них истребитель ничуть не хуже. Так и стоят заправленные чуть не с самого утра. Еще и контейнеры с зажигательными ампулами под крылья подвесили, а зачем, так никто и не объяснил. Мужики маются, тоже в бой хотят.

– Когда команда придет, тогда и в бой. А пока – ждать, – буркнул Антифеев, поскольку ответа на последний вопрос просто не знал. Впрочем, сам он отчего-то ни секунды не сомневался, что оная команда обязательно поступит, уж больно товарищ комдив отчего-то заинтересовался этими самыми АЖ-2 КС.

– Все, довольно языками чесать. Отдыхайте, товарищи пилоты, пока возможность имеется...

* * *

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года, поздний вечер

Кобрин устало помассировал переносицу, с трудом подавив зевок. Взглянул на наручные часы: половина одиннадцатого, вернее, уже без двадцати трех. Ого! Быстро время летит. А ведь этот кажущийся бесконечным день начался для него с рассветом, можно сказать, затемно. Да и Лукьянин перед переносом сознания успел отдохнуть не больше двух-трех часов, что просто не могло не сказаться на его организме. И технологии далекого будущего, какими бы продвинутыми они ни были, тут ничем не помогут: многодневная усталость, накопленная организмом реципиента, никуда не денется, разве что будет на время придавлена разумом донора. А спал комдив в последние несколько дней лишь урывками. Зато потом, когда устанет и донор, станет еще тяжелее. Находясь Сергей сейчас в своем времени, ни секунды не раздумывая, воспользовался бы стимуляторами из штатной автоматической аптечки. Правда, и отходняк от применения «боевой химии» весьма жестокий, но на пару суток про усталость забыл бы напрочь... Но увы – чего нет, того нет. С этим делом у предков сложно, вернее, никак. Для снятия стресса – исключительно алкоголь, вот только этого нам ни в коем случае не нужно, лишь хуже станет...

– Вы б отдохнули, Дмитрий Акимович? – негромко произнес начштаба, заметив состояние командира. – Уж который день на взводе, спите совсем ничего. Я серьезно, товарищ полковник, настаиваю, можно так сказать! Завтра... – Марусов на миг замялся, подбирая подходящее слово, – большой день, сложный. Мы уж тут дальше сами управимся.

– Отдохну, Анатолий Петрович, честное слово. Вот только еще разок по всем пунктам пробежимся – и на боковую. Больно не хочется что-то важное упустить, сами ж знаете, как оно бывает. Порой самая несерьезная мелочь может всю картину испортить...

– Вот вы пока передохните немного, а мы с товарищами командирами эти самые мелочи и поищем, – усмехнулся подполковник.

– Добро, уговорили, больше не спорю.

Кобрин нашел взглядом скучающего под стеной адъютанта:

– Костя, распорядись насчет умыться. А то видишь, как твоего командира усиленно на отдых отправляют? Выпихивают, можно сказать. – Присутствующие в штабе командиры сдержанно засмеялись. Сдержанно – поскольку раньше комдив Лукьянин подобным образом не шутил. Впрочем, всерьез обращать на подобное внимание никто не стал, даже вымотавшийся с эвакуацией местных и проверкой территории особист –

других хлопот хватало, «выше крыши», как товарищ полковник недавно сказал.

– Только сначала вы мне, Анатолий Петрович, еще раз обрисуете текущую обстановку и наши ближайшие планы касательно моста и завтрашнего немецкого наступления. Не удивляйтесь, иногда полезно, когда твой же собственный план озвучивают, так сказать, со стороны. Вот я и послушаю. Кратко.

– Так точно, – по-уставному ответил начштаба, бросив быстрый взгляд на часы. – Итак, на данный момент, а именно на двадцать два часа сорок одну минуту, мост находится в наших руках. Противник отступил, периодически ведет беспокоящий огонь и регулярно запускает в сторону реки осветительные ракеты. Примерно каждые пять-семь минут, как по часам. Попыток атаки или диверсионных вылазок не зафиксировано. С нашей стороны проведена эвакуация раненых и подбитой, но ремонтопригодной техники, отправлена помощь в составе стрелкового взвода при трех станковых пулеметах с боезапасом на час боя. Еще до роты бойцов скрытно расположились в траншеях восточного берега, себя ничем не выдают. Все обеспечены гранатами, в том числе противотанковыми, и бутылками с зажигательной смесью. В лесу по обе стороны шоссе Поречье – Ивановское так же скрытно размещены огневые заслоны, усиленные ручными пулеметами, так что ситуация с прорывом вражеских штурмовых или диверсионных групп больше не повторится. К сожалению, противопехотных мин больше нет: все ушло на минирование берега в районе разведанных бродов.

– Дальше.

– Согласно данным ближней разведки, передовые части танковой дивизии подойдут к реке не раньше четырех часов утра, соответственно, наступление начнется ориентировочно в районе шести, с рассветом. Сдерживать наступление противника, в зависимости от задействованных сил, планируется не более часа, добиваясь, чтобы он твердо уверился в том, что мы ни в коем случае не собирались отступать, но ему УДАЛОСЬ вытеснить нас за реку. Вторая линия обороны пропускает через себя отходящие войска и держится до того момента, когда противник начнет форсирование Луги, после чего планово отходит к Ивановскому под прикрытием огня минометных батарей. В этот момент саперы производят подрыв моста либо вместе с вражеской техникой, либо раньше в случае попытки противника снять или обезвредить заряды. Следом снимаются с позиций минометчики. Непосредственно после уничтожения переправы в районе Поречья наших войск не остается, только дозоры в лесу и в районе

заминированных бродов. После чего...

– После чего начинается вторая фаза операции, – докончил за подполковника Сергей. – Достаточно, Анатолий Петрович. Когда рванем мост, фрицам понадобится как минимум несколько часов для наведения pontoonov, а поскольку мы не собираемся спокойно за этим наблюдать, а наоборот, станем всячески препятствовать, полагаю, раньше обеда они точно не переправятся. Возможно, что и позже. Что дает нам еще некоторое время для подготовки плацдарма к глухой обороне. Поскольку, повторюсь, отступать мы не вправе ни на метр. Хоть и велика Россия, а некуда нам отступать, как в старину говорилось. Пусть за нашей спиной и не Москва, а Ленинград. Но чем грозит окружение и блокада этого города, вы сами прекрасно понимаете, да и вам свои выкладки приводил. Потому стоять будем насмерть, до последнего. От наших диверсантов никаких сообщений не поступало?

– Никак нет, да и рано еще. Они ведь на своих двоих идут. Скорее всего, к ночи или к утру на немецкие тылы выйдут. Но радисты слушают обе волны, и основную, и аварийную, так что не пропустят.

– Если придет что-то важное – сообщать немедленно, будите в любое время. Хотя вы правы, до утра они вряд ли что-то важное разведают, разве что пощиплют фрица немного, покуда он еще нешибко пуганый. Добро, товарищи командиры, действуем согласно плану. Спокойной ночи никому не желаю, поскольку спокойной она точно быть не может. Все свободны, товарищи...

Глава 11

Лужский рубеж, 13 августа 1941 года

Утро началось с артподготовки – гитлеровцы определенно не собирались изменять своей излюбленной привычке, впервые с успехом примененной ими еще на рассвете 22 июня. Как и вчерашним днем, одновременно работали и пушки, и минометы, причем последние снова чередовали осколочные мины с дымовыми. Правда, на этот раз огневой налет оказался недолгим, не более двадцати минут. Причина чего крылась вовсе не в экономии боеприпасов – не дожидаясь окончания обстрела, к мосту двинулись танки. Уже не только легкие, но и куда более серьезные средние Pz-III и IV, лобовую броню которых снаряды сорокапяток если и пробивали, то исключительно с ближней дистанции. Вместе с пехотой следом за танками двигалось несколько саперных групп, которые должны были под прикрытием боя подобраться к реке и обезвредить подрывные заряды, если таковые имелись.

Командующий 6-й ТД генерал-лейтенант Вернер Кемпф не собирался терять времени попусту, намереваясь в самые кратчайшие сроки выполнить то, с чем не сумел справиться его подчиненный, и захватить переправу с ходу. Тем более разведка доносила, что оборону моста русские всерьез усиливать не стали, лишь эвакуировав раненых и пару подбитых танков. А с несколькими оставшимися боевыми машинами и потрепанной ротой пехоты, что вторые сутки держат оборону (к сожалению, держат весьма эффективно, как вынужден был признать генерал-лейтенант), они справятся без малейших проблем. Откровенно говоря, Кемпф не совсем понимал, с какой целью русские вообще уцепились за эту переправу: понятно ведь, что позиций им не удержать, и мост в конечном итоге будет потерян. Командуй он 191. Infanterie-Division, что окопалась в районе поселка с труднопроизносимым на нормальном языке названием «Iwanowskoje», он давно бы взорвал мост, не тратя силы на бессмысленную оборону.

Впрочем, тут возможны варианты: за два месяца войны с большевиками Вернер уже несколько раз встречался с абсолютно вроде бы нелогичными приказами, которые они тем не менее склонны выполнять до последнего солдата. Вполне вероятно, так вышло и на этот раз: русские командиры просто получили приказ не сдавать переправу ни при каких

обстоятельствах, вот и уперлись. Почему не перебросили к реке больше сил? Да исключительно потому, что узкое дефиле не позволяет этого сделать – где их тут разместишь? В лесу разве что, но там ни танки, ни артиллерию не укроешь. Просто нет свободы маневра. Или другой вариант, тоже достаточно реальный: им попросту нечем подорвать мост. С подобным генерал-лейтенант тоже сталкивался: взрывчатка у саперов противника порой была в большом дефиците. Недаром ведь разведка докладывала, что на настиле установили какие-то бочки, внешне схожие с теми, в которых перевозят бензин или керосин. К чему они там, если не для того, чтобы попытаться в последний момент поджечь мост? Глупо, конечно, металлические несущие конструкции огнем не повредить, бетонные опоры – тем более, а настил (которому еще нужно время как следует разгореться) саперы восстановят за несколько часов, но если ничего иного не остается, могут и попытаться...

И все же в глубине души командир шестой танковой ощущал, что он, возможно, что-то упускает, что-то достаточно важное, хоть и не лежащее на поверхности. Нет, с первого взгляда все вроде бы вполне логично, действия противника достаточно просчитываемые, но подсознательная тревога в душе не проходила. И это не давало ему покоя. Хотя понять, ЧТО ИМЕННО, не удавалось, как ни старался...

Как бы то ни было, первую атаку удалось отразить. Три танка подбили окопанные Т-28 и маневрирующие в предмостье подошедшие на помощь «двадцать шестые». Еще парочку, рывком ухитрившуюся подобраться к самой линии окопов, сожгли пехотинцы, порвав гранатами гусеницы и закидав потерявшие способность двигаться бронекоробки бутылками с жидкостью КС. Сопровождающую танки пехоту отsekли плотным ружейно-пулеметным огнем, заставив сначала залечь, а затем и откатиться назад. Расположившиеся на восточном берегу минометные батареи, как могли, помогали. Поскольку невеликий плацдарм был пристрелян еще вчера, наводчики с легкостью накрывали огнем бегущих фрицев. «Свежие», еще не измотанные суточными боями пехотинцы поначалу пытались закрепиться на изрытой воронками и танковыми гусеницами пустоши, в которую за сутки боев превратился подъезд к мосту. Но после того как одна из мин превратила в огненный факел бронетранспортер поддержки и разворотила ходовую другому, не выдержали и они.

Разумеется, не обошлось без потерь: ответным огнем немцы подбили два советских танка и повредили еще один. Была уничтожена прямым попаданием и последняя сорокапятка. Погибших и раненых среди

красноармейцев оказалось не слишком много, в основном в результате артобстрела.

Из нескольких саперных групп до реки добралась лишь одна, да и та не в полном составе. Впрочем, «до реки» вовсе не означало «до моста»: заранее предупрежденные особым приказом комдива бойцы гарнизона лейтенанта Величева скрутили немцев на подходе, прямо на узком берегу. Фашисты просто не знали, что Кобрин, отлично представляя, что противник обязательно попытается любым способом предотвратить взрыв переправы (или убедиться, что коварные Иваны не успели ее заминировать), распорядился усилить охрану подходов. Не со стороны шоссе, разумеется, там и без того людей хватало, а именно что *понизу*... Вот они и лежали, накрывшись плащ-палатками и ежась от незаметно забирающейся под форму сырости, в наскоро открытых во влажной прибрежной глине полуокопчиках, мысленно поминая товарища комдива незлым тихим словом: мол, чего удумал? Боевые товарищи вон вражеские танки жгут да пехоту с пулеметов крошат, а они тут комаров кормят, поскольку двигаться строжайше запрещено даже для того, чтобы очередного кровососа ладонью прихлопнуть.

Зато потом, когда немецких саперов брали, согрелись. Заодно и душу отвели, поскольку приказ «брать живыми» (с мудрой оговоркой «по возможности») отнюдь не подразумевал, что пленные обязательно должны быть целыми и невредимыми, суть – не битыми. Особенно, понятное дело, не активничали, так, поучили малехо, да погнали прикладами да пинками в тыл – вдруг чего важного знают, начальство разберется...

Вторая атака началась практически сразу, буквально через полчаса. На сей раз – без предшествующего артобстрела: больше не желая терять времени, Кемпф, наплевав на возможные потери, бросил в бой ударный танковый кулак из двух десятков машин. Полагая, что, даже если большевики и выбьют половину, остальные в любом случае сомнут их хилую оборону. Тем более основную роль играли вовсе не штурмующие в лоб панцеркампфвагены, а усиленные пулеметами и пятидесятимиллиметровыми минометами штурмовые пехотные группы, атаковавшие с обоих флангов. Получасовая передышка для того и потребовалась, чтоб дать им возможность незаметно подобраться со стороны леса. Никаких заслонов на пути на этот раз не было. Но тут гитлеровцев ждал весьма неожиданный сюрприз: траншеи и пулеметные гнезда оказались пусты, лишь тускло отблескивали на дне втоптаные в глину сотни стрелянных гильз, пустые обоймы, смятые консервные жестянки, оболочки перевязочных пакетов, обрывки бинтов – все то, что

остается после многочасовой обороны.

Их просто никто не ждал.

Кроме русских минометчиков, немедленно перенесших огонь по своим же окопам и лесной опушке, что стоило противнику едва ли не половины бойцов...

Сражаться же продолжал лишь условный центр обороны, расположенный непосредственно перед переправой. Достаточно успешно, нужно признать: прежде чем два последних Т-28 и пятерка потрепанных, но все еще остающихся на ходу легких танков задним ходом двинулись к мосту, на шоссе и вдоль обеих обочин застыли, пятна утреннее небо разлапистыми столбами черного дыма, четыре немецких панцера. Благополучно уйти на восточный берег удалось не всем: два Т-26 и один средний были подбиты при отступлении. Причем последний, получив попадание в гусеницу и густо задымив, врезался в опорную конструкцию и развернулся поперек дороги, нагло закупорив узкий въезд. Бросившие обреченную машину трусливые русские панцерманы торопливо перебрались на ту сторону, ухватившись унести с собой все три штатных ДТ. Наблюдавшие за происходящим немцы даже не подозревали, что горит вовсе не «разбитый» двигатель – да и с чего бы, если снаряд просто разбил несколько траков и снес направляющее колесо по левому борту? – а работает установленный в специальном коробе на надгусеничной полке прибор дымопуска ТДП-3^[26], исправно имитирующий пожар моторного отсека. Последние перебегающие по мостовому настилу красноармейцы срывали горловины и переворачивали бочки с горючим, позволяя бензину и солярке выливаться на просмоленные доски. Часть топлива просачивалась сквозь щели, и по неспешным водам Луги поплыли, причудливо переливаясь на солнце, маслянистые радужные пятна.

Убедившись, что сопротивление окончательно сломлено и противник отступил, гитлеровцы незамедлительно двинулись вперед. Оттащив с дороги битую технику, на мост въехали первые танки. С тридцатитонной тушей лишившегося гусеницы Т-28 пришлось провозиться дольше всего, поскольку управление оказалось выведено из строя – и когда только русские успели это сделать? И для того чтобы сдвинуть с места трехбашенного монстра, понадобились усилия сразу двух взявших его на буксир легких панцеров. Одновременно под мост отправились саперы. Вот только добраться до среза воды не удалось ни одному из них: с вражеского берега ударил пулемет, до того, видимо, прикрывавший отход своих и не успевший вовремя эвакуироваться.

Вполне в духе этих сумасшедших фанатиков-большевиков, отчего-то

всегда предпочитающих умереть, вместо того чтобы цивилизованно сдаться и отправиться в плен. Пулемет подавили быстро, и никто так и не обратил внимания, что со своей позиции стрелок просто физически не смог бы достать всех погибших саперов. Зато могли снайперские пары, загодя размещенные в нужных точках, прицельные выстрелы которых и маскировал бьющий на расплыв ствола «Дегтярев»...

Команда на подрыв поступила, когда по мосту благополучно прошли бронетранспортеры с пехотой и несколько легких танков передовой разведки. Следом за ними, не теряя ни минуты, уже втягивались остальные: немецкие командиры убедились, что опасности нет. Если бы русские собирались взрывать переправу, то уже наверняка сделали это: какой смысл тянуть? Видимо, и на самом деле просто не успели заминировать. Или шальной осколок порвал провод, и большевистский подрывник сейчас бессмысленно крутит ручку подрывной машинки. Да и господин генерал-лейтенант требовал немедленно продолжать движение – и без того слишком долго провозились с этим мостом, который еще вчерашним утром должен был оказаться в тылу стремительно развивающейся наступление на Ленинград танковой дивизии...

Внезапно по переправившимся войскам ударили минометы. А спустя несколько секунд ожили казавшиеся покинутыми траншеи восточного берега и оба ДЗОТа. Тяжелые пулеметные и винтовочные пули пробивали борта бронетранспортеров и тела не успевших покинуть бронемашины солдат. Успевшие переживали боевых камрадов совсем ненадолго – русские стреляли с убойственной точностью. А тех, кто не попал в прицел, рвали в клочья восьмидесятидвухмиллиметровые осколочные мины. Бьющие с кинжалной дистанции противотанковые ружья сбивали гусеницы и поджигали моторы танков. Это был разгром – буквально в считанные минуты немцы потеряли всю бронетехнику и большинство личного состава. Впрочем, паника среди неожиданно оказавшихся под прицельным перекрестным ружейно-пулеметным огнем фашистов продлилась недолго. Ровно до того момента, когда справившиеся с первым шоком командиры принялись наводить порядок и отдавать четкие команды. Уцелевшие рассредоточились и залегли, укрываясь за корпусами подбитых боевых машин, и открыли ответный огонь. Продержаться нужно было всего ничего, только до прибытия помощи, со всем возможной скоростью идущей по мосту. Однако, как выяснилось буквально через пару минут окесточенной перестрелки, это уже ничего не могло изменить.

Поскольку в этот момент земля под ногами тяжело вздрогнула от мощного строенного взрыва. Оказалшегося настолько мощным, что со

стенок траншей потекли целые потоки иссущенной солнцем глины, а у левофлангового ДЗОТа разошлись бревна перекрытия. Несколько сот килограммов тротила разнесли все три бетонные опоры. Лишившиеся поддержки пролеты обрушились вниз на всем ста шестидесятипятиметровом протяжении вместе с бронетехникой, несколькими грузовыми машинами и шагающими по обеим сторонам моста пехотинцами. Танки и вспыхнувшие автомашины сразу скрывались под водой, вместе с искореженными обломками моста превращая бывшую переправу в немыслимое нагромождение рваного и перекрученного ударной волной металла, разобрать которое будет весьма непросто – и уж точно абсолютно невозможно в самое ближайшее время. Взрыв поджег и разлившееся горючее, успевшее просочиться между досками настила и как следует пропитать древесину. По поверхности реки тоже побежали язычки пламени – топливо, согласно незыблемым законам физики, осталось на поверхности воды. На несколько минут, прежде чем волны отнесли ниже по течению пылающие пятна, на месте бывшей переправы воцарился настоящий огненный ад...

Сколько всего погибло пехотинцев, точно подсчитать не удалось – большая часть числилась пропавшими без вести, поскольку до берега добрались считаные единицы. В основном те, кому посчастливилось не оказаться в эпицентре взрывов и кого не увело под воду многотонной техникой или конструкциями моста...

Отрезанных на восточном берегу немцев перебили быстро. Подбитые, но так и не загоревшиеся танки и броневики подожгли, расстреляв бензобаки, или подорвали ручными гранатами, чтобы не оставлять фашистам ремонтопригодной техники. После чего последние защитники переправы вместе со свернувшими позиции минометчиками отступили к Ивановскому. На самом деле минометные батареи далеко не уходили, поскольку комдив имел на них отдельные планы, лишь имитируя эвакуацию. Позиции для них уже были подготовлены буквально в полукилометре отсюда. А затаившиеся неподалеку от реки корректировщики должны были помочь этим планам осуществиться во всей их полноте и прочей эффективности.

Недолгая оборона прекратившего свое существование моста через Лугу завершилась с явным перевесом в сторону оборонявшихся...

Лужский рубеж, с. Ивановское, 13 августа 1941 года

– Товарищ полковник, связь со штабом группы, срочно. Генерал-

лейтенант Пядышев на линии.

– Благодарю, Анатолий Петрович, не поверите, как раз собирался дождаться, да товарищ командующий первым успел, – слегка покривив душой, кивнул Сергей, беря в руку эbonитовую трубку полевого телефона.

Ближе к полудню делами 191-й стрелковой дивизии, наконец, заинтересовались в штабе ЛОГ^[27]. Откровенно говоря, Кобрин думал, что это произойдет еще вчерашним вечером, но и подобное развитие событий ему вполне подходило. А еще больше подходило, если б ему вовсе никто не мешал. Но это уж из разряда ненаучной фантастики. Так что придется докладывать. Собственно говоря, донесения вышестоящему командованию отправлялись, как и положено, так что с этим все в порядке. Главное, чтобы сейчас оное командование не начало, по давней армейской традиции, грузить множеством ценных указаний, из которых придется выбирать, что выполнять немедленно, что отложить, дожинаясь, пока «само рассосется», а что и кровенно… гм… проигнорировать. Утерять, так сказать, старым военно-морским способом…

Впрочем, возможно, Константин Павлович просто хочет услышать доклад из первых уст, вовсе не собираясь учинять разбор полетов. Да и что тут пока разбирать? Только вторые сутки боев пошли… Тем более Пядышев – весьма опытный и толковый командир, настоящий патриот своей Родины, беспочвенно наезжать и обвинять в несуществующих грехах не станет, сначала выслушает. Да и послужной список более чем впечатляющий. Военную карьеру начал простым прапорщиком, дослужившись к концу Первой мировой – или Империалистической, как ее принято здесь называть – до чина штабс-капитана. Участник Гражданской с 1918 года, стоял у истоков создания Красной Армии. Командовал бригадой, а в самом конце войны – даже и дивизией. В межвоенные годы дважды обучался на курсах высшего комсостава, так что можно сказать, Академию Генштаба закончил, пусть и де-факто. К началу зимней войны с белофиннами занимал должность заместителя начштаба Ленинградского округа. Смело критиковал планы армейского руководства, в частности, считал, что штурмовать линию Маннергейма без массированного применения тяжелых гаубиц и бомбардировщиков нельзя, а лучше и вовсе обойти. Да и к готовности РККА к боевым действиям в условиях сурового северного климата относился с определенным скепсисом. Но, несмотря на поддержку командующего округом Шапошникова, нарком обороны весьма холодно отнесся к этому предложению. Непосредственно во время Финской войны Константин Павлович командовал стрелковым корпусом, участвовавшим во взятии Выборга. Летом того же года получил генерал-

лейтенанта и ненадолго, буквально на неполный месяц, стал командармом, но был переведен в Москву, в центральный аппарат РККА. Сложно сказать, в чем крылась истинная причина этого перевода, произведенного по личному указанию самого Иосифа Виссарионовича. Вполне вероятно, в том, что выводы проведенного по итогам зимней кампании секретного совещания полностью подтвердили изложенные Пядышевым еще до начала боевых действий факты...

Буквально со второго дня Великой Отечественной генерал-лейтенант, занимая должность заместителя командующего округом, лично курировал строительство Лужского оборонительного рубежа. Судя по послевоенным воспоминаниям, бойцы крайне положительно оценивали построенные укрепления, спасшие множество жизней и, так или иначе, сорвавшие «блицкриг» под Ленинградом. В начале июля генерал-лейтенант возглавил Лужскую оперативную группу, занявшую созданные под его руководством позиции, однако уже через пару недель был внезапно арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и антисоветской деятельности. Дальше совсем печально – обвинительный приговор Военной коллегии, десять лет по «пятьдесят восьмой» статье – и смерть в лагере через три неполных года...

Правда, все это было в *реальной истории*, а как сложится сейчас? Сложно сказать. С одной стороны, развитие исторических событий уже изменилось, где-то пойдя по несколько иному пути, как под Смоленском, где-то – как, к примеру, в его случае – просто отставая от *прошлого варианта* примерно на три-четыре недели. Пока ясно одно: на данный момент он не арестован, продолжая занимать свою должность. Впрочем, еще и не конец месяца...

Хм, вот интересно, если Лужский рубеж не просто удержит гитлеровцев на подступах к Ленинграду, а вовсе НЕ ПОЗВОЛИТ им замкнуть кольцо окружения, это ему чем-то поможет? Поскольку победителей на Руси, как известно, не судят? Или крамольные разговоры среди знакомых и письма к супруге с критикой компартии и высшего армейского руководства – правда и уже ничего не изменить?

Так ли оно обстояло на самом деле и что послужило реальным поводом для ареста, Сергей точно не знал, поскольку среди доступной информации об этом никаких подробностей отчего-то не имелось. Возможно, все это тут и вовсе ни при чем. В конце концов, Пядышев спокойно прошел так называемую «чистку» конца тридцатых годов среди высшего руководства РККА – значит, конкретно под него никто не копал. А вот тогдашний нарком обороны вполне мог и затаить обиду еще со времен

Финской – за ту самую аналитическую записку, которую не воспринял всерьез. Зато в конце июля, когда стали срочно искать виноватого за немецкие прорывы под Ивановским и Большим Сабском и неудачные попытки их копировать, что и на самом деле поставило под угрозу судьбу города на Неве, могли всплыть какие угодно прошлые грешки. Хоть те самые крамольные разговоры, хоть личное отношение со стороны Климента Ефремовича, хоть еще что-то, о чем Сергей даже не подозревал. Если это так, то у Пядышева появляется весьма и весьма неслабый шанс выкрутиться – не будет разгрома на Луге (чем Кобрин сейчас, собственно говоря, и занимается), не окажется и повода его арестовывать и судить...

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– Здравствуйте, товарищ Лукьянин. – Связь оказалась на удивление хорошего качества. – Давайте без чинов, Дмитрий Акимович. В целом я в курсе ситуации, сражаетесь вы неплохо. Вопрос только один: почему приняли решение отступить и уничтожить мост?

– Так точно, Константин Павлович, есть без чинов. Переправа уничтожена, поскольку я больше не вижу ни малейшего смысла ее оборонять.

– Поясните, пожалуйста.

«Даже так, пожалуйста? – мысленно хмыкнул Кобрин. – Действительно, старая школа».

– Противник в любом случае взял бы мост в течение самого ближайшего времени. Прилегающая местность просто не позволяет применять войска массированно, в том числе и бронетехнику, поэтому дальнейшая оборона лишь стоила бы мне ненужных потерь. Считаю, что приречные оборонительные позиции я использовал с максимальным эффектом, возможным в данной ситуации. Практически в полном составе уничтожена боевая группа противника под командованием полковника Рауса, суммарные потери – до батальона легких танков и больше двух батальонов пехоты вместе с бронетранспортерами. Даные подтверждены визуальным наблюдением. Нанесен существенный урон передовым частям шестой танковой дивизии. Но самое главное, более чем на сутки задержано продвижение противника в направлении на Ивановское и дальше, к Ленинграду.

– Да, вы держитесь уже второй день... – согласился собеседник.

– Я не совсем это имел в виду, – мягко перебил Пядышева Сергей. – Мост уничтожен таким образом, что восстановить его в ближайшее время абсолютно не представляется возможным. Противнику придется наводить pontonные переправы, чему мы, разумеется, станем препятствовать всеми

доступными силами и средствами. Как минимум до середины сегодняшнего дня они Лугу не форсируют, а возможно, и дальше того.

– Ну что ж... хорошо, – выдержав небольшую паузу, продолжил генерал-лейтенант. – Относительно местности полностью с вами соглашусь. Полагаю, у вас уже имеется план, как это использовать?

– Так точно. Дальше Ивановского мы гитлеровцев не пропустим, твердо обещаю. А время, которое им понадобится на преодоление реки, используем для усиления обороны вокруг поселка.

– Добро, действуйте, Дмитрий Акимович. Полагаюсь на ваш опыт. Тогда последний вопрос: просьбы к командованию группой имеются?

– Так точно, Константин Павлович, две, – четко ответил Кобрин, мгновенно продумав ответ. Собственно, о чем тут думать? Даже если б Пядышев сам ему не позвонил, он все равно бы связался со штабом оперативной группы, пусть и немногим позже.

– Слушаю.

– Во-первых, буду просить у вас авиаподдержку.

– Мне докладывали, вас прикрывает ИАП с аэродрома в Ястребино. – В голосе комгруппы прорезался искренний интерес.

– Совершенно верно, вчера они нас здорово выручили и еще не раз выручат, но там только истребители, причем старого образца. Кроме того, они испытывают серьезные проблемы с боепитанием и горючим. Этот вопрос я решу своими силами, сегодня обещали доставить и то, и другое. Но мне понадобятся бомбардировщики или штурмовики. Очень сильно понадобятся, товарищ генерал-лейтенант. Категорически. Когда и где – сообщу позже.

– Хорошо, товарищ Лукьянин. – Судя по тону, Пядышев усмехнулся. – Тем более если прямо-таки категорически. Я примерно догадываюсь, что именно вы задумали. Договорились. Штурмовиков не обещаю, но бомбардировщики в вашем распоряжении будут. Могу тоже твердо обещать два вылета, но зато с полной бомбовой нагрузкой. А что во-вторых?

– Большой Сабск, Константин Павлович. Убедительно прошу обратить особое внимание на это направление. В данный момент его атакует первая танковая дивизия Вермахта. В случае опасности необходимо перебросить туда любую помощь.

– Полагаете, там есть угроза прорыва? – мгновенно напрягся собеседник. Судя по всему, о чем речь, он прекрасно понимал и карту знал, что называется, на память – Вы обладаете какими-то данными, о которых я не в курсе?

– Не совсем так. Знаете, как фашисты называют плацдарм на Луге?

– Нет. И как же?

– «Воротами Ленинграда». Это мне моя разведка донесла, когда одного пленного экстренно допросили, я и запомнил, уж больно интересная аллегория. Между прочим, вполне в тему. Так вот, известный вам мост и участок шоссе Поречье – Ивановское – это, так сказать, левая «створка» этих самых «ворот». А Сабск – соответственно, правая. И ее тоже необходимо удержать любой ценой.

– Гм, хорошо у вас разведка работает... – задумчиво пробормотал генерал-лейтенант. И Кобрин даже на миг подумал, не сказал ли лишнего. С другой стороны, помочь соседям он ничем не сумеет, а захват фрицами Большого Сабска хоть и не обрушит всю оборону, конечно, но может достаточно серьезно усложнить ситуацию. Так что все правильно, как говорится, предупрежден – значит вооружен. Пядышев – опытнейший военачальник и теперь ни за что не оставит помянутое направление без своего личного внимания. А удивление? Ну так что ж поделать, пусть себе удивляется... Может, его разведчики и на самом деле какого особо говорливого фрица с витыми погонами на плечах с той стороны приволокли, не зря же он фразу про допрос ввернул. А почему в штаб ЛОГ не отправили? Так мало ли? Не дотащили живым, всякое случается. Война ведь, а на войне чего только не случается...

– Значит, «ворота Ленинграда»? Правая и левая «створки»? Красиво. Действительно, вполне в духе германцев, они всегда любили использовать образные сравнения, это я еще по Империалистической прекрасно помню. Добро, касательно этого я вас тоже понял и принял информацию к сведению. Так что за, гм, «правую створку» не переживайте, сражайтесь спокойно. До свидания, товарищ полковник. Удачи вам.

– Благодарю.

Кобрин дважды резко крутанул ручку индуктора, подавая сигнал отбоя. Убедившись, что разговор окончен, телефонистка коммутатора вытащила из гнезда вилку шнуровой пары, разрывая соединение абонентов.

Взглянув на напряженного начальника штаба, Сергей пожал плечами:

– Все хорошо, Анатолий Петрович, сам же практически все слышал. Работаем дальше.

– Значит, и авиацию пришлют? – заметно повеселел Марусов. – Точно?

– Точно. Будут у нас бомбардировщики, как минимум два вылета. Пядышев твердо обещал.

– Отлично! А насчет Большого Сабска как?

– Тоже нормально воспринял. Сказал, что нисколько не удивлен тому,

как немцы наш плацдарм называют. Мол, он за ними склонность к красивым названиям еще с прошлой войны замечал. В смысле с Империалистической. Так что и с этой стороны тоже все нормально должно быть...

Глава 12

Лужский рубеж, 13–14 августа 1941 года

Наплавной понтонный мост ниже по течению от взорванной переправы немцы начали наводить сразу же после подхода к Луге инженерного батальона. С точки зрения бойцов Pionierbataillon – ничего особо сложного, и не с таким справлялись. Хотя работа, конечно, предстояла нешуточная: ширина реки в этом месте была больше полутора сотен метров. О восстановлении же, хотя бы частичном, уничтоженного моста в обозримом будущем и речи не шло. Русские минеры постарались на славу и взрывчатки не пожалели – все три опорных «быка» были разрушены до основания; ударная волна в щепки разнесла перекрытие и искорежила поддерживающие фермы. Кроме того, переправа рухнула в воду вместе с проходящей по ней техникой, ныне покоящейся на речном дне. Значит, сначала нужно оттащить на мелководье танки и обломки грузовиков (для чего нужно специальное снаряжение, глубина местами достаточно серьезная), затем взорвать или разрезать ацетиленовыми горелками металлические конструкции, и только после этого можно начинать восстанавливать – точнее, строить практически с нуля – новый мост. А это время, которого у командования просто нет...

Действовали по многократно отработанному еще во Франции и Польше, а чуть позже уже здесь, в Советской России, сценарию. Сначала после короткой артподготовки через реку рванулись быстроходные штурмовые моторные лодки с пехотным прикрытием. Особого смысла забрасывать снарядами вражеский берег, в общем-то, не было – после разгрома успевшей пройти по мосту передовой разведгруппы русские отошли к Ивановскому, но командование решило на всякий случай подстраховаться. Высадившиеся пехотинцы заняли позиции в сотне метров от реки, установили пулеметы и окопались, готовясь отражать атаки большевиков, если таковые последуют. За это время переправившиеся вместе с ними саперы провели замеры глубины и обследовали дно, убедившись, что лучшего места для будущей переправы не найти.

На западном берегу уже вовсю кипела работа – натянув резиновые полукомбинезоны, бойцы «пионирбатальона» монтировали береговую или неподвижную часть будущего моста. В точности такая же возводилась на противоположной стороне Луги. Одновременно саперы спускали на воду

прямоугольные лодки-понтоны, укладывали поверх бортов несущие металлические швеллеры и настильные доски. Когда камрады закончат работу на берегу, останется только подвести друг к другу собранные части моста и надежно зафиксировать между собой. Ничего сложного, просто эдакий здоровенный конструктор для взрослых парней...

Первые сорок метров прошли достаточно быстро. Затем работа затормозилась: пришлось ждать, пока подойдет вторая колонна с понтонами, несущими конструкциями и настильным материалом, поскольку имевшихся в наличии на всю ширину реки не хватало. Работа закипела с новой силой... ровно до того момента, как с противоположного берега не начали падать мины. Похоже, русские специально дожидались именно этого момента, не желая попусту тратить боеприпасы. Обстрел оказался не слишком долгим, но убийственно-точным: мины разносили в клочья понтоны, превращали в щепу способное выдержать вес среднего танка перекрытие, рвали осколками тела не успевших укрыться саперов. Часть мин легла вдоль обоих берегов, накрывая пехотинцев и повреждая инженерную технику, автомобили и прицепы с неиспользованными строительными материалами.

Под самый конец артналета на восточный берег неожиданно выехали три танка с угловатыми башнями, в которых опытные фронтовики с ужасом узнали уже знакомые им непробиваемые «Духов-панцеры»^[28] – КВ. Первым делом они расправились с уцелевшими пехотинцами и саперами. Танкисты даже не стали тратить на них снаряды, используя лишь пулеметы и гусеницы. По тем, кто в панике бросился в холодную воду, и вовсе не стреляли – из полутора десятков до берега добралось меньше трети, остальных накрыло минами. Вернувшись на возвышенное место, танки несколько минут спокойно, словно на полигоне, обстреливали переправу, предмостное укрепление и запруженное военной техникой шоссе, после чего столь же неторопливо убрались восвояси. При этом им удалось не только разнести обе береговые части будущего моста и большинство понтонов, но и повредить три танка и увенчанный решетчатой антенной командирский бронетранспортер, и сжечь пару грузовиков. Плотный ответный огонь никакого эффекта не возымел: наводчики танков и нескольких 3,7 см Pak 35/36 клялись, что попадали в цель (что, собственно, подтверждали и наблюдавшие в бинокли офицеры), но бронебойные снаряды лишь оставляли вмятины или с искрами рикошетили от брони этих тихоходных монстров.

Общие потери среди саперов оказались не столь уж и велики, в основном за счет раненых и контуженных. Гораздо более тяжелым был

психологический эффект: русские весьма недвусмысленно показали, что не позволят так просто переправиться через Лугу – и отошли. Ведя себя, словно твердо убежденный в своих силах хозяин, походя сильно пнувший сапогом в бок посмевшую броситься на него озлобленную псину.

Пока саперы приходили в себя, подсчитывая потери личного состава и матчасти (с последней дело обстояло особенно плохо, проклятые большевистские наводчики постарались на славу, разнеся все, во что сумели попасть), командование вызвало авиа-поддержку. Зарвавшихся большевиков следовало проучить как следует. А парни из Luftwaffe более чем хорошо умели это делать. Не прошло и получаса, как над головами ровно загудели моторы подходящих с северо-запада пикирующих Sturzkampfflugzeug^[29]. Провожая взглядами четко держащие строй бомбардировщики, немцы лишь злорадно скалились: сейчас обнаглевшие Иваны получат свое! По полной программе получат!

Получили. Вот только не Иваны, а те, на кого так надеялись прикрывавшиеся ладонями от бьющего в глаза солнца солдаты. До Ивановского – чуть более двух километров, так что рассмотреть происходящее, пусть и не во всех деталях, вполне можно. Не успели Ю-87 подготовиться к бомбекке и, разделившись на пары, начать пикирование, как с земли, заставляя развалить строй, затарахтели скорострельные автоматы и крупнокалиберные пулеметы местной ПВО. Как и накануне, вспухли в небе рваные облачка взрывающихся снарядов, понеслись в зенит тусклые в дневном свете росчерки трассеров. Рисковать наученные вчерашним опытом пилоты не стали, торопливо разойдясь в стороны с набором высоты. Впрочем, отступать никто не собирался: на пяти тысячах метров снаряды не столь и опасны, пулеметы – тем более, можно отбомбиться и отсюда, пусть и не столь прицельно. Куда-то да точно попадут: занятое русскими село достаточно большое и войск там полно.

Но буквально тремя минутами позже снова появились краснозвездные истребители, те самые «Крысы», как еще со времен войны в Испании называли гитлеровцы этот лобастый и юркий самолетик. Были ли это вчерашние знакомцы, чей аэродром авиаразведке так и не удалось обнаружить (а сам Hs-126 обратно не вернулся, оказавшись уже вторым потерянным разведчиком за два неполных дня), или какие-то другие, пилоты понятия не имели. Да и не было у них времени отвлекаться на сторонние мысли – противник атаковал грамотно, не подставляясь под пулеметы и пушки и по максимуму используя все скоростные и маневренные преимущества своих машин.

Чем закончилась бомбардировка и удалось ли пилотам вообще хоть

куда-то попасть, наблюдавшие за воздушным боем бойцы Pionierbataillon, за последний час изрядно подрастерявшие былую уверенность в собственной безопасности, разумеется, не знали. Зато прекрасно видели, что обратно вернулось лишь пять Ju 87 из восьми. Двоих сшибли истребители, еще одного завалили зенитчики в самом конце боя. Большевики же потеряли всего один самолет, наискосок перечеркнувший иссиня-голубое августовское небо разлапистым дымным хвостом и упавший в лесу. Пилот успел выброситься из открытой кабины; его парашют, похожий на внезапно раскрывшийся на фоне небосвода белый цветок, отнесло куда-то на восток от Ивановского...

Не прошло и четверти часа, как над головами вновь утробно завыли падающие мины, вздымая из бурлящей реки конусы мутной воды и раскидывая дымные фонтаны прибрежной глины и песка. Пришлось снова бросать работу и укрываться в воронках и брошенных русских окопах, наполовину засыпанных вчерашними обстрелами. Спасало это плохо и не всех: вражеские наводчики давным-давно пристрелялись и порой укладывали сразу две-три мины прямо по линии траншей. Берег опять затянуло мутным тротиловым дымом, смешивающимся с жирной копотью от подожженных автомашин и танков.

Намек был достаточно прозрачным, вот только понять его сумели лишь те, кто счастливо избежал смертельного контакта с раскаленными иззубренными осколками или взрывной волной...

* * *

Форсировать Лугу гитлеровцам удалось только на рассвете следующего дня. Понтонный мост, по которому в накрывшем реку мутном предутреннем тумане двинулись первые боевые машины 6. Panzerdivision, сумели навести глубокой ночью. Эта переправа оказалась уже третьей по счету: первые две русские уничтожили. Одну – минами и танковыми снарядами, вторую раздолбали гаубицами, бьющими с закрытых позиций и потому недосягаемыми для ответного огня. Чтобы хоть как-то выправить положение, фрицам пришлось задействовать всю имеющуюся у них артиллерию и авиацию. Артподготовка сменялась авианалетом, затем в дело снова шли пушки, а следом – опять самолеты. В итоге весь восточный берег до самых окраин Ивановского превратился в лунный пейзаж, а от крохотного Поречья и вовсе практически ничего не осталось: бомбы и осколочные снаряды в буквальном смысле перемешали населенный пункт с

землей. Вместе с двухкилометровым отрезком шоссе Поречье – Ивановское, по которому им же и предстояло наступать. Впрочем, в данной ситуации подобное уже никого не волновало: взбешенный окончательно потерянным темпом наступления и серьезными потерями генерал-полковник Гёпнер рвал и метал. И отдал приказ переправиться через последнюю серезную водную преграду на пути к Ленинграду любой ценой и не считаясь с потерями...

Одновременно пехотные штурмовые группы пытались форсировать реку в районе нескольких разведанных бродов, намереваясь пройти лесным массивом и ударить с флангов. Однако ничего дельного из этого не вышло: как выяснилось, русские этого ожидали, и берега оказались густо засеяны противопехотными минами. Когда же удалось проделать в минных полях проходы, со стороны опушки ударили пулеметы и винтовки, в основном самозарядные, и легкие пятидесятимиллиметровые минометы. В лесу вдоль реки, в обе стороны от уничтоженного моста, оказались подготовлены стрелковые позиции. Потеряв в нескольких недолгих, но кровопролитных боях больше двух третей личного состава, фашисты отступили, предпочтя вернуться на западный берег. Тем более к этому времени саперы уже почти закончили наводить понтонный мост.

Большевики же, будто внезапно потеряв к переправе всякий интерес, с вечера 13 августа никаких ответных действий практически вообще не предпринимали. За исключением противовоздушной обороны – Ивановское их зенитчики вместе с истребителями защищали изо всех сил. Следствием чего стали рекордные за весь последний месяц потери среди пилотов Люфтваффе: на каждый сбитый И-16 приходилось по два, а порой и три бомбардировщика. Ситуацию удалось переломить лишь после того, как пикировщики стали в обязательном порядке сопровождать Bf-109, против которых русские истребители не могли долго продержаться. Но «Мессершмиттов» не хватало^[30], трехсоткилометровый фронт, протянувшийся от Нарвского залива до озера Ильмень под Новгородом, требовал присутствия авиации не только в этом районе...

С наступлением темноты вылеты прекратились. Всю ночь обе стороны вели беспокоящий огонь, что, впрочем, не помешало саперному батальону все же завершить наведение переправы. И с первыми ключьями мутного промозглого тумана, поплывшего над холодными лужскими водами, танковая дивизия начала, наконец, переправу. Рванулись по резонирующему в такт движению настилу мотоциклы и легкие танки передовой разведки, двинулись следом средние панцеры, бронетранспортеры с пехотой и грузовые автомашины с пушками на

прицепе.

Несколько минут понаблюдав за плотными войсковыми колоннами, втягивающимися на понтонный мост, генерал-лейтенант Кемпф, практически не спавший вторые сутки, устало опустил бинокль. Ну что ж, вот и все. Зря он так переживал. Русские, конечно, заставили всех их преизрядно напрячься, но теперь он возьмет реванш. Правда, вчерашние сомнения полностью так и не пропали: крохотный уголек *недопонимания* все еще тлеет где-то в глубине души, но теперь уже ничего не изменить. Как бы то ни было, только что они начали наступление, которому суждено стать последним рывком на пути к бывшей столице Российской империи, ныне носящей имя главного большевистского вождя. Осталось совсем немного – снести оборону в Ивановском, и «ворота Ленинграда» на всю ширь распахнут свои створки. Сил у русских там, конечно, прилично, но и долго продержаться против всей мощи полнокровной танковой дивизии они вряд ли смогут. Главное – не дать противнику зажать их на марше и с ходу проскочить эти проклятые два с половиной километра, захватив село, дальше будет где развернуться, выходя на оперативный простор. Всего каких-то два паршивых километра – и победа, можно сказать, в кармане...

* * *

Лужский рубеж, окрестности Ивановского, 14 августа 1941 года

– Ну что там, командир, идут? – Наводчик сержант Панкеев нетерпеливо заерзal, пытаясь высмотреть на дороге что-то, ему невидимое. Рассмотреть особо ничего не удавалось. Орудия противотанкового опорного пункта были замаскированы на совесть – даром, что ли, полдня ветки в лесу рубили, превращая позиции в подобие густых зарослей? С двадцати шагов не разглядишь, не то что с шоссе. И длинно сплюнул от избытка чувств себе под ноги, на утрамбованную подкованными подошвами сапог глину орудийного окопа.

– Разведка ихняя уж сколько времени назад проехала, должны ж появиться?

– Идут, конечно, Витя, куда они денутся... – скрывая напускным равнодушием легкий мандраж – первый реальный бой, как иначе? – пожал плечами младший лейтенант Ратманов, отрываясь от бинокля. Хотел, было, спрятать оптику в висящий на груди жесткий кожаный чехол, но передумал. Глупо как-то, все равно через минуту снова доставать. Просто

обидно, если разобьет или повредит – бинокль был заслуженный, подаренный прошедшим и Империалистическую, и Гражданскую отцом на окончание артучилища за год до начала войны. Трофейный, кстати, доставшийся бате на разгромленной германской полевой батарее где-то в Галиции.

– Расчету – по местам, до особого приказа – заряжать бронебойными. Первый танк пропускаем, второй – наш. Далее по плану, бьем через два, даем товарищам поработать. Готовность – минута. Огонь по команде.

Негромко лязгнул, запирая в каморе бронебойно-трассирующий унитарный патрон 53-БР-240, полуавтоматический клиновой затвор. Наводчик, развернув, чтобы не мешала, пилотку поперек головы и что-то негромко бормоча себе под нос, приник к панораме. Ствол орудия шевельнулся, плавно доворачиваясь на нужный угол.

Ратманов снова поднес к глазам местами вытертый до металлической белизны бинокль. Первый танк, как и оговаривалось, пропустили – чешская «Прага», темно-серая, с крестом на борту и здоровенной белой двойкой в красной окантовке на утыканной заклепками башне, проплыла мимо. Младлей, впервые увидевший в реальности вражеский танк, проводил Рz. 38 (t) заинтересованным взглядом – ну да, все в точности как в методичке: четыре опорных катка большого диаметра, высокий, но узкий корпус, тонкий хобот 37-мм пушки и массивная командирская башенка поверху. Отличие только одно: этот танк был *цветным*, а вовсе не черно-белым, как на бумаге. И смертельно опасным, в отличие от того, бумажного и плоского, изображенного в двух проекциях: фронтальной и бортовой.

Отогнав несвоевременные мысли, командир орудия сосредоточился на цели. Выдерживая минимальную дистанцию, следом за «тридцать восемьмым» шел самый натуральный Рz.Krfw IV модели «Д»^[31], пусть и с короткоствольной, но зато семидесятипяти миллиметровой пушкой.

«Лоб корпуса и башни – по тридцать мэмэ, борт – по двадцать, – автоматически припомнил младший лейтенант. – Фигня, с такой дистанции легко прошибут, тем более в борт, да под углом встречи чуть ли не в девяносто градусов по нормали. Да и в лоб, пожалуй, тоже, с полукилометра 53-К пробивает до сорока миллиметров, а тут куда ближе».

– Готово, командир, веду гада, – голос наводчика едва заметно дрожал – не от страха, скорее от напряжения.

Пора? Пожалуй, что да...

– Огонь!

Ба-б-бах!

Сорокапятка легонько подпрыгнула на губчатых каучуковых колесах,

окопанные сошники с силой впечатались в успевшую высохнуть глину. Ударная волна выстрела смела часть маскировки, а вот пыли практически не было – недаром артиллеристы периодически поливали землю перед орудием водой. Заряжающий отпихнул в сторону выброшенную экстрактором гильзу и, не дожидаясь приказа, снова зарядил орудие. Звука возвращающегося в запертое положение клина никто не услышал: первый выстрел начавшегося боя, как водится, оглушил весь расчет.

Огонька донного трассера младлей не разглядел – то ли пропустил, от волнения не вовремя дернув биноклем, то ли просто не успел заметить, поскольку расстояние от огневой позиции ПТОП до дороги составляло всего метров триста. Зато прекрасно видел результат. Немецкий танк дернулся, словно неумелый механик-водитель внезапно напортачил с переключением скорости, начал разворачиваться поперек движения... и неожиданно взорвался. Из-под подскочившей над корпусом граненой башни выметнулось полотно рыжего пламени; рвущаяся наружу ударная волна выбила крышки люков. Плюхнувшаяся обратно башня на миг замерла, будто раздумывая, стоит ли ей оставаться на прежнем месте, – и сползла на землю, опрокинувшись кверху погоном.

И тут же полыхнула идущая в авангарде «Прага» – на этот раз детонации боекомплекта не было, но угодивший в моторный отсек снаряд разбил двигатель и поджег бензобак. Мгновением спустя Рз. 38 занялся жарким чадным пламенем, превратившись в огненный факел, фонтанирующий взрывающимися в огне пулеметными патронами. А еще через пару секунд все-таки взорвались снаряды в боеукладке. Никто из экипажей не уцелел, просто не имея возможности и времени выбраться наружу из обреченных боевых машин.

Учитывая, что огонь велся одновременно с обеих сторон шоссе, не прошло и минуты, как в небо поднялись еще три дымных столба – наводчики других ПТО тоже не мазали, стреляя наверняка. Цели разбирались согласно заранее оговоренному плану, потому уже через несколько минут колонна оказалась намертво запертой на дороге. Подобное же происходило и на других участках обороны. Осознавшие, что угодили в ловушку, командиры немецких танков разворачивали танки в сторону опасности, съезжая на обочины. Вот только никакой возможности для маневра у них просто не оказалось. Даже там, в предмостье Луги, было пусты и ненамного, но больше свободного места, чем здесь: Кобрин знал, где расположить артиллерийские опорные пункты, чтобы превратить местность в огневой капкан. В каком бы направлении ни повернули фашистские панцеры, они неминуемо оказывались под перекрестным

огнем соседних ПТОПов, сектора обстрела которых взаимно перекрывались. Развернешься лобовой проекцией, защищенной наиболее толстой броней, к демаскировавшей себя пушке, думая, что нащупал ее позицию, – подставишь борт под снаряд соседней. Если кто-то мазал и снаряд чиркал по броне или сбивал гусеницу, помогали «соседи», добивая подранка...

Немецкие пехотинцы попытались закрепиться на местности и добраться до позиций противотанкистов, но не преуспели: опорные пункты оказались надежно прикрыты бойцами 552-го стрелкового полка, чьи замаскированные позиции гитлеровцы до начала боя так и не обнаружили. Перекрестный массированный ружейно-пулеметный огонь, дополненный минометным обстрелом, оказался для гитлеровцев крайне неожиданным и неприятным сюрпризом. Пришлось отступить, ожидая, пока подходящие со стороны Луги танки все же пробьют брешь в обороне и удастся добраться до окраин Ивановского. Понятно, что у комдива на этот счет имелось свое мнение, радикально отличающееся от немецкого...

Разумеется, сдаваться гитлеровцы не собирались. По советским позициям ударила артиллерия – не слишком прицельно, поскольку разведанных заранее целей не было, а на корректировщиков устроили настоящую охоту снайперы, чего раньше никогда не наблюдалось. А буквально минут через пять где-то далеко за селом забухали гаубицы артдивизиона, начавшего контрбатарейную борьбу. Наводчики 504-го ГАП укладывали свои фугасные подарки куда как более прицельно – разведгруппы «ближнего радиуса действия» успели передать в штаб дивизии сведения о диспозиции батарей противника и ныне корректировали огонь. Часть снарядов легла вдоль запруженного техникой и живой силой шоссе, добавляя паники. Шестидюймовые МЛ-20 Кобрин пока не задействовал, оставляя в резерве – их было всего двенадцать штук, три четырехорудийные батареи. Зато стадвадцатидвухмиллиметровых М-30 образца тридцать восьмого года имелось больше трех десятков. По меркам сорок первого, можно сказать, новьё – всю войну прошли, да и в двадцать первом веке кое-где на вооружении оставались, продолжая воевать. Их и использовал, благо дальностью хватало даже с избытком.

Затем в атаку снова пошли танки, на этот раз почти исключительно средние «тройки» и «четверки» – Кемпф бросил в бой основной броневой костяк дивизии. Окопавшихся в предполье перед Ивановским русских противотанкистов следовало подавить как можно быстрее. Дивизия продолжала переправляться на восточный берег Луги, и затягивать наступление было смертельно опасно. Чем может угрожать скопление

такого количества боевой техники и живой силы в узком дефиле, генерал-лейтенант прекрасно понимал. И даже пару раз задавал себе мысленный вопрос: не об этом ли его предупреждал внутренний голос, говоря о неком недопонимании ситуации? Но изменить уже ничего было нельзя: наступление началось, возвращать войска – означало устроить в районе переправы просто феерическую пробку. Пехота может пройти через лес, но куда девать танки, бронемашины, грузовики?

Главное, успеть до того, как русские командиры ОСОЗНАЮТ, какое получат преимущество, если грамотно воспользуются ситуацией. Значит, только вперед, с максимально возможной скоростью и невзирая на любые потери! Господин генерал-полковник в случае чего простит, признав, что в данной конкретной ситуации у него просто не оставалось иного выхода... да и приказ именно таков – «взять любой ценой».

На пятикилометровой высоте прошли два десятка «Юнкерсов» – все, что удалось стребовать у генерал-майора Ангерштейна, командира 1-й бомбардировочной эскадры «Гинденбург», крайне раздраженного недавними потерями. Выше летели истребители авиационного прикрытия из Jagdgeschwader 54 «Grünherz», чьи фюзеляжи украшали символические зеленые сердца^[32]. Какая бы ни была у противника ПВО и как бы отчаянно ни защищали их толстолобые «крысы», на этот раз им не поздоровится...

Глава 13

Лужский рубеж, с. Ивановское, 14 августа 1941 года

– Ну что же, Анатолий Петрович, вроде все по плану? – удовлетворенно кивнул Кобрин, выслушав очередной доклад с передовой. – Пока противник действует именно так, как мы с вами и предполагали. Начинаем наш последний и решительный, как в гимне поется?

– Согласен, Дмитрий Акимович, – начальник штаба устало кивнул. – Работаем по мосту?

– Да, пора обрубить фрицам возможность перебросить через реку подкрепление. А заодно не позволить доставить боеприпасы и горючее. Бомбардировщики пока прибережем, переправу приказываю уничтожить силами артиллерии. И давайте отмашку штурмовикам, пусть тоже поработают. Засиделись, поди, наши «Чаечки» на аэродроме? Вот пускай и полетают.

Кобрин взглянул на командира разведбата:

– Рустам, как там твои «Луги»? Кроме тех заправщиков ночью еще успехи были?

– Так точно, – кивнул майор Гареев. – Взорваны два второстепенных моста через крупные овраги, что задержало продвижение тыловых сил противника почти на пять часов. Совершено нападение на колонну грузовых автомобилей с боеприпасами, большая часть уничтожена.

– Потери?

– Разведотряд «Луга-2» погиб в бою с противником практически в полном составе. Группы один и три продолжают выполнение задания, потери минимальны.

– Подвозчики боеприпасов – их дело? «Двойки»?

– Так точно. После успешной атаки вынуждены были вступить в бой с пехотой противника. Просто не знали, что они следом идут. Точных сведений не имею, но продержались они достаточно долго.

– Павших – наградить, подготовь представление. С живыми разберемся позже, никого забыть нельзя, среди этих ребят все герои. Да и среди остальных тоже...

Тяжело вздохнув, Сергей негромко добавил:

– И вообще, товарищи командиры, касательно подобного – стесняться категорически нельзя! Понятно, что не за медали сражаемся, а за Родину.

Но и отмечать отличившихся крайне необходимо. Это поднимает боевой дух... и вообще. Понимаю, что сейчас не самое подходящее время об этом говорить, но, тем не менее, прошу принять к сведению, товарищи. Политотдела это касается особенно. Рассказывайте о героях, ставьте в пример – и все такое, не мне вас учить, товарищ комиссар. Примеры времен Гражданской войны – это, конечно, хорошо и правильно, но сейчас подобное, скажем так, уже неактуально. Новые герои появились, вон как разведчики товарища майора, или те, кто мост от превосходящих сил противника защищали. Многих из них бойцы лично знали, вот пусть и становятся примерами для подражания.

Заметив, как вскинулся заместитель по политической части, определенно собираясь задавать какие-то вопросы, Кобрин предостерегающе поднял руку:

– Нет, сейчас никаких обсуждений – тем более это я ни в коем случае не в укор. Если необходимо, можем позже обсудить, а сейчас – воюем. Товарищ подполковник, с аэродрома ИАП ответили?

– Только что. Вылетают. Выполнят два прохода над шоссе, сбросят все, что имеют. После дозаправки и пополнения боекомплекта помогут истребителям – все равно бомбить им будет уже нечего. Да и потери после последнего налета у них серьезные. Потрепали ребят «сто девятые».

– Потрепали, – закаменел лицом Кобрин, – но если бы не их «Ишачки», туговато б нам пришлось. Отлично летуны отработали, отогнали «лаптежников». Пядышев обещал помочь, так что вовсе без воздушного прикрытия мы не останемся.

И продолжил, выдержав недолгую паузу:

– Добро. Пусть артиллерия начинает пристрелку. Через час жду доклада об уничтожении pontонной переправы. *Полном уничтожении!* Ничего иного слышать не желаю. После выполнения основной задачи пускай отработают по шоссе и предмостному квадрату – нечего фрицу в наших окопах сидеть. Распорядитесь.

– Товарищ комдив, разрешите вопрос? А нам когда уж в бой? – не выдержал молчавший до того командир танковой бригады подполковник Латышев. – У моста вроде как повоевали немного, а сейчас опять стоим, приказа ждем.

– Да вот уже практически дождались, – хмыкнул Кобрин. – О чем мы с вами приватно говорили, хорошо запомнили? Тактику «ударил – отошел» запомнили? Огонь и маневренность, никаких танковых дуэлей и прочей дурости. Экипажи беречь, лично про kontrolirую. Танки новые построим, помощнее нынешних, а вот обученных людей откуда брать? Тем более их

дома семьи ждут. Живых и с медалями на груди. Все понятно?

– Так точно, понятно.

– Вот и выполняйте. Приказ поступит буквально в течение часа, скорее всего, даже раньше...

* * *

Над крайними домами Ивановского четыре И-153 «Чайка» прошли на бреющем. Буквально в каких-то десятках метров под плоскостями мелькнули разрушенные крыши крайних домов и срубленные осколками верхушки садовых деревьев. На скопившуюся вдоль шоссе технику заходили двумя парами. Их появления гитлеровцы не ожидали и потому ничего не успели предпринять. Да и что можно успеть сделать, когда буквально над головой внезапно проносятся стремительные тени, из-под крыльев которых тянутся дымные шнуры стартовавших неуправляемых реактивных снарядов РС-82? А следом на головы и прочую верхнюю броню, как водится, наиболее тонкую, падают двадцатипятикилограммовые фугасные бомбы. Особого эффекта от этого не было – скорее сугубо психологический: не ожидали, что называется! Полыхнули несколько танков, раскорячились поперек дороги развороченные прямыми попаданиями бронетранспортер и парочка грузовиков. Еще один полугусеничный Sd. Kfz. 251, водитель которого запаниковал и не справился с управлением, протаранил идущий впереди двухосный «Опель», вместе с ним съехав на обочину. Прочесав колонну длинными, «до железки», очередями ШКАСов, юркие самолетики разошлись в стороны, возвращаясь на аэродром.

Однако вернулись «Чайки» гораздо быстрее, чем ожидали фашисты. Которым было невдомек, что дозаправляться им не нужно – лишь принять на внешнюю подвеску нечто гораздо более необычное, чем бомбы или эрэсы. Последнее стало для скопившихся вдоль шоссе немцев настоящим сюрпризом. Когда из подвешенных под крыльями контейнеров посыпались с виду вовсе неопасные жестяные «мячики» зажигательных ампул АЖ-2 КС, на земле на несколько минут воцарился самый настоящий огненный ад. Разбиваясь о танковую броню, кабины и тенты грузовых машин или даже просто о каски пехотинцев (случалось и такое), капсулы расплескивали литр самовозгорающейся огнесмеси, спасения от которой просто не было.

Прилипающую к любой поверхности «жидкость КС», дающую при горении почти тысячетепературную температуру, невозможно было ни смыть,

ни потушить водой или песком. Вязкая субстанция протекала сквозь решетки МТО, вызывая возгорание двигателей, огненными струйками проникала в неплотно закрытые люки и смотровые щели, воспламеняла кузова автомобилей, превращала солдат в чадные факелы... от этого просто не было никакого спасения. Пожалуй, даже недавний артобстрел не вызвал такой паники, как пара сотен зажигательных капсул, о существовании которых сгорающие заживо фашисты до этого момента просто не знали. Казалось, готова была расплавиться сама броня, хотя, конечно, это и глупость: снаряды в охваченных огнем танках взрывались гораздо раньше...

Возможно, именно поэтому свербящий звук пролетающих над головой фугасных гранат в первые секунды артобстрела и не привлек практически никакого внимания. Тем более удар сразу трех гаубичных батарей обрушился не на шоссе, как совсем недавно, а на с таким трудом наведенную переправу. Снаряды разносили настил вместе с проходящей по мосту техникой, рвали в клочья пустотельные лодки-понтоны, превращали поверхность реки в бурлящую жижу, покрытую пятнами разлившегося бензина и масла или огненными всполохами. Налет продлился не больше двадцати минут, но эти минуты оказались последними в жизни почти полутора сотен гитлеровцев. Вместе с которыми на дно Луги отправились полдесятка танков, несколько бронетранспортеров и грузовиков. О подходе подкрепления и подвозе бое-припасов на ближайшие часы можно было забыть. Учитывая масштаб разрушений, для наведения нового моста придется все начинать с самого начала. При условии, что работе саперов не станет мешать отправившаяся на дно Луги бронетехника – в противном случае придется искать новое место, поскольку на расчистку дна времени просто нет.

Успевшие переправиться на восточный берег войска, сошедшиеся в смертельной схватке со сто девяносто первой СД и приданной ей танковой бригадой, остались в полном одиночестве...

* * *

В прошедшие недавние бои в Прибалтике гитлеровские панцерманы уже не раз и не два встречались с танками противника. За исключением того прискорбного случая под Ракенем^[33], о котором было не слишком принято вспоминать, удача, как правило, оказывалась на их стороне. Но вот сегодня большевикам снова удалось их удивить. Впрочем, «удивить» –

определенno не самое подходящее слово, если речь идет о серьезных потерях...

Когда немецкие панцеркампфвагены, дождавшись окончания авианалета, после которого у противника, казалось, не осталось ни единого шанса уцелеть, расчистили путь, безжалостно спихивая с дороги сожженную штурмовиками, артналетом и огнем ПТОП технику, со стороны затянутого дымом и пылью Ивановского показались русские танки, исключительно Т-34 и КВ, ни одного легкого. Не столь уж и много, количеством примерно до двух неполных батальонов. Атаковать в лоб большевики не стали, сразу свернув с дороги и начав маневрировать, грамотно используя рельеф местности. Причем двигались они таким образом, чтобы не перекрывать директрису уцелевшим под бомбами пушкам опорных пунктов.

В первые же минуты выяснилось, что от семидесятишестимиллиметровых снарядов башенных Л-11 и Ф-32 не спасет никакая броня, даже лобовая «четверок». Даже с учетом частых промахов, допускаемых вражескими наводчиками: счастливо избежавших смертоносного попадания тут же добивали их товарищи или следящие за ходом боя канониры противотанковых пушек. Легкие Рз-II и машины чешского производства и вовсе прошивало едва ли не навылет. А пару раз тяжелые КВ даже и вообще не стреляли, идя... на таран! Удара сорока пяти тонн брони хватало, чтобы без ущерба для себя отбросить и перевернуть leicht panzer весом в десять-пятнадцать тонн. Со средними танками русским порой приходилось повозиться немного подольше – но почти всегда исход оказывался тот же. Короткий выстрел попадания – и следом взрыв боекомплекта или чадный дым вспыхнувшего бензина. Из экипажей выживали лишь те, кто успевал покинуть обреченную машину за те несколько секунд, что разделяли удар промалывающей броню снаряда и внутренний взрыв, превращавший могучую бронемашину в пылающий факел.

Попытки заманить большевиков под выстрелы наспех развернутых вдоль шоссе и на лесной опушке батарей ПТО ни к чему не приводили – они на подобное просто не велись. И даже наоборот: вычислив расположение противотанкистов, немедленно атаковали одним-двумя танками, перемешивая их с землей. Да и не могли маломощные 3,7-см Рак-35/36 причинить бронированным монстрам особого вреда – в лучшем случае разбить пару траков (что уже было серьезной удачей, поскольку потерявший ход танк становился прекрасной мишенью) или оставить на борту или башне пылающую жаром вмятину. В том случае, если успеешь

выстрелить до того, как тебя намотает на гусеницы, а твою пушку раскатает в блин...

Подавив сопротивление в ближних окрестностях Ивановского, русские, потеряв всего две машины, как ни странно, не отошли назад, а двинулись в сторону реки. Атаковали грамотно, малыми группами по две-три машины, с максимальной эффективностью используя преимущество в маневренности и броне, прикрывая друг друга и немедленно отступая в случае серьезной опасности. Причем ухитрялись одновременно использовать и тихоходные «Духов-панцеры», и куда более быстроходные Т-34. Непробиваемый «призрак» шел первым, принимая на себя большинство снарядов, а тридцатьчетверки прикрывали с флангов.

Благодаря новой тактике за весь рейд они потеряли всего три танка. Один – это оказалась тридцатьчетверка – напоролся на выпущенную в борт с нескольких десятков метров болванку и взорвался. Другому сбили гусеницу, но экипаж не стал даже пытаться отремонтировать повреждение под огнем. Выбравшись через нижний люк, один из танкистов завел буксирный трос на подошедший на помощь танк, который и утащил его к своим. Остальные при этом защищали товарища огнем пушки и бортовых пулеметов. Третий панцер группы в этот момент прикрывал. И еще одному «panzer drei-vier» снаряд попал в двигатель. Экипаж, видимо струсив, бросил даже незагоревшуюся машину, забравшись на броню подошедшего на помощь камрада. Но когда пехотинцы забрались внутрь, чтобы выяснить, насколько сильно повреждена машина, неожиданно грохнул сдвоенный взрыв, вызвавший детонацию боекомплекта. Танк оказался заминирован – уходя, русские оставили между снарядами боекладки и под сиденьями мехвода и стрелка-радиста парочку ручных гранат...

* * *

Учитывая особенности узкого дефиле на участке Поречье – Ивановское – того самого «бутылочного горлышка» – и огневое противодействие противника, немецкие пехотные командиры приняли единственно возможное решение – отправили личный состав через лес, намереваясь выйти к превращенному в укрепрайон селу с флангов. Непосредственную огневую поддержку должны были обеспечить минометы и легкие пушки, благо не было ничего нереального, чтобы протащить их через чащобу. А затем, когда они доберутся до советских траншей, сперва подавив сопротивление минами и осколочными

снарядами, их поддержат танки и бронетранспортеры – несмотря на потери, в распоряжении командования оставалось еще достаточно боеспособной техники.

Не знали они лишь одного: Кобрин прекрасно представлял, что именно предпримет противник. И использовал имеющиеся в его распоряжении неполные двое суток с максимальным эффектом. Поскольку обороняться в заболоченном лесу гораздо проще, чем наступать, главное, грамотно использовать особенности местности. Которых вокруг Ивановского хватало более чем с избытком: овраги, русла ручьев, многолетние буреломы и подтопленные поляны, с виду выглядящие вполне обычно – ровно до того момента, пока не ступишь на покрывающую землю изумрудную траву. Главное, первым занять оборону в нужных местах, до срока замаскировав позиции, – и сдерживать врага можно будет сколько угодно. Тем более с высланными вперед немецкими разведчиками нашлось кому разобраться – практически никто из них назад не вернулся.

Еще вчерашним вечером бойцы 191-й стрелковой дивизии скрытно заняли замаскированные узлы обороны и теперь дожидались, когда смогут неприятно удивить оккупантов, заставив их бояться каждой кочки, каждого куста, каждого дерева на родной земле...

Штудируя в далеком будущем информацию о боях на Лужском рубеже, Кобрин по намерто въевшейся привычке обращал внимание не только на сугубо исторические сведения, но и на, скажем так, «сопутствующие». Началось это, пожалуй, еще с тех пор, когда он хотел найти своего пропавшего без вести предка. Или хотя бы точное место его гибели. Потому, работая с архивами Минобороны, Сергей и просматривал более чем многочисленные файлы, касающиеся работы военных археологов, что отыскивали останки незахороненных советских бойцов и пытались их опознать. Погибших на трехсот-километровом фронте бойцов РККА было много, очень много. Как, впрочем, и гитлеровских солдат, чьи покрневшие кости и изъеденные ржой личные жетоны – сказывалась влажная почва – попадались в руки тех самых легендарных «поисковиков» древности ничуть не реже, чем останки советских воинов. Но сейчас, получая сведения с передовой, комдив мог с абсолютной уверенностью сказать, что ТЕПЕРЬ в заполненных мутной болотной водой раскопах куда как чаще будут встречаться кости именно солдат Вермахта. Несравненно чаще, поскольку соотношение потерь складывалось отнюдь не в пользу фашистских вояк. Особенно, памятуя его собственные слова, впервые прозвучавшие еще там, на западной границе, неподалеку от Граево, в первые сутки великой войны: «в моем батальоне пропавших без вести не

будет». И неважно, что нынче под его командованием вовсе не батальон и даже не бригада, а целая дивизия. Приказ бывшего комбата 239-го СП оставался прежним: всех погибших учитывать строжайшим образом...

Казалось, огнем огрызается каждый куст, вросший в землю валун, тысячи лет назад оставленный здесь прошедшим ледником, или замшелый выворотень. Немцы внезапно оказывались под перекрестным пулеметным огнем или прицельными залпами винтовок. При попытке броском подобраться к русским позициям под ноги летели гранаты, причем не только маломощные РГД-33, но и оборонительные «лимонки». Там, где позволяла местность, по наступающей пехоте в упор били легкие орудия, а на открытых местах и минометы. Проклятое Iwanovskoje оказалось с двух сторон окружено пулеметными гнездами и позициями стрелков, прикрывавшими поселок наподобие подковы, развернутой раскрытой стороной в сторону Луги. До лесной опушки в километре от окраин поселка добрались лишь разрозненные группы фашистских пехотинцев... тут же попавшие под ураганный ружейно-пулеметный огонь второй линии траншей и ДЗОТов, заставивший их немедленно отступить обратно, поскольку ни малейшего шанса продолжать атаку не имелось. Как, собственно, и смысла. Поскольку на обещанную командованием танковую поддержку, похоже, рассчитывать не приходилось: подъезды к поселку также плотно контролировались русскими. И судя по количеству новых дымных столбов над шоссе, боеспособной техники у онного командования за прошедшее время серьезно поубавилось. Весьма серьезно...

Глава 14

Лужский рубеж, с. Ивановское, 14–15 августа 1941 года

Бомбардировщики 202-го скоростного БАП^[34] 41-й авиадивизии Северного фронта заходили на цель двумя группами. Шли с максимальной загрузкой – в зависимости от типа каждая машина несла от шестисот до тысячи килограммов авиабомб. Первой группе предстояло работать по живой силе и бронетехнике немецкой танковой дивизии, скопившейся перед Лугой в районе бывшего моста. Второй – по тыловым подразделениям, точная информация по расположению которых была передана в полк штабом советской стрелковой дивизии, держащей оборону в Ивановском. За последние несколько дней пилоты 41-й авиадивизии уже много раз вылетали на поддержку частей Лужской оперативной группы, но столь подробных данных до сего момента еще не получали. Разведчики майора Гареева постарались на славу, нанеся на карту все мало-мальски важные цели – стоянки автомашин, ремонтные мастерские, скопления замаскированной в лесу техники, позиции дальнобойной и зенитной артиллерии. Несмотря на то что к маскировке в Вермахте всегда относились весьма серьезно, сегодня это ничем помочь не могло. Советские пилоты знали расположение не видимых с высоты целей с точностью до нескольких метров.

По команде штурманов вниз практически одновременно посыпались десятки фугасных бомб, от ФАБ-100 до более мощных, весом двести пятьдесят килограммов. Первым делом подавили зенитные батареи, представляющие особую опасность для бомбардировщиков, не обладавших маневренностью истребителя, затем занялись прицельным бомбометанием по остальным разведенным целям. Оценить эффективность удара с высоты, конечно, невозможно, но пилоты практически не сомневались, что ни одна из сброшенных бомб не пропала зря. Гитлеровцы – те, разумеется, кому посчастливилось уцелеть, – были с ними полностью согласны...

К тому моменту, когда с ближайшего аэродрома подоспели Bf-109, обе группы уже успели благополучно отбомбиться и лечь на обратный курс. А «мессерами» занялось их собственное прикрытие – истребители И-16 и Як-1, – дожидавшиеся своей очереди километром выше. Теперь дозаправившись, наскоро перекусить, пока техники проверяют самолеты, а бойцы БАО подвешивают новые бомбы: и снова на взлет. Сегодня у

фашистской танковой дивизии определенно не самый удачный день...

* * *

По большому счету к середине дня 15 августа обеим сторонам стало ясно, что взять Ивановское гитлеровцам не удастся. За прошедшие сутки силы танковой дивизии истощились окончательно, особенно в части бронетехники, выбитой практически полностью. Единственное, чего все же удалось добиться генерал-лейтенанту Кемпфу, – пройти первую линию противотанковых опорных пунктов и, собрав в бронированный кулак немногие оставшиеся танки, захватить окраину Ивановского. Но закрепиться там фрицам не удалось – в поселке они не пробыли и часа, после чего были отброшены обратно мощным ударом танков подполковника Латышева. Ну как отброшены? Правильнее сказать, полностью уничтожены. Поскольку вырваться и добраться до реки удалось лишь двум легким танкам и неполному пехотному взводу. Остальные остались там, куда столь целенаправленно и стремились – в Iwanovskom.

Больше помочь ждать было неоткуда, поскольку нормального функционирования переправы добиться так и не удалось. Саперы работали практически без отдыха, но проклятые русские гаубицы раз за разом разносили в клочья и щепки плоды их трудов. В лучшем случае мост успевал просуществовать около часа, после чего все приходилось начинать сначала. А многое ли успеешь переправить на ту сторону, если постоянно приходится пережидать артналеты, а затем тратить время на расчистку забитой искореженной горящей техникой дороги? Подавить батареи никак не удавалось: после очередного обстрела они немедленно меняли позиции, перебазируясь на одну из запасных.

Плюс ко всему два массированных авиаудара оставили дивизию практически без тылов, большей части автотранспорта и доброй половины запасов горючего и боеприпасов. Причем отработали русские так, словно заранее знали, куда именно нужно укладывать фугасные бомбы. Второй удар пришелся по скопившимся у моста войскам, ожидающим, когда можно будет начать переправу. Произойди это часом раньше или позже, удалось бы избежать столь серьезных потерь. Но бомбардировщики появились именно тогда, когда саперы наводили последний фрагмент моста и войска начали движение, собираясь как можно скорее проскочить регулярно обстреливаемый участок. И в этот момент сверху полетели бомбы. А парой минут спустя – еще и снаряды: Кобрин подстраховался, поскольку не был

уверен, что летунам удастся с первого раза накрыть понтонный мост. Наводчики уже наловчились добиваться прямого попадания со второго-третьего снаряда...

Таким образом, шансов на успех у Кемпфа больше просто не было. Собственно, опытный вояка генерал-лейтенант и сам прекрасно это осознавал. Захватить Ивановское русские им не дадут, это уже понятно. А без этого нет ни малейшей возможности вывести танки на оперативный простор, где меньше болотистых лесов и больше дорог, для чего сначала нужно еще преодолеть около восьми километров на север. И вряд ли эти километры окажутся легкой дорогой. Разведка предполагала, что шоссе в направлении Большой Пустомержи – между прочим, столь же узкое, зажатое с двух сторон лесами и болотами, как и участок перед Ивановским, – перекрыто дивизией народного ополчения, которая пока в боях не участвовала.

Разумеется, понимал все это и Кобрин, поскольку в целом события развивались согласно им же и разработанному плану. Пока комдив был доволен: взять Ивановское немцам не удалось и уже не удастся – просто нечем. Те танки, что еще остаются в боеспособном состоянии, так и застряли на западном берегу Луги, и переправиться он им не позволит. Да и не столь уж и опасны для дивизии эти легкие коробки – потери в бригаде Латышева минимальны, а против КВ и тридцатьчетверок у фрицев шансов просто нет. Точной информацией «на текущий час» комдив не располагал, но после ударов бомбардировщиков вряд ли уцелело больше пары десятков панцеров. Выяснением этого сейчас занимаются разведчики, как будет результат – доложат радиограммой.

Расслабляться пока, безусловно, рановато, но в целом дело, похоже, сделано. Враг остановлен именно там, где и планировалось, 6-я танковая выведена из игры, тылы разгромлены. К тому моменту, когда командующий Panzergruppe 4 генерал-полковник Гёпнер пересмотрит собственные планы и подбросит подкрепление, пройдет какое-то время. Да и не располагает он свободными частями, значит, придется ослабить натиск на каком-то другом участке Лужского рубежа. Что уже само по себе неплохо – товарищам полегче станет. А тут? Тут они в любом случае продержатся, никуда не денутся. Если бы добравшиеся до окраины села фрицы сумели бы продвинуться еще немного дальше (хотя кто бы им позволил, конечно?), то увидели бы, что Ивановское прощестереть с лица земли авиацией, чем взять. А дальше, за поселком, расположились позиции 2-й ДНО, нагло перекрывшие шоссе почти на всем протяжении. Сергей ведь не зря оставил ополченцев в резерве, не задействовав ни в одном из боев, так что время на

подготовку полноценных рубежей обороны и запасных позиций у них имелось. Пока их время не пришло, и Кобрин весьма надеялся, что и не придет. В том смысле, что 191-я стрелковая удержит врага своими силами.

Самое же главное, что, даже если его внезапно «вернут» в будущее, а комдив Лукьянин вполне ожидаемо напрочь забудет события нескольких последних дней, это уже ничего не изменит. Штаб дивизии и танковой бригады в курсе всех планов и наработок, справлятся и сами. Кстати, интересно: а когда его собираются возвращать? Наверное, сегодняшней ночью? Если, конечно, ничего экстраординарного не произойдет...

– Товарищ полковник, есть связь с командующим оперативной группой. – Голос подошедшего начштаба оторвал Кобрина от размышлений. – Пядышев на линии.

– Благодарю, Анатолий Петрович, – кивнул Сергей, подходя к столику с полевым телефоном. И несколько не к месту подумал: «А ведь я, очень на то похоже, жутко устал. Вроде и соснул чуток ночью, и все равно».

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите доложить текущую обстановку!

– Добрый день, Дмитрий Акимович. Давайте, как и в прошлый раз, без чинов. Докладывайте.

– Так точно, Константин Павлович. – Кобрин мельком взглянул на наручные часы. – По состоянию на пятнадцать двадцать одну село Ивановское и подступы к нему находятся под моим полным контролем. Противник понес значительные потери и отступил к реке. Согласно моим данным, атаковать в ближайшее время не планирует. Переправа продолжает находиться под огнем артиллерии – полагаю, до темноты новый мост они наводить не начнут.

– Это уже который по счету? – явно усмехнувшись, перебил его Пядышев.

– Четвертый или пятый, – в тон ему ответил Сергей. – Поскольку мои наводчики не всегда позволяли им полностью закончить работу, сложно точно подсчитать. А уж после обстрела – сами понимаете, сплошные дробные числа выходят, поскольку ничего целого не остается.

– Очень хорошо! Благодарю за службу, Дмитрий Акимович, знатно вы германцам всыпали. Значит, предполагаете, что пока вас оставят в покое?

– Практически уверен. Кемпфу просто нечем наступать, большая часть бронетехники потеряна, а одной пехотой наши позиции не взять. Полагаю, будут ждать подкрепления.

– Добро. Бомбардировщики помогли?

– Так точно, отлично летуны отработали! Наделали у немцев шороху –

и у реки, и в тылу.

– Ну, без ваших разведданных они бы так точно не отбомбились, так что вашей разведке тоже отдельная благодарность. Что планируете делать дальше?

– Продолжать удерживать плацдарм до последней возможности. Правда, снарядов к зениткам и гаубицам маловато, уж больно они прожорливые, что первые, что вторые, но я отправил транспорт, скоро должны подвезти.

– Будут сложности – немедленно сообщите. Помогу всем, чем смогу. Да, и вот еще что, Дмитрий Акимович – предвижу ваш вопрос, потому отвечу первым: в районе Большого Сабска все в порядке, отбились. Посложнее, чем вам, пришлось, но справились. И помочь вовремя подошла. Так что благодарю за весьма своевременное предупреждение!

– Служу Советскому Союзу, товарищ командующий!

– До свидания, товарищ полковник. Удачи!

Завершив разговор, Кобрин дал отбой и подошел к столу. Взглянув на испещренную разноцветными пометками карту местности, глубоко вздохнул. Да, похоже и на самом деле устал. И башка отчего-то разболелась. Может, и на самом деле подремать минут сорок? Вряд ли за это время что-то серьезное произойдет, а если даже и так – Марусов вон на боевом посту, разберется, что делать и кого бить.

Неожиданно сильно, до тошноты закружилась голова, и чтобы не упасть, Сергей вынужден был опереться о столешницу обеими руками. И все равно начал грузно заваливаться в сторону. В глазах потемнело, сознание гасло, словно лампа, на которую подают все меньше и меньше энергии.

– Товарищ полковник, вам нехорошо? – Встревоженный адъютант подскочил, подставляя плечо. С другой стороны метнулся кто-то из штабных офицеров. – Что с вами?!

Ответить Сергей не успел – да его разум и не воспринял заданный вопрос. Последней осознанной мыслью стало: «Неужели ночи дождаться не могли? Зачем прямо сейчас-то меня выдергивать?»

Затем все исчезло...

Эпилог

Капитан Минаев, конец августа 1941 года

– Товарищ капитан, обождите, пожалуйста! – Внезапно раздавшийся за спиной голос заставил Минаева остановиться.

Обернувшись, он увидел запыхавшегося от бега младшего лейтенанта госбезопасности. Контрразведчик оказался незнакомым, что даже несколько удивило: за неполный месяц бывший комбат 239-го СП,казалось, свел знакомство со всеми местными особистами, заодно исписав столько бумаги, сколько за всю предыдущую жизнь не тратил. И всех интересовало одно и то же: почему он ничего не помнит о событиях первых дней войны. А откуда ему знать, почему? Откуда?! Если последним осознанным воспоминанием остался поздний вечер двадцать первого июня, когда он ложился спать в расположении батальона, бывшем польском военном городке на окраине Граево? Затем – провал, заполненный какими-то разрозненными обрывками без начала и конца; отдельными, ничем не связанными между собой кадрами-картинками. Соединить их воедино, выстроить в нужной последовательности не удавалось никак.

Напряженные лица ротных в накуренной, сизой от дыма штабной комнате. Мрачные красноармейцы, орудующие в темноте пехотными лопатками. Десятки двухмоторных бомбардировщиков на фоне рассветного неба, неумолимыми волнами накатывающиеся с запада. Ежесекундно подсвечиваемое вспышками новых взрывов зловещее багровое зарево над ППД первого батальона. Горящий немецкий танк. И советский, тридцатьчетверка. Расплескивающие иссущенную июньским зноем землю взрывы фугасных авиабомб. Немолодой генерал-лейтенант со знаками различия инженерных войск, лицо кажется смутно знакомым, но вспомнить, кто это такой, не удается. Подрагивающая в такт выстрелам холщовая патронная лента, втягивающаяся в окно приемника «Максима», за рукоятками – он сам, в прицеле – фигурки вражеских солдат.

Грязно-серый борт немецкого бронетранспортера, изорванные осколками гранаты трупы гитлеровцев под ним. Толчки отдачи зажатого в руке пистолета. Искореженный ударом о деревья самолет – и снова он, теперь обшаривающий смятую кабину, обильно забрызганную засохшей кровью. Ночь, отсветы костра на склонившихся к земле ветвях, кто-то сидит рядом. Человек определенно хорошо знаком, но узнать, кто это,

никак не выходит.

Какие-то гражданские – женщины, дети, бородатый старик, бинт в руке, искаленное животным ужасом лицо гитлеровского лейтенанта. Снова тот же человек, что уже не раз мелькал в этих странных обрывках-воспоминаниях – на сей раз он, наконец, его узнает: младший лейтенант Зыкин, батальонный особист, ну конечно! Они о чем-то напряженно разговаривают, и он откуда-то точно знает, что тема разговора крайне и крайне важна и имеет огромнейшее значение, но о чем именно? Нет ответа. И на этом все. Вообще все. Словно внезапно порвалась кинопленка и зрительный зал в мгновение ока погрузился во тьму...

Следующее воспоминание – уже вполне осознанное, раннее утро 29 июня. То самое утро, когда он, собственно говоря, и узнал, что понятия не имеет, куда пропала из его жизни целая неделя. Пропала, оставив после себя лишь эти разрозненные кадры-воспоминания. Видя состояние комбата, лейтенант ГБ Макарычев, начальник местного особотдела (и какой-то давний знакомец Витьки Зыкина), в подробности вникать не стал, немедленно отправив его вместе с другими ранеными красноармейцами, вышедшими из окружения за эти сутки, в ближайший военный госпиталь. После осмотра в котором Минаев и оказался далеко за линией фронта. Проводивший освидетельствование замотанный военврач – раненые поступали непрерывным потоком, где уж тут тратить драгоценное время на какого-то потерявшего память пехотного капитана? Руки-ноги целы – и ладно, – ничего дельного сказать не смог, лишь неопределенно пожал плечами. Мол, типичная ретроградная амнезия, суть – потеря памяти, вероятно, вследствие полученной контузии. Езжайте дальше, в тыл, я распоряжусь, там разберутся. А не разберутся, так всегда остается шанс, что со временем память самостоятельно вернется.

Вот только проблема крылась в том, что ни про какую контузию он тоже ровным счетом ничего не помнил...

И только в глубоком тылу капитан Минаев и узнал от проводящего первичный опрос контрразведчика, что, оказывается, еще до начала немецкого нападения самовольно вывел батальон из расположения, заодно предупредив по радиосвязи пограничников. Да еще и комкору Егорову откровенно нахамил. Чем не только спас бойцов, но и за несколько дней боев нанес противнику существенный урон. А поскольку сам он ни о чем подобном даже понятия не имел, то началось...

Чуть не полный месяц мурлыкли, переливая из пустого в порожнее. Откуда получил информацию о точном, буквально до минуты, времени начала войны? Как решился нарушить приказ? Почему не пытался

предупредить штаб полка или дивизии? Вопросы, вопросы, вопросы – и ни одного ответа. А ему воевать нужно, фашиста поганого бить! Ведь знал, чувствовал, что не позже августа все и начнется, а вон как оно вышло... непонятно. Ну да вроде обещали на днях решить, наконец, вопрос – и тут...

– Слушаю вас, товарищ командир?
– Капитан Минаев, Иван Степанович?
– Именно так.

– Младший лейтенант государственной безопасности Сидоров. – Восстановив дыхание, контр-разведчик предъявил удостоверение в раскрытом виде. – Прошу пройти со мной.

Комбат раздраженно дернул щекой:

– А я должен? Мной, насколько знаю, занимаются другие ваши сотрудники. Вас среди них я не наблюдал. Они в курсе?

– Разумеется, в курсе, – спокойно выдержав тяжелый взгляд, кивнул тот.

– И куда меня теперь, калечного? – иронично хмыкнул Минаев. – Все, что знал, рассказал, а что не помню ничего – так в том моей вины нет.

Ответ откровенно ошарашил – настолько, что в первый момент комбат только глазами захлопал:

– Приказано срочно доставить вас в Москву, в главное управление государственной безопасности. Подробностей не знаю, не мой уровень. Пойдемте к машине, на аэродроме ждет самолет, специально за вами из столицы прислали. Только не спрашивайте ничего, я и на самом деле не в курсе. Да и знал бы, не ответил, должны понимать. Как долетите, на все вопросы и ответят...

* * *

Подполковник Сенин, конец августа 1941 года

Главный врач военного госпиталя раздраженно взмахнул рукой:

– Да сядьте вы, товарищ лейтенант госбезопасности, не мельтешите! Разумеется, я все понимаю. И читать умею, тут вы абсолютно правы. Но подполковник Сенин едва оправился от последствий тяжелейшей контузии. Не до конца, хотел бы заметить, оправился! Ему категорически необходим покой и еще раз покой. И потому я не считаю возможным прямо сейчас отправлять его на столь значительное расстояние.

– Но ведь он вполне транспортабелен, я верно истолковал ваши

предыдущие слова? – упрямо переспросил собеседник.

Медик издал неопределенный звук, нечто среднее между возмущенным фырканьем и судорожным вздохом:

– В определенных условиях – да. Допустим, если бы госпиталь подлежал немедленной эвакуации – тогда несомненно. Но последнее – вопрос жизни и смерти пациентов, тут уж на подобное внимания просто не обращают. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Еще в конце июня имел сомнительное удовольствие попасть под германскую бомбардировку, знаете ли. Чудовищные и незабываемые впечатления, откровенно говоря... впрочем, не о том речь. Но везти его в такую даль, тем более на самолете? Неужели это настолько необходимо именно сейчас? Неужели нельзя обождать хотя бы неделю, а то и две?

– Представьте себе, товарищ военврач, именно так, нельзя. Вы видели, КТО именно подписал предъявленный вам документ?

– Видел, – угрюмо кивнул тот, успокаиваясь. – Разумеется, вы в полном праве поступить так, как сочтете нужным. Ничего с этим сделать я не смогу. Но как врач я тоже в своем праве – вправе объяснить всю опасность подобного, хм, мероприятия. Человеческий мозг – чрезвычайно сложная и малоизученная субстанция. Особенно мозг, получивший тяжелейшую ударную и барическую травму. А полет в самолете, все эти перепады высоты и, соответственно, давления, тряска и все такое прочее...

– Я прекрасно вас понял, доктор, – не выдержал контрразведчик. – Но, поверьте, если специально за подполковником прислали самолет, значит, он представляет большую ценность. И в Москве будет кому заняться вашим пациентом. Полагаю, в столице есть достаточно опытные специалисты.

– До аэродрома еще нужно добраться... – задумчиво пробормотал медик. – Хорошо, не вижу ни малейшего смысла и дальше спорить, сейчас я распоряжусь относительно раненого. Полчаса у вас в наличии имеется? Необходимо подготовить выписку и оформить переводные документы. Не знаю, кто займется им после, но лишним точно не будет, уж поверьте.

– Охотно верю, – понимающе кивнул лейтенант. И добавил твердым голосом:

– Но не более получаса.

– Добро. Да, вот еще что: в госпитале находится экипаж товарища подполковника. Я собирался выписывать их буквально со дня на день. Вы позволите бойцам попрощаться со своим командиром? Насколько заметил, они достаточно близки, каждый день его навещают.

Поколебавшись несколько секунд, контрразведчик покачал головой:

– Не вижу необходимости. Завтра сообщите им, что Сенина срочно

перевели в другой госпиталь. Причину... причину придумаете сами, вам в любом случае видней. Считайте это моей настойчивой просьбой. Так будет лучше.

– Понял вас, – угрюмо кивнул военврач. – Подождите меня в кабинете, если хотите – можете курить, пепельница на столе. Пока персонал подготовит пациента и соберет личные вещи, займусь документацией...

* * *

Полковник Лукьянин, конец августа 1941 года

– Да не знаю я, что со мной было! – раздраженно махнул рукой полковник Лукьянин на заданный лейтенантом НКГБ вопрос. – Не помню я ничего ровным счетом, одни какие-то... фрагменты! Врач сказал, от перенапряжения все случилось, мол, повезло еще, что не полноценный инсульт.

– Не волнуйтесь так, Дмитрий Акимович, – успокаивающе улыбнулся Зыкин. – Разве я вас в чем-то обвиняю? Скорее наоборот, теперь я кое в чем абсолютно уверен. Жаль опоздал, ну да что уж теперь.

– Опоздали? – не понял комдив.

– Потом объясню. Вы собрались?

– Да что мне собираться-то, – невесело усмехнулся тот. – Всех личных вещей – в карманы можно разложить. А с документами как быть? Это все-таки военный госпиталь, получится, будто я сбежал.

– Ну что вы, все документы у меня. – Витька похлопал по висящей через плечо полевой сумке. – И все необходимые выписки, и даже история болезни. Пойдемте?

– Разумеется... Хотя понятия не имею, зачем нужен в столице. Мне бы на фронт поскорее.

– Все еще будет, не волнуйтесь. А ответы на все вопросы получите в Москве...

Выходя следом за комдивом из госпитальной палаты, Зыкин усмехнулся, подумав: «Ну, Степаныч, снова от меня сбежал? Хитрован. Ничего-ничего, я ж настырный, сам знаешь. Все равно тебя отыщу»...

Сайт автора – www.tarugin.ru

Форум – <http://forum.amahrov.ru>

notes

Примечания

1

ВАСВ – Высшая Академия сухопутных войск. Подробнее об этом и прошлых приключениях Кобрина можно узнать из двух первых книг серии «Комбат. Вырваться из «котла»!» и «Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!», вышедших в издательстве «Яуза» в 2016 году.

2

Ленинградское пехотное училище им. С. М. Кирова.

3

ЛКБТКУКС – Ленинградские Краснознаменные бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. В июле 1941 года добровольцы и преподаватели курсов сформировали сводный танковый полк и были отправлены на фронт, в район Кингисеппа. Несмотря на значительные потери, выбить гитлеровцев с плацдарма в районе д. Ивановское танкистам так и не удалось.

4

Генерал-лейтенант Вернер Кемпф – командующий 6-й ТД 41-го моторизованного корпуса Panzergruppe 4, входящей в состав ГА «Север».

5

Фамилия изменена. Прототип героя романа – полковник Д. А. Лукьянов, командир 191-й СД с 05.04.1941 по 02.11.1941 года. С мая 1943-го – генерал-майор, войну окончил в должности командира 48-й СД. Кавалер многих правительственные наград, в том числе орденов Красного Знамени и Отечественной войны I ст., медали «За оборону Ленинграда» и других.

6

В реальной истории 14 июля 1941 года мост через р. Лугу был захвачен именно диверсантами лейтенанта Карла Реннера.

7

Парш (жаргон) – сокращение от парашютиста (другой вариант – парашютист-шпион). Встречается, к примеру, в романе В. О. Богомолова «Момент истины». Кобрин имеет в виду, что термин не только появился позже описываемых событий, но и использовался главным образом в частях «СМЕРШа».

8

НА-40 – «нож армейский, образца 1940 года». Нож-финка, массово поступивший на вооружение РККА в сорок первом году. Разработан по результатам советско-финской войны. Использовался главным образом во фронтовой разведке, среди автоматчиков (которым не полагались штатные штыки) и бойцами специальных подразделений частей Управления особых отделов НКВД (будущего СМЕРШа).

9

Еще в 1940 году небезызвестный читателю Илья Григорьевич Старинов написал книгу «Белофинские мины и ловушки и борьба с ними», изданную в Ленинграде в том же году. В ней описывались основные типы минных ловушек, в т. ч. и изготавливаемых из обычных гранат «растяжек». Любопытный факт: минирование трупов противника автор называет не иначе как «варварством».

10

Здесь и далее имя изменено или выдумано автором.

11

Здесь: судьба (*nem.*).

12

Хорошо. Работай (*нем.*).

13

ОСП-30 – 26,5-мм осветительный сигнальный пистолет образца 1930 года. То же, что порой называют «ракетницей».

14

У бронеавтомобилей типа БА-6 и БА-10 второй топливный бак и на самом деле располагался внутри корпуса, в крыше между отделением управления и боевым. При поражении бронеавтомобиля огнем противотанковой артиллерии, а иногда даже при близком разрыве фугасного снаряда бак часто разрушался, буквально окатывая танкистов бензином. С учетом опыта боев с японцами на Халхин-Голе и финской войны конструктивная ошибка была устранена: на БА-10 М образца 1940 года баки разместили вне бронекорпуса, на крыльях задней колесной пары. Реннеру просто не повезло: в его распоряжении оказался БА именно старого образца.

15

Кобрин имеет в виду чешский легкий танк LT vz.35 производства компании Skoda, массово используемый Вермахтом в начальный период Великой Отечественной войны. Вооружение – 37-мм пушка.

16

Лейтенант имеет в виду немецкое обозначение этого танка Pz.Kpfw 35 (t). Литера «t» в конце индекса обозначает страну-производителя, в данном случае – Чехословакию (Tschechisch).

17

Имеется в виду истребитель-биплан И-153 «Чайка», который в начальный период Великой Отечественной войны зачастую использовался в качестве легкого штурмовика. Мог нести до 8 неуправляемых ракет РС-82 и 200 кг бомбовой нагрузки.

18

КС – самовоспламеняющаяся зажигательная смесь, широко применяемая для борьбы с танками; иногда называлась «русским напалмом». Обладая значительной вязкостью, хорошо приклеивалась к поверхности поражаемого объекта. Температура горения достигала 1000 градусов. Упоминая фосфор, комдив имеет в виду, что это вещество и вызывало возгорание огнесмеси при контакте с воздухом.

19

PAK – Panzer Abwehr Kannone (*нем.*) – собственно «противотанковая пушка (орудие)».

20

«B», «B u. G» – «Betriebstoff und Gerät for Fuel» – топливо и топливное оборудование. Вторая надпись: «Огнеопасно. Не курить!».

21

В отличие от РККА, в частях Вермахта и на самом деле имелся острый дефицит в автоцистернах, из-за чего гитлеровцы зачастую использовали для транспортировки ГСМ трофейную технику. Большинство существовавших на тот период бензовозов использовались частями Люфтваффе. В основном же горючее они доставляли в самых обычновенных «Kraftstofffass 200L» – 200-литровых бочках или даже просто канистрах.

22

Осипов, Виктор Петрович (1871–1947). Российский и советский психиатр, невропатолог, физиолог, работал под руководством В. М. Бехтерева и других выдающихся специалистов конца XIX – начала XX вв. Завкафедрой психиатрии Военно-медицинской академии, директор Института мозга, профессор. Один из основоположников отечественной психиатрии. Генерал-лейтенант медицинской службы. В 1923–1924 годах – один из лечащих врачей Ленина.

23

Кажинский, Бернард Бернардович (1890–1962). Инженер-электрик, кандидат физико-математических наук, впервые в Советском Союзе всерьез занялся исследованиями в области телепатии и так называемой «биологической радиосвязи». Сотрудничал с К. Э. Циолковским и В. М. Бехтеревым. Тесно общался с известным фантастом А. Р. Беляевым (автором романов «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», «Звезда КЭЦ» и др.), став прототипом героя книги «Властелин мира».

24

В реальной истории он получил эту награду 11 октября 1941 года именно за эту операцию.

25

«Костыль» – распространенное среди бойцов РККА прозвище немецкого ближнего разведчика «Henschel Hs-126». Массово применялся в качестве основного авиаразведчика до конца осени 1941 года, после чего его в основном заменили самолеты «Фокке-Вульф FW-189», та самая знаменитая «рама».

26

ТДП-3 – танковый дымовой прибор, производимый заводом «Компрессор». Оснащался 2–5 распыляющими форсунками и сорокалитровой емкостью, в которой могла находиться не только смесь для постановки дымовых завес, но и другие вещества, к примеру, дегазационный состав или, наоборот, боевое отравляющее вещество. Как правило, ТДП-3 оснащались так называемые «химические танки» РККА.

27

ЛОГ (аббревиатура) – Лужская оперативная группа.

28

Гитлеровцы называли танки КВ «Духов-панцерами», по имени одного из его конструкторов Н. Л. Духова. Также в литературе упоминается иное прозвище – «призрак» (gespenst). Вероятно, связанное с тем, что подбить его не могло ни одно противотанковое орудие начального периода Великой Отечественной войны.

29

Sturzkampfflugzeug (нем.) – пикирующий бомбардировщик.
Разговорное сокращение – Stuka.

30

Реальный факт: согласно исторической информации, в описываемый период господство в воздухе в целом прочно оставалось за советскими ВВС. Тот же мост возле Поречья не раз подвергался авиаударам наших бомбардировщиков, к сожалению, неудачным.

31

Младший лейтенант имеет в виду немецкий средний танк Panzerkampfwagen IV Ausf. D. Общая номенклатура серии – Sd. Kfz. 161. Выпускался с октября 1939-го по май 1941 г.

32

Jagdgeschwader 54 «Grünherz» – 54-я истребительная эскадра «Грюнхерц» («Зеленое сердце»).

33

Имеется в виду поистине уникальный в истории Великой Отечественной войны случай, когда 24 июня 1941 года всего один-единственный тяжелый танк КВ-1 ДВОЕ суток сдерживал наступление целой танковой дивизии. Подробности этого героического подвига можно легко найти в Интернете.

34

БАП – бомбардировочный авиационный полк.